

НОВГОРОДИКА NOVGORODICA

№ 2

2022

Министерство культуры Новгородской области
Новгородская областная универсальная научная библиотека

№ 2

НОВГОРОДИКА
NOVGORODICA

2022

АЛЬМАНАХ

Великий Новгород — Москва

2022

УДК 94(47-2-3)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)
Н 72

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Б.Н. Ковалёв, д-р филол. наук Т.В. Шмелёва,
д-р Э. Лёфstrand, д-р ист. наук Е.А. Рыбина,
канд. ист. наук Г.М. Коваленко, канд. ист. наук В.Г. Смирнов,
канд. ист. наук И.В. Хохлов, учёный секретарь НГОМЗ Т.Н. Ярыш,
гл. ред. Е.В. Барканова, отв. ред. Т.А. Данько

Н 72 НОВГОРОДИКА : альманах / гл. ред. Е.В. Барканова ; Министерство культуры Новгородской области ; Новгородская областная универсальная научная библиотека. — Вып. 2. — Великий Новгород — Москва : ООО «Издательство «Вече», 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-4484-3986-5

Знак информационной продукции 12+

Выпуск просветительского альманаха «Новгородика» предлагает вниманию читателей материалы по истории, искусству и культуре Новгородской земли в ретроспективе и настоящем.

Содержание второго выпуска определяют публикации по истории Смутного времени, о загадочных и значимых событиях Петровской эпохи, деятельности Новгородского земства и ярких его представителей, кредитных учреждениях, дворянстве, вопросы материального и нематериального культурного наследия и его сохранения. На страницах издания — архивные заметки, мемуары, обзор последних печатных изданий. Поэтичность народной речи, берестяной промысел, школьное обучение, религия — вот далеко не полный перечень тем, положенных в основу культурного кода Новгородской земли и означенных авторами альманаха.

ISBN 978-5-4484-3986-5

УДК 94(47-2-3)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)

© Коллектив авторов, 2022
© Новгородская областная универсальная
научная библиотека, 2022
© Новгородский музей-заповедник, 2022
© ООО «Издательство «Вече», 2022

НОВГОРОД

- Янин В.Л.* О Дмитрие Сергеевиче Лихачёве.....5
Секретарь Л.А. Архиерейское подворье на Устье.....13

КАФЕДРА

- Шмелёва Т.В.* Диктант и практики коммеморации23
 Наследие Кирилла и Мефодия31
 Возрождённая традиция32
Рабинович Я.Н. «...Мир сей был истинное благодеяние для России».....33
Салоников Н.В. «...Учить славенского чтения и писания
по новопечатным букварям, а потом и грамматики»47

ЭХО

- Данков М.Ю.* Парадоксы «господина полковника»55
Васильев Я.А. «...Для сохранения верного
и для прибыли необманчивой»67
Мусаев В.И. «...Сектанты не регистрируются ни в церковных,
ни в гражданских документах».....74
Корешкова Т.А. Новгородский сельскохозяйственный съезд
1869—1871 годов.....85

ИМЕНА

- Морылёва Н.Н.* Портрет на фоне эпохи97
Кириллов А.Н. Дворянские истории115
 Переполах в Дворянском собрании115
 Морока с выморочным именем.....121
Игнатъев А.А. Поэт Серебряного века Михаил Кузмин.....127

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

<i>Терешкина Д.Б.</i> «Каждое слово-то в сердце возлагается»	140
<i>Ярыш В.И.</i> Берестяной промысел.....	151
<i>Смирнов В.Г.</i> Новгородские исторические рассказы.....	163
Как одевались новгородцы.....	163
Красивым быть не запретишь	167
Новгородское застолье.....	170
Кулачные забавы.....	172
Весёлое ремесло скоморохов	174

АРХИВ

<i>Савинова И.Д.</i> Записки архивиста	177
«Просто не верится, а между тем...».....	177
«Стреляли...».....	180
«Лейте свой керосин...»	182
Ямщик, погоняй лошадей!.....	184
Вот идёт пароход	185

ВЕРНИСАЖ

<i>Васильева И.М.</i> Живописная экспрессия Владимира Рябова.....	187
---	-----

ДРЕВНОСТИ

<i>Свиньин П.П.</i> Несколько дней в Новгороде Великом	194
--	-----

EXLIBRIS

<i>Морылёва Н.Н.</i> Восьмилетний кризис Российской государственности и всего русского мира	205
<i>Калашникова А.А.</i> Нестоличное правоприменение, или Новгородская практика судопроизводства	213
<i>Козлов С.А.</i> Портрет поэта в интерьере казармы	216
<i>Востров А.В.</i> К вопросу о конфессиональной истории Северо-Запада России XX века.....	219

Вниманию читателей альманаха представляет публикацию выступления академика Валентина Лаврентьевича Янина на пленарном заседании Международных Лихачёвских чтений, которые состоялись в Санкт-Петербурге в декабре 2006 года. Это выступление посвящено творческой деятельности выдающегося учёного и общественного деятеля Дмитрия Сергеевича Лихачёва, но погружение в заявленную тему вполне естественным образом переплетается с обращением к истории и исследованию древнего Новгорода. Ведь и сам «Лихачёв на всю жизнь сохранил любовь к Новгороду и внимательно следил за открытиями новгородских археологов»¹, — отмечал в одном из интервью Валентин Лаврентьевич.

Текст выступления был обнаружен в архиве В.Л. Янина и передан в альманах профессором МГУ Е.А. Рыбиной.

Валентин Янин

О ДМИТРИИ СЕРГЕЕВИЧЕ ЛИХАЧЁВЕ

Выступление на пленарном заседании

Когда меня пригласили на эту замечательную конференцию, я задумался о том, что же было генеральной идеей, которая руководила всем творчеством Дмитрия Сергеевича. Нужно сказать, подобные идеи легко отыскивать в публицистике, а не в научных трудах, для которых, как это очевидно, направляющей идеей яв-

ляется стремление решить конкретную исследовательскую задачу. К счастью, работам Дмитрия Сергеевича свойственно неперенное сочетание обеих целей. Решая конкретную задачу, он всегда умел извлечь из результата исследования высокую и поучительную мысль, направленную к формированию общественного нравственного идеала.

¹ Валентин Янин. «Совесь, благородство и достоинство отличали Лихачева» / Беседовала Елена Александрова // Площадь Лихачева. Научный портал о наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева, истории русского языка и российской культуре: [сайт]. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/vospominania/Valentin_Yanin.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

Валентин Лаврентьевич Янин на Лихачёвских чтениях.
Фото из архива В.Л. Янина

Для того, чтобы вы поняли ход моих мыслей, я хотел бы сначала обратиться к опыту личного полувекового общения с Дмитрием Сергеевичем, каждая встреча с которым оставляла глубокие зарубки на памяти. Я познакомился с ним в 1952 году в Новгороде, на раскопках, посетить которые он захотел в связи с продолжающимся второй год открытием берестяных грамот, число которых с каждым днём стремительно увеличивалось. Новгород, как это хорошо известно, был для Дмитрия Сергеевича своего рода «Меккой». Начальной истории новгородского летописания была посвящена его диссертация. В 1945 году был опубликован его очерк культуры Новгорода XI—XVII веков, переизданный в 1959 году. Посмертно был опубли-

кован потрясающий альбом его довоенных зарисовок Новгорода — созданная, казалось бы, непрофессиональным художником лирическая сюита, главными героями которой стали не только шедевры архитектуры, но и люди, с которыми Дмитрий Сергеевич тогда встречался. Я же, работавший на новгородских раскопках уже четвёртый сезон, полагал себя чуть ли не коренным новгородцем и нашёл в разговоре с Дмитрием Сергеевичем сюжет, для него неожиданный, а для меня остро пережитый.

Я рассказал ему о первых своих впечатлениях на новгородских раскопках пятилетней давности. В 1947 году, когда я по окончании первого курса приехал в Новгород, города фактически не было. Был громадный пустырь, заросший ло-

пухами и бузиной, на котором там и сям возвышались руины храмов и кирпичные коробки разрушенных зданий. От стен Детинца был виден вал Окольного города, над которым поднимались столбы дыма. Это пока ещё немногочисленные жители Новгорода осваивали под временное жильё блиндажи и ходы сообщения немецкой линии обороны, поставив в них печки-буржуйки и соорудив над ними толевые крыши.

Наша археологическая работа началась с прополки. На том самом месте, где потом было построено здание обкома КПСС, а ныне — областной администрации, мы выдирали с корнем лопухи и бузину (её запах до сих пор мне отвратителен как напоминание о пожарищах и людском горе), а потом вскрыли дёрн и сразу вышли на горизонт 1941 года. Это был зольный слой сгоревших деревянных

домов, главными находками в котором оказались запертыеисячие замки. Покидая Новгород, жители заперли дома с оставшимся в них жалким скарбом. Они рассчитывали вернуться и отпереть эти замки, а, вернувшись через три года оккупации, нашли лишь заросшее бурьяном пепелище.

Мы с Дмитрием Сергеевичем подошли к стене Неревского раскопа, и я показал ему в профиле многочисленные зольные и угольные прослойки

культурного слоя — следы периодически уничтожавших город пожаров. Пожары — причина нашей отечественной источниковой бедности. В отличие от средневековых горожан Западной Европы, живших в каменных домах и сохранивших в них свои архивы письменных документов, русский горожанин в средние века жил в деревянном доме. Такой дом удобен в нашем климате: зимой в нём тепло, летом прохладно,

Новгород. 1947 г. НГМ КП 38357/42

а строительный материал всегда под рукой. Однако сама скученность городских построек способствовала их неперемнной гибели от пожара. Мы раскопали в Новгороде остатки тысяч домов X—XV веков, и подавляющее их большинство несёт на себе следы уничтожившего огня, в котором горели книги и иконы, берестяные письма и предметы прекрасно украшенной утвари. Чем дальше вглубь столетий, тем меньше письменных и художественных

свидетельств нашей истории: что не сгорело в XI веке, догорало в последующие столетия. Тем важнее оказывается работа по кропотливому выявлению и сбору новых источников в земле и архивах, но прежде всего именно в земле.

Эта первая беседа с Дмитрием Сергеевичем не раз вспоминалась мне позднее. Она, я думаю, послужила первоначальным толчком к совместной работе в Обществе охраны памятников истории и культуры, возникшем в середине 60-х годов. А потом — в Российском фонде культуры. Она вспоминалась мне и при чтении многих журнальных и газетных статей Дмитрия Сергеевича, связанных с этим общественным движением. Эти статьи были потом собраны в большой том под знаковым названием «Прошлое — будущему». Мне думается, что в этом названии и заключена главная, направляющая общественная нравственная идея, которую лучше всего поясняют не раз цитированные Дмитрием Сергеевичем устно и в печати пушкинские строки:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Да, мы живём на пепелище нашей истории. И такое же горькое чувство, какое я испытал, глядя на запертые новгородские замки 1941 года, мы испытываем при виде вскрытых лопатой археологов пепелищ древнерусских городов, уничтоженных шквалом татаро-монгольского нашествия XIII века. Жаль, что об этих пепелищах не знали

или не желали знать не видевшие их покойный Л.Н. Гумилёв и процветающий ныне А.Т. Фоменко! Мне такое пепелище довелось увидеть и раскапывать во Вщиже, где планировка древней улицы определилась только по линии нанесённых на план городища запертых навсегда замков!

А что же сказать об отеческих гробах! На глазах родительского и моего поколений одно за другим стирались исторические кладбища. Кажется, в Москве последнее из них погибло при прокладке «Третьего кольца», когда бульдозер прокатился по могиле историка Петра Ивановича Бартенева. Мне особенно горько рассуждать на эту тему: кладбище, на котором погребены мои предки с материнской стороны, в процессе «укрупнения деревень» попало в зону расширения досоафовского полигона и стало вместе с сельской церковью объектом учебного бомбометания... Только энтузиазм Марии Юрьевны Барановской и её сподвижников уберёт могилы Веневитинова и Чехова, Гоголя и Левитана, по-видимому, мешавшие строительству социализма. Их останки были перенесены на Новодевичье кладбище. Но кости умерших в московских госпиталях офицеров и солдат, погребённых на Братском кладбище, легли под фундаменты новых домов. Мне памятна ретивая прыть одного из главных архитекторов Новгорода, мечтавшего ликвидировать Петровское кладбище, чтобы на его месте построить детский городок с каруселями и прочими аттракционами. По существу, именно кладбища, пришедшие в омерзительное состояние, с их ободранными церквями и часовнями стали некими символами

бездуховности, формируя неуважительное отношение к предкам, старине и традициям.

Вспоминая сегодня Дмитрия Сергеевича, я хочу обратить внимание, что пушкинскую цитату он продолжал словами так и не дописанного Пушкиным последнего варианта этого великого стихотворения, в котором о двух «дивно близких нам» чувствах говорится:

Животворящая святыня!
Земля б была без них мертва...

Приведя эти строки, Дмитрий Сергеевич писал: *«Поэзия Пушкина мудра. Ни одно слово в ней не лишено смысла. Почему же любовь к "отеческим гробам" "животворящая"? Да потому что она ценностна, творчески активна, потому что она — одно из слагаемых культуры».*

«Любовь к отеческим гробам» — синоним уважения традиции. Так же, как и «любовь к родному пепелищу». Это синоним уважения своей истории. У неё есть чему поучиться вопреки расхожему мнению о том, что история якобы никого и ничему не учит. Меня не устаёт поражать народное долготерпение в постоянном возрождении традиции на своём пепелище. Живший в деревянном доме наш предок — русский человек — прекрасно знал, что его дом обязательно сгорит. Но как только дом, простояв десять, пятнадцать, от силы тридцать лет,

Новгород. На раскопе. 1982 г.
Фото из архива В.Л. Янина

сгорал, погорелец возводил новый и тут же наполнял его резной утварью, украшал разным узорочьем, как будто строил и обустроивал его на века.

Назвав сборник своих патриотических статей «Прошлое — будущему», Дмитрий Сергеевич знал и желал научить других, что у истории есть чему поучиться. За примерами обращусь к наиболее близкому мне — и Дмитрию Сергеевичу — Новгороду. Неповторим ли, уникален ли его феномен? В 10-х годах XV столетия в Новгороде была проведена реформа управления, резко расширившая его главный административный орган, который мы вслед за ганзейцами привыкли называть Советом Господ. Форма государственной организации Новгорода стала напоминать венецианскую, что было прекрасно осознано самими новгородцами. В 1420 году началась чеканка собственных серебряных денег-«новгородок», на которых изображена патронесса города

св. София, вручающая коленопреклоненному посаднику символы власти. Это очевидная, бьющая в глаза реплика традиционного изображения на венецианских монетах, где патрон города св. Марк вручает коленопреклоненному дожу символы власти.

Когда это тождество сюжетов было нами осознано, возникло недоумение. Венеция, как принято считать, была республикой купцов, власть же новгородских бояр основана на крупном землевладении. Значит, полного сходства нет? Напротив: появляется работа итальянского исследователя, доказавшего, что и власть венецианских патрициев опирается на крупное землевладение — естественно, не в лагуне, а по всему Леванту. Значит, всё-таки полное сходство? Отнюдь! Венецианские патриции собирались под сводами Дворца Дожей, не колеблемого приливом народных страстей. Новгородские же аристократы обсуждали свои проблемы на вечевой площади, где полноправные «вечники» были окружены толпой, как мы теперь сказали бы, митингующих сограждан. Новгородский политический строй, в отличие от венецианского, нёс в себе элемент гласности, о которой мы не так давно и так много с надеждой говорили.

Но что такое «гласность»? Возможность хотя бы кликами порицания или одобрения влиять на важные политические процессы формировала творческую личность. Не отсюда ли в какой-то степени проистекает знаменитый культурный взлёт средневекового Новгорода, в котором были созданы высокие шедевры зодчества, живописи, книжности?

Не отсюда ли непревзойдённый уровень грамотности всех слоёв его населения? Сегодня из культурного слоя Новгорода извлечены 915 берестяных писем. И это при том, что вскрыты каких-нибудь 2 % его древней территории. И это при том, что в землю попадает ничтожная доля того, что когда либо было написано и не сторело в печах и в пламени пожаров! (Замечу в скобках, что Дмитрий Сергеевич всегда интересовался нашими берестяными находками, реагируя на их публикации блестящими рецензиями).

Был в Новгороде и ещё один завидный элемент политической жизни. С конца XIII века утвердился порядок ежегодного отчёта перед вечевым собранием главных должностных лиц государства. Если деятельность посадника за год признавалась удовлетворяющей, ему продлевали полномочия на следующий год. Если же она оказывалась недостаточной, на посадничью степень избирали боярина из другого конца. В XV веке пошли дальше, сократив отчётный срок до полугода. Но это уже был очевидный перегиб, связанный с желанием многих боярских семей хотя бы недолго посидеть у государственного пирога.

Возвращаясь к пушкинским строкам, я всё же должен заметить, что философски, как мне представляется, более значителен черновой, почему-то не удовлетворивший Пушкина и зачёркнутый им вариант характеристики «*двух дивно близких нам чувств*»:

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека —
Залог величия его.

ими из земли источников, совсем не похожих на летописи, акты или литературные памятники. Тем значительнее реакция постоянного внимания и понимания со стороны Дмитрия Сергеевича. Его всеобъемлющая культура делала его желанным собеседником для людей всех возрастов. Каким молодым огнём зажигались его глаза при восприятии наших специфических восторгов. Автор великой формулы «экология культуры» своим примером демонстрировал животворящее воздействие культуры на человека, поддерживавшей «экологию души». Дмитрий Сергеевич всегда был много моложе своих лет.

Не откажу себе в удовольствии рассказать один эпизод, о котором я узнал в Нижнем Новгороде от очевидцев.

Дмитрий Сергеевич, будучи в Нижнем, захотел побывать в Макарьевском Желтоводском монастыре. Секретарь нижегородского обкома, зная непристойное состояние этого памятника истории и культуры, стал объяснять, что монастырь недоступен для посещений: «половодьем снесло пристань», «затонул рейсовый пароход» и т. д. Дмитрий Сергеевич огорчился, но молодые коллеги отвели его на пристань, посадили на пароход и доставили в Макарьев. У входа в монастырь сидела, пригорюнившись, некая бабушка, у которой Дмитрий Сергеевич что-то спросил. Та с трудом подняла голову и сказала: *«Ох, сынок! Что ты говоришь, я ничего не слышу. Я ведь стала старая, глухая да глупая! Не поверишь — мне уже 80 лет»*. Дмитрию Сергеевичу тогда было 83 года.

В северных окрестностях Новгорода, на месте современного микрорайона Волховский, с X века располагалось известное по летописным источникам поселение при впадении реки Питьба¹ в Волхов.

Начиная с XIII века в письменных источниках в устье Питьбы упоминается Николаевский Пидебский погост с церковью Николая Чудотворца. В начале XVII века после шведского разорения погост превратился в пустошь. В 1648 году её приписали к Дому святой Софии, а в 1650-м новгородский митрополит, будущий Патриарх Московский и всея Руси Никон устроил на этом месте Архиерейское (Устьинское) подворье.

Особое внимание привлекает история строительства и архитектуры сохранившегося до наших дней каменного храма в честь святителя Никиты — новгородского чудотворца.

Людмила Секретарь

АРХИЕРЕЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ НА УСТЬЕ

В середине XIX века, по сведениям архимандрита Макария (Миролюбова), в Новгороде и ближайших окрестностях в собственности Дома св. Софии (Архиерейского дома) находилось четыре подворья с разной историей, предназначением и судьбой. Подворье в кремле до 1722 года принадлежало Юрьеву монастырю, после чего перешло в собственность Дома св. Софии. Взамен монастырь получил для устройства подворья приписной к Дому св. Софии Арсениев монастырь. Приобретение Юрьевского подворья расширило границы Архиепископского двора в кремле. Другое подворье располагалось у кремлёвской стены на берегу Волхова и называлось «Островок владычный». Известно, что в XVIII веке тут

существовал сиротский дом. Во времена Макария здесь располагалось шесть флигелей и проживали служители Архиерейского дома. Подворье между Чудинцевской и Прусской улицами упоминается в 1391 году в числе подаренных архиепископу Иоанну. В середине XIX века здесь располагались два флигеля и при них — большой фруктовый сад [4].

Место расположения четвёртого подворья Дома св. Софии в ближайших северных окрестностях Новгорода при впадении небольшой речки Питьба в Волхов в документах XVIII — начала XX века чаще называлось — «на Устье». В поздних источниках встречается название «село Никитское или Никитинское». Это место известно также как «Архиерейская мыза». В начале XX века оно

¹ Река Питьба (Пидьба) является левым притоком реки Волхов.

Архиерейская мыза. Фото 1900—1915 гг.
 Источник: https://vk.com/photo-12011186_266857150

названо «Устье» (мыза Новгородского архиерейского дома) [5, с. 291; 13, с. 90]. Помимо этого населённого пункта, упоминается деревня Новое Устье на реке Питьба близ Трубичинских казарм на Санкт-Петербургском шоссе.

О существовании в устье Питьбы древнего поселения свидетельствуют летописные сообщения. В Новгородской первой летописи под 989—991 годами рассказывается о том, как однажды житель этого поселения — «питьблянин» (от названия реки Питьба), вышел ранним утром на берег Волхова, чтобы отвезти «горонцы»² в город, и увидел, как по реке плывёт сброшенный новгородцами языческий идол Перун. Он оттолкнул его шестом со словами: «...ты, рече, Перуищице досыть еси ел и пил, а ныне поплочи прочь...»³.

Следующее летописное сообщение под 1228—1229 годами фиксирует существование на этом месте деревянной церкви в честь св. Николая Чудотворца. В Волхове сильно поднялся уровень воды, и ветром сюда принесло восемь из девяти разрушенных городен Волховского моста — «и принесе к Питбе под святыми Николу 8 городен в ночь, а 9-ю рознесе»⁴.

В 1418 году на месте прежней деревянной церкви была построена новая с тем же посвящением: «...да церковь деревяну поставиша Николу на Питьбы» [8, с. 45].

В переписной оброчной книге Водской пятины 1500 года упоминается деревня Кушеверка, находившаяся в то время во владении Никольской церкви «с усть Питьбы» и церкви Иоанна на Опо-

² Слово «горонцы» (глиняные горшки) происходит от слова «горно», обозначающего печь для выделки керамических изделий (См.: Новгородский областной словарь. СПб., 2010. С. 184).

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ) / АН СССР, Институт истории. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 160.

⁴ Там же. С. 273.

ках⁵. Сообщение в этой же книге «а церковь того погоста писана в великого князя волости в дворцовой в Королеве» не оставляет сомнений и в том, что храм стоял на погосте и не входил в тот период в состав владений Дома св. Софии, а относился к дворцовому селу Королево⁶. Погост в устье Питьбы упоминается также в Писцовых книгах дворцовых владений 1584 года [2, с. 273].

В Никольском Пидебском погосте — административно-территориальной единице допетровской Руси, в 1500 году Софийскому Дому принадлежало «по новому письму» 6 деревень с 16-ю дворами⁷.

В начале XVII века при захвате Новгорода шведами село Королево, относящиеся к нему деревни и Никольский Пидебский погост сильно пострадали. В селе, по свидетельству Писцовой книги 1629 года письма Фёдора Маврина и Андрея Козловского, осталось 14 дворовых мест [2, с. 272].

Деревянный храм в честь Николая Чудотворца, стоявший на погосте и неоднократно восстанавливаемый, просуществовал до шведского разорения Новгорода. Архимандрит Макарий приводит следующую выписку из Писцовой книги 1629 года, хранившейся тогда в архиве Софийского собора: «Погост на реке на Волхове на усть реки Питьбы, а в нем была церковь Никола Чудотворец древя-

на верх, а в церкви образы и всякое строение мирское, и после немецкого разорения сожгли прихожие люди...»⁸ [4, с. 63]. Иконы, книги и другие ценные предметы удалось до сожжения перенести в село Королево. Место расположения этого села указано в «Описи вотчинам новгородского архиерея и церковной утвари» 1763 года: «...на реки Пидбе при Большой от Новгорода к Санкт-Петербургу дороге, от Новгорода 10 верст» [1, с. 226]. Таким образом, село Королево находилось неподалёку от погоста с церковью Николая Чудотворца на берегу Питьбы.

После того, как церковь Николая Чудотворца была сожжена шведами, больше на этом месте она не восстанавливалась. К 1645 году погост превратился в пустошь. Она упоминается в Дозорной книге 1645—1647 годов, выписку из которой приводит архим. Макарий: «Пустошь погост на Волхове на усть реки Питьбы...» [4, с. 63]. В пустоши числилось четыре места церковных причетников и место келейное.

В 1648 году при царе Алексее Михайловиче и новгородском митрополите Аффонии дворцовая волость Королево с одноимённым селом, приписными к нему деревнями и погостами, Никольским Пидебским и Григорьевским Кречневским, была пожалована Новгородскому владыке [2, с. 66]. Возможно, передача дворцовых владений Дому

⁵ Новгородские писцовые книги (НПК). Т. 3. СПб, 1868. Стб. 24.

⁶ Там же. Стб. 13.

⁷ НПК. Т. 3. Стб. 22. Деревни Стипенка, Наволок, Витка (фонетический вариант названия Ветка) существовали в XIX — начале XX в. (См.: Список населенных мест Новгородской губернии. Вып. 1. Новгородский уезд. Новгород, 1907. С. 90; Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Новгородский уезд. Новгород, 1895. С. 304).

⁸ Выражение «древяна верх» обычно относится к храмам с шатровым завершением.

св. Софии произошла не без участия Никона, в то время архимандрита Московского Новоспасского монастыря, будущего Патриарха Московского и всея Руси. Никона связывали с Новгородским митрополитом Аффонием тесные дружеские отношения. В 1643 году Аффоний совершил обряд посвящения Никона игуменом Белозерского Кожеозерского монастыря и предрёк ему владычную кафедру в Новгороде после его ухода, что и случилось в 1649 году. В то же время Никон был очень близок к юному царю Алексею Михайловичу, отношения с которым в этот период были тёплыми и доверительными. Он являлся духовным наставником царя [3, с. 18–20].

После 1648 года начался новый период в истории древнего Никольского Пидебского погоста, на месте которого вскоре был обустроен двор Новгородского митрополита. По сообщению Новгородского хронографа XVII века, в 1650 году «в Великом Новеграде преосвященный Никон митрополит поставил церковь древяну во имя пресв. Богородицы Одигитрии на устьи Пидмы реки и двор устрои на приезд себе и иным владыкам» [14, с. 77]. Расширение церковного и монастырского землевладения с помощью купли, выгодного обмена, частных и царских пожалований, освоения пустующих земель и налаживание в этих вотчинах обширной хозяйственной деятельности с устройением в них храмов и монастырей характеризуют политику Никона как церковного иерарха.

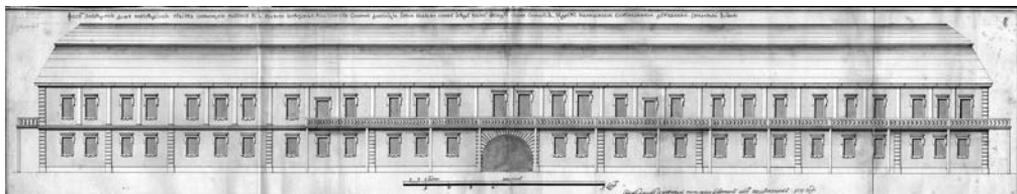
Невозможно предположить, каков был первоначальный архитектурный

комплекс Архиерейского подворья, что удалось построить здесь митрополиту Никону за короткий период его деятельности в Новгороде, с 1649 по 1652 годы, кроме деревянного храма и как выглядел этот храм.

В 1750-е на Устье была построена каменная церковь. В 1753 году, в соответствии с указом императрицы Елизаветы Петровны, от архиепископа Новгородского Стефана (Калиновского) последовала резолюция казначею казённого приказа игумену Пахомию Лисицкому: ему было велено получить алебастр, купленный у купца «*Ивана Степанова сына Янковского <...> к будущему в 1754 году в доме его Преосвященства что на Устье каменной церкви строению*» и привезённый на барках из Твери. Алебастр закупался также у крестьянина «*Углицкой провинции Унжецкой осады Верховской волости деревни Усолья*». Тогда же у ратмана новгородского магистрата Андрея Калашникова была приобретена и привезена на барках в бочках свиноецкая известь круш. За сделанный на колмовских заводах кирпич деньги выплачивались бобылям Архиерейского дома «*Филиппу Григорьеву с товарищи*»⁹. Из «*Описи вотчинам новгородского архиерея и церковной утвари*» 1763 года известно, что церковь освятили в честь Тихвинской иконы Божией Матери [1, с. 224]. Известно также, что в 1750-е изготовлением изразцов для Дома св. Софии занимался бобыль Пидебской вотчины Федот Елисеев [11, с. 235]. Не исключено, что изразцовые печи украшали и постройки Архиерейского подворья на Устье.

⁹ Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 867. 1753. Л. 4–10.

К первой половине XVIII века можно отнести строительство одной из построек подворья на Устье, зафиксированной на обмерном чертеже 1775 года московского архитектора Ивана Парфентьева¹⁰. На нём представлено протяжённое двухэтажное здание с мансардной кровлей и сквозным арочным проёмом в центре. Плоскость стены делится лопатками, простыми в уровне второго этажа и рустованными в уровне второго. Окна украшены барочной формы наличниками. На втором этаже устроена обходная галерея на тонких стойках.

Одна из линий застройки подворья Дома св. Софии «на Устье». Обмерный чертёж И. Парфентьева. 1775 г.

В основу сформировавшегося к 1763 году архитектурного комплекса Устьинского подворья был положен принцип линейной застройки. Главная каменная линия длиной 39, шириной 4 сажени, предназначенная для приезда архиерея, судя по Описи, располагалась внутри двора. В центре возвышалась церковь. Скорее всего, она была надвратной по причине большой протяжённости здания. К ней примыкали симметричные двухэтажные каменные постройки. На первом этаже размещались братские кельи, кладовые, кухня, скатертная и хлебня, на втором — архи-

ерейские покои. По правую сторону от этой главной линии со стороны Волхова располагалась вторая линия двухэтажных каменных строений длиной 33, шириной 4 сажени с братскими кельями, хлебней, баней, столярной и кладовой. «Против ворот», ведущих во двор со стороны Волхова, к северу находилась ещё одна линия каменных строений длиной 39 сажени. Она состояла из расположенного в центре двухэтажного братского корпуса с певческой палатой размером 15 × 4 сажени вместе с воротами и построенных по сторонам сараев для

сена и конюшенных припасов. Четвёртая каменная линия 33,5 сажени длиной, четыре — шириной, направлялась к реке Питъбе. Здесь находились кельи, баня «с прибанником» и погребца. «В верхнем апартаменте» упоминаются переходы деревянные. Такое описание позволяет предположить, что именно эта линия показана на чертеже Парфентьева.

К основному комплексу каменных построек примыкал конюшенный двор с деревянными избами, санными сараями, стойлами для лошадей. Рядом с подворьем был разбит яблоневый и вишнёвый сад, возделывался огород «про-

¹⁰ ГАНО. Ф. 482. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

Архиепископ Арсений и сопровождающие его лица на пристани у Архиерейской мызы, летней резиденции архиепископа Новгородского. 1913—1916 гг. НГМ КП 47267 Ф. 18. Оп. 2. Ед. хр. 8

домовой росход», для прогулок посажена берёзовая роща. В селе Королеве, тоже принадлежавшем Архиерейскому дому, размещался скотный двор, гумно с двумя овинами и «магазин хлебной» [1, с. 224–226].

В начале XIX века на Архиерейской мызе был построен новый двухэтажный каменный дом для приезда новгородских владык с надвратной домовой церковью в честь святителя Никиты. Строящийся в селе Устье дом упоминается в приходо-расходных книгах Архиерейского дома за 1806 год. Здесь же помещена смета расходов на строительство дома¹¹. Автор статьи, посвящённой истории сооружения нового храма святителя Ни-

киты в 1915 году пишет: «...лет сто тому назад эта мыза служила местопребыванием Новгородских владык, для чего и построен был большой двухэтажный дом с домовою церковью во имя святителя Никиты» [16, с. 997]. Возможно, после этого и появилось ещё одно название сельца — «Никитское» («Никитинское»)¹².

Можно предположить также, что при возведении подворья митрополитом Никоном в новый храм перенесли частицы мощей погребённого в Софийском соборе святителя Никиты, в честь которого позднее здесь построили храм. Возводя новые храмы, основывая монастыри, Никон заботился о наполнении их сакральным смыслом, достигая этого, в том числе, вложением чудотворных икон, списков с них, а также перенесением частиц мощей почитаемых святых. При крещении Никон получил имя греческого происхождения *Никита*, и, без сомнения, этот факт являлся очень значимым для особого почитания тезоименитого ему новгородского святителя, хотя назван он был в честь переяславского святого Никиты. Известно, что, будучи Новгородским митрополитом, Никон занимался поновлением

бённого в Софийском соборе святителя Никиты, в честь которого позднее здесь построили храм. Возводя новые храмы, основывая монастыри, Никон заботился о наполнении их сакральным смыслом, достигая этого, в том числе, вложением чудотворных икон, списков с них, а также перенесением частиц мощей почитаемых святых. При крещении Никон получил имя греческого происхождения *Никита*, и, без сомнения, этот факт являлся очень значимым для особого почитания тезоименитого ему новгородского святителя, хотя назван он был в честь переяславского святого Никиты. Известно, что, будучи Новгородским митрополитом, Никон занимался поновлением

¹¹ Отдел письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ). № 11305. Л. 12 об., 21 об., 38.

¹² Во владении Дома св. Софии в XVII в. находилось ещё одно село с названием Никитское в Дикопольской вотчине, расположенной в Богородицком уезде (близ Тулы).

церкви святителя Никиты на подворье Дома св. Софии в Москве. К ней была пристроена паперть, заказаны иконы, сундуки для книг [3, с. 1–6].

В летней резиденции «на Устье» отдыхали или останавливались по дороге на Санкт-Петербург практически все новгородские владыки, начиная с митрополита Никона. Особенно притягательным оказалось это место для последнего в дореволюционный период владыки — Арсения (Стадницкого). По его благословию и при его непосредственном участии в 1914—1915 годах здесь был построен к востоку от основного комплекса подворья храм во имя святителя Никиты, сохранившийся до настоящего времени. Его торжественное освящение состоялось 19 июля 1915 года. Строительство осуществлялось на средства из доходов Дома св. Софии, а четырёхъярусный иконостас и паникадило были исполнены на личные средства митрополита Арсения. Иконы были написаны в мастерской известных московских иконописцев братьев Чириковых. Басменные оклады для икон, царских врат, также все предметы внутреннего убранства — паникадило, кандила, облачения престолов, были изготовлены в торговом доме Оловяниковых, представительства которого находились в Москве и Петербурге. Иконостас представлял копию замечательного иконостаса XVI века придела Рождества Богородицы в Софийском соборе [16, с. 998].

Храм построен в «неорусском» стиле, сформировавшемся в рамках модер-

Храм свт. Никиты, епископа Новгородского на Архиерейской мызе. Вид с юга.
1915—1916 гг.

НГМ КП 47270 Ф. 18. Оп. 2. Ед. хр. 11

на в начале XX века¹³. Автор проекта создал собирательный образ новгородско-псковской архитектуры XIV—XV веков. Основной объём — кубический, с восьмискатным завершением и одной световой главой. Углы раскрепованы лопатками, на них опираются декоративные трёхлопастные арки. Большие оконные проёмы с арочным завершением в южной и северной стенах расположены в двух уровнях: три в первом ярусе и два во втором. Между оконными проёмами, внутри трёхлопастных арок и по линии

¹³ Некоторые исследователи рассматривают «неорусский» стиль как одну из составляющих романтического модерна, другие — как особенный.

Церковь свт. Никиты. Вид с юго-востока.
Фото Т.Ю. Царевской. 2021 г.

Церковь свт. Никиты. Вид с юго-запада.
Фото Т.Ю. Царевской. 2021 г.

щипцового завершения размещены характерные для новгородской архитектуры пояски бегунца. К основному объёму с востока примыкает пониженная прямоугольная пристройка с полукруглой апсидой, а с запада — притвор, над которым первоначально возвышалась звонница, построенная по образцу псковских колоколен. На звоннице висело семь колоколов, самый большой из них весил 50 пудов. Фасады пристроек украшали трёхлопастные арки, аркатурные фриз и пояски бегунца.

Восемь окон в барабане и десять в стенах основного объёма хорошо освещают бесстолпное, перекрытое крестовым

сводом внутреннее пространство храма. Ещё несколько окон устроены в алтарной части и притворе. Стены внутри храма не были украшены живописью, и главную роль в оформлении интерьера выполнял иконостас, яркое звучание которого смягчало басменное обрамление.

Ближайшей аналогией церкви святителя Никиты является храм св. Александра Невского в Григоровской учительской семинарии, построенный в это же время. Проект Григоровского храма, исполненный известным исследователем древнерусского зодчества К.К. Романовым, был в значительной степени переработан новгородским земским

инженером Р.Р. Эргле¹⁴ [10, с. 86–90].

К западу от церкви в сторону реки Питьба на берегу Волхова сохранился первый этаж дома бывшего подворья Архиерейского дома. Второй этаж построен заново из современных материалов. В настоящее время дом заброшен: штукатурка на здании полностью снята, старая кладка обнажена. Интересно, что оконные и дверные проёмы обрамлены выложенными

из кирпича наличниками с фигурными замками и ушками, заканчивающимися капельками. Это характерная черта стиля раннего классицизма, которому следовал губернский архитектор В.С. Поливанов вплоть до начала XIX века [12, с. 425–434].

Организация хозяйственной деятельности в Устьинском подворье являлась важным делом для новгородских владык. В 1911 году на место ушедшего в число братии Юрьева монастыря эконома Дома св. Софии Ионы назначили игумена Филиппо-Ирапской пустыни Анастасия, искусённого в сельском хозяйстве. Ему вменялось восстановить порядок на Архиерейской мызе и вести постоянный надзор за управляющими, *«приносящими убыток архиерейскому бюджету с увеличением личного своего благосостояния в ущерб владычному хозяйству»* [7].

Здание бывшего подворья Дома св. Софии «на Устье». Фрагмент фасада. Фото Т.Ю. Царевской. 2021 г.

В июле 1916 года на Архиерейской мызе во время своего пребывания в Новгороде останавливался митрополит Киевский, член Святейшего Синода Владимир (Богоявленский), в 1992 году прославленный Русской Православной Церковью. С Новгородом его связывало служение с 1886 по 1888 год архимандритом Антониева монастыря, а с 1888 по 1891-й епископом Старорусским, викарием Новгородским. Большое внимание он уделял духовно-просветительской деятельности: подготовил список литературы для церковных библиотек, присутствовал в 1890 году на открытии епархиальной библиотеки в Новгороде, участвовал также на открытии митрополитом Арсением Епархиального дома в кремле, уже не будучи новгородским викарием. В июле 1916-го владыка вновь посетил Новгород и остановился

¹⁴ ОПИ НГОМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 51, 52.

в «Никитинском» скиту: 14 июля он присутствовал на богослужении в церкви святителя Никиты, а 15 июля, на следующий день, вместе с митрополитом Арсением побывал в Софийском соборе, в Древлехранилище и лазарете, расположенных в Епархиальном доме в кремле. Затем совершил двухдневное путешествие по новгородским монастырям: Юрьеву, Хутынскому, Званскому, в Хутыни поклонился гробу чтимого святого Варлаама Хутынского [9, с. 962–966].

После 1917 года комплекс построек Архиерейской мызы был национализирован. На базе хорошо налаженного хозяйства организована артель «Остров».

В 1920 году здесь устроили клуб, библиотеку и читальню. В советское время рядом с церковью построили одноэтажную школу. Обезглавленная церковь долгое время использовалась как клуб. В 1997-м её вернули Русской Православной Церкви, в 2002 году восстановили купол, и в храме началось регулярное исполнение церковных служб [6, с. 8–9; 15].

Территория бывшего подворья в настоящее время хаотично застроена типовыми жилыми домами-коробками, а могла бы стать местом археологических исследований и зоной отдыха жителей этого микрорайона Новгорода с такой интересной многовековой историей.

1. Гордиенко Э.А., Петрова Л.И. Описание вотчинам новгородского архиерея и церковной утвари // Новгородский исторический сборник. Вып. 5 (15). СПб., 1995.
2. Греков Б.Д. Новгородский Дом Святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. 1. СПб., 1914.
3. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком Иоанном Шушериным. М., 1871.
4. Макарий, архим. Описание Новгородского архиерейского дома. СПб., 1857.
5. Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Новгородский уезд. Новгород. 1895.
6. Мельникова А. Любимый уголок Архиерея // Новгородские ведомости. 2012. 8 окт.
7. Новгород // Волховский листок. 1911. 9 марта (№ 2076).
8. Новгородские летописи : [Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи]. СПб.: Археогр. комисс., 1879. XXIV, 488, 115 с.
9. Пребывание в Новгороде митрополита Владимира // Новгородские епархиальные ведомости. 1916. № 31.
10. Секретарь Л.А. История проектирования и строительства церкви св. Александра Невского в Григорово (По материалам ОПИ НГОМЗ) // Ежегодник НГОМЗ. Великий Новгород, 2000.
11. Секретарь Л.А. К истории строительства и архитектуры Новгорода XVIII в. (1700—1750-е гг.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). Л., 1984.
12. Секретарь Л.А. Новгородский период в творчестве В.С. Поливанова // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1993. М., 1994.
13. Список населенных мест Новгородской губернии. Вып. 1. Новгородский уезд. СПб., 1907.
14. Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 4. Новгород, 1940.
15. Томингас Томас. У престола Никиты // Новгородские ведомости. 2002. 5 июля (№ 2).
16. Торжество освящения храма в сельце Никитинском в загородном имении Новгородского Архиерейского Дома // Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 30.

Традиционно 24 мая Россия отмечает День славянской письменности и культуры. В этот праздничный день проходят Божественные литургии и крестные ходы, просветительские конференции, выставки и другие событийные мероприятия.

У Великого Новгорода особые права на этот праздник, поскольку он по праву считается центром просвещения и книгописания. Из сохранившихся книг, созданных в XI—XV веках, половина — новгородского происхождения. Именно здесь в 1706 году открылась греко-славянская школа, положившая начало традиции духовного и филологического образования. С Новгородской землёй связаны Гаврила Державин, Николай Некрасов, Глеб Успенский, Фёдор Достоевский и другие деятели великой русской литературы.

Привычность праздника не исключает необходимости его осмысления в контексте современной культуры и региональной специфики, обращения к новым традициям, обогащающим его культурное содержание.

Татьяна Шмелёва

ДИКТАНТ И ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИИ

Слово *диктант* ассоциируется со школой, точнее — с уроками русского языка: в полной тишине учитель медленно читает текст, а школьники, теряясь в догадках по поводу безударных гласных, двойных согласных и запятых, записывают его в своих тетрадях. Надо сказать, что в последнее время слово вывели за пределы школьных практик разнообразные публичные IT-, этнографические и прочие диктанты, которые, скорее, похожи на тесты или викторины.

Но школьное, так сказать, классическое понимание диктанта, изменить не удалось. Думаю, что в этом понимании-воспоминании есть и тревожный элемент: всё-таки — это проверка знаний, и её результаты могут не порадовать проверяемых.

Здесь мне хотелось бы привести факты, убеждающие в том, что диктант, как тип взаимодействия пишущих и диктующего, можно включить в практики коммеморации. Последнего термина

Торжественное шествие участников
Дней славянской письменности и культуры
в Новгородский кремль. 1988 г.
Фото В. Ларина. (Книжное обозрение. 1988. 3 июня)

не стоит опасаться: хотя он придуман и введён в практику гуманитарных исследований французским историком Пьером Норá в конце 1980-х годов, смысл слова понятен благодаря просвечивающей сквозь него латыни: *ко(м)* — означает *совместность*, как русская приставка *со-* в словах *сотрудник*, *собрат*; а — *меморация* — память, как в словах *мемориал*, *мемориальный*, *мемориализация*, которые нам хорошо известны. Таким образом, *коммеморация* — это коллективная память, точнее, деятельность по сохранению коллективной памяти, формирующаяся вокруг важных для неё персон, событий, мест и располагающая значительным репертуаром практик — словесных, визуаль-

ных, перформативных¹. К последним и можно отнести диктант.

Разумеется, этот вид деятельных практик подходит для коммеморации не любых персон или событий. Но идеально соответствует, как нам показалось, поддержанию памяти о создателях славянского письма Кирилле и Мефодии, что происходит главным образом в рамках Дней славянской письменности и культуры. Этот церковный и одновременно государственный

праздник, широко отмечаемый и освещаемый в медиа, стал привычной частью нашего календаря знаменательных дат.

Стоит напомнить, что этот праздник связан для нас с перестройкой и возвращением к православным ценностям. Традицию отмечать 24 мая День Кирилла и Мефодия как славянских первоучителей вспомнили мурманские писатели и отпраздновали этот день в 1986 году; через год эстафету празднования подхватила Вологда, а в 1988 году, когда отмечали Тысячелетие крещения Руси, он прошёл в Новгороде, что стало поистине звёздным часом его всесоюзной известности².

Сегодня в Великом Новгороде праздник проводится по сложившемуся сце-

¹ Подробнее о коммеморации и её практиках см.: Каминская Т.Л., Федотова Н.Г., Шмелёва Т.В. Культурная память Великого Новгорода: коллективная монография. М., 2020. С. 7–10.

² См. об этом событии: В начале было слово: Праздник славянской письменности и культуры в Новгороде / сост. В.Т. Слипечук. Л.: Лениздат, 1990. 216 с.

нарию. Он открывается торжественной службой в Софийском соборе, откуда принимавшие в ней участие шествуют к памятнику Тысячелетию России, присоединяясь к собравшимся к этому времени горожанам, представителям власти, интеллигенции и молодёжи. Здесь совершается молебен, звучат торжественные речи, в которых подчёркивается значимость подвига Кирилла и Мефодия для русской культуры, а затем к горельефу этих

великих просветителей на памятнике возлагают цветы.

Место для открытия праздника, как легко понять, избрано именно благодаря этому горельефу — первому в нашей стране скульптурному изображению славянских первоучителей, которое сегодня широко известно и, можно сказать, воспринимается как эталонное. С этого места праздник «распространяется» по всей области и длится не менее двух недель.

В этой сложившейся традиции нас смущало два момента — преобладание концертов и скромное место, которое в праздновании занимают фигуры самих Кирилла и Мефодия. Первое понятно: без концерта у нас немыслим никакой праздник, но в данном случае хотелось не просто зрительского, а более активного участия тех, кто решил приобщиться к почитанию славянских первоучителей.

Возложение цветов Кириллу и Мефодию.
Фото. А.А. Кочевника

Второй момент более тревожный: при ежегодном обращении к персонам Кирилла и Мефодия представления о том, что они сделали для славян, сводится к стереотипу — «создатели азбуки». Это, безусловно, так, и это огромная филологическая работа, но она составляет лишь малую часть огромного труда святых равноапостольных братьев. Его сейчас, наверное, не так просто представить и оценить, потому что мы живём в письменной культуре как в естественной среде своего культурного обитания. Но, возможно, праздник и существует для того, чтобы ежегодно напоминать: подвиг святых братьев — это создание первого славянского литературного языка (об этом можно говорить много), перевод с греческого на этот новый славянский литературный язык огромного массива текстов — Библии, богослужебных книг, и, таким образом, формирование основ

Диктант в Новгородской областной
универсальной научной библиотеке. 2013 г.

письменной культуры — новой для славян. Сведение всего этого колоссального труда к созданию кириллической азбуки, как нам кажется, обедняет и праздник, и наши знания о его главных персонах.

В 2013 году, когда отмечалась грандиозная дата — 1150 лет подвига Кирилла и Мефодия, филологи Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого³ и Новгородская областная универсальная научная библиотека объединили усилия и включили в программу празднования Дней славянской письменности и культуры новое событие — открытый диктант «Грамотеи».

Этот проект реализовывался в течение семи лет. Его просветительский и мемориальный смысл составляет интерес для изучения форм коммеморации вообще и, в частности, мемориализации

истории русской письменной культуры, что даёт основания рассмотреть организационную и содержательную стороны проекта.

Организационно проект выглядел следующим образом. Университетские филологи составляют текст диктанта и небольшой исторический комментарий к нему, который вводил бы участников события, которых мы называли грамотеями, в историческую ситуацию и помогал понять

ключевые слова. Кроме того, каждый раз проводилась информационная подготовка — новгородские медиа сообщали о предстоящем диктанте, тележурналисты делали репортажи, которые входили в новостные выпуски. В Новгороде участники события собирались в Областной библиотеке, и после знакомства с комментарием, который обычно сопровождался демонстрацией визуальных материалов, текст диктовали, а собравшиеся его записывали. Помимо этого, заранее текст диктанта рассылали во все библиотеки региона. В Областной библиотеке собиралось около 50 человек, а в целом по области диктант писали 400—500 человек (иногда больше).

После проверки диктантов списки лучших грамотеев из всех участников — как в городе, так и в области — раз-

³ Кроме автора этих строк, активное участие в реализации проекта принимала профессор кафедры русского языка НовГУ Виктория Генриховна Дидковская.

мещались на сайте библиотеки. При этом никто не получал оценок — пятёрок или двоек. Все, кто пришёл написать диктант, считались грамотеями, а те, кто не сделал ни одной или одну ошибку, — лучшими из грамотеев. Мы открыто объявили: наша задача не выявить ошибающихся, а предоставить возможность всем получить радость и удовольствие от совместного писания в этот праздничный день, поэтому момент проверки знаний русского правописания снимался заранее. Так получилось, что идеи коллективного письма занимали внимание жителей Новгородской области конец мая — начало июня. Содержание диктантов — важный момент этого проекта, поэтому есть смысл охарактеризовать эти тексты.

Диктант юбилейного 2013 года был, естественно, посвящён Кириллу и Мефодию, существу их культурного подвига. Текст был направлен на то, чтобы уйти от стереотипа — «создатели азбуки» — и показать деятельность братьев, круг переведённых ими священных текстов. В комментарии приводятся сведения о том, как сложилась жизнь святых, получившая отражение в житиях, которые легли в основу традиций славянской агиографии, и о том, как увековечена память о Кирилле и Мефодии в разных городах нашей страны и других государств, причастных кириллической традиции, — Болгарии, Украины, Чехии, Греции.

В 2014 году, когда страна отмечала 700 лет со дня рождения преподобного Сергия Радонежского, мы писали дик-

Грамотеи

25 мая в 12:00

ОТКРЫТЫЙ ДИКТАНТ

„Сергий Радонежский“

Областная универсальная научная библиотека
(Кремль, 4)
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Приглашаются все!

Уровень сложности рассчитан на взрослую аудиторию

Информация 77-46-80 www.reglib.natm.ru
12+

тант «Варфоломей, Сергей, Слава России». В комментарии шла речь о святом, его жизненном пути и подвиге. Стараясь найти моменты, связанные с Новгородом, мы подчеркнули, что имя Радонег, от которого образован топоним Радонеж, и прозвание Сергия — *Радонежский*, бытовало и в Новгороде. Об этом известно из берестяной грамоты, в которой упоминается *радонеж внук*⁴.

Диктант 2015 года вошёл в практику мемориализации традиции правовых текстов, поскольку отмечалось 1000-летие отечественных писанных законов. Это было тем более естественно, что первый такой русский текст появился

⁴ Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. С. 99. Примечательно, что в этом году найдена берестяная грамота с именем Радонег, как сообщали новгородские археологи, см.: Воробьёв Д. Что слой культурный нам несёт? // Новгород, 2016. 21 июля. С. 7.

Диктант в Новгородской областной универсальной научной библиотеке. 24 мая 2018 г.

ча лет "Русской правды"». Знакомые имена князей — Владимир, Ярослав, Борис и Глеб, топонимы — Новгород, Ракомо — погружали пришедших в историю и приближали к нам далёкие события.

С текстом диктанта 2016 года нам помог альманах «Чело», опубликовав на своих страницах репортаж А.Л. Громачевского⁵ из газеты славянофильского направления «День» о праздновании в Новгороде Дней Кирилла и Мефодия в 1863 году⁶. Это позволило вернуться к истории праздника и использовать реальный текст XIX века о том, как отмечали этот день в Новгородской духовной семинарии. Грамотеи узнали, что история праздника в России ведёт начало с 1863 года, именно тогда Россия осознаёт себя государством с историей, общей для всех славянских на-

на Новгородской земле в чрезвычайно драматичных обстоятельствах, рассказ о которых и предварял диктант «Тыся-

родов. Материальное воплощение этого осмысления — памятник Тысячелетию России, где нашлось место первым сла-

⁵ Громачевский Александр Лукич — преподаватель Новгородской духовной семинарии (1862—1865).

⁶ Вихрова Н.Н. Из Новгорода Великого. Новгородские материалы на страницах славянофильской газеты «День» (1861—1865 гг.) // Чело. 2014. № 1—2. С. 55—60.

вянским просветителям. Праздник был утверждён как церковный и отмечался главным образом в учебных заведениях. Конечно, этот текст сложен для современного человека: он написан более 150 лет назад и не предназначался для диктовки. Но в этом и состояла его привлекательность для грамотеев.

Идея диктанта 2017 года родилась из наших наблюдений над написанными диктантами прошлых лет. Мы заметили, что не всем грамотеям известно название города, в котором родились Кирилл и Мефодий. Поэтому мы решили посвятить диктант этому городу. Сейчас он называется Салоники, в древности же славяне называли его Солунь, а греки — Фессалоники. Текст назывался «Солунь — родина Кирилла и Мефодия». Этот город стал ближе новгородцам, когда они узнали, что мальчиков, которым суждено было стать равноапостольными святыми, водили, как много столетий и жителей нашего города, в храмы Святой Софии и Димитрия Солунского.

Диктант 2018 года «Возрожденная традиция» напоминал о том, как складывалась в нашей стране традиция почитания Кирилла и Мефодия, он был наполнен датами — 1030 лет Крещения Руси, 1155 лет подвигу Кирилла и Мефодия и 30 лет возрожденной традиции почитания их памяти в рамках государственного праздника. Этот диктант стал своеобразным комментарием к исторической ретроспективе текущего года.

В 2019 году диктант назывался «Прочность стен и твёрдость слова: к 900-летию Георгиевского собора», в нём шла речь об истории храма, девя-

ти веках, отделяющих нас от момента его закладки, и надписях-граффити, которые сохранили его стены до наших дней. Эффект преодоления исторической дистанции создают не только древние стены храма, но и письмо, которым мы обязаны Кириллу и Мефодию.

Все эти семь диктантов, объёмом каждый в одну печатную страницу, составляют своеобразный текст проекта, в котором отражаются исторические данные и актуальные для того времени события, значимые для Великого Новгорода в контексте российской истории.

В этом общем тексте соединяются мемориальное и просветительское начала, и это объясняет, почему диктант — такое, казалось бы, обыкновенное школьное занятие — подошёл для того, чтобы отметить юбилей славянской письменности. Прежде всего, потому что при всей его банальности, диктант — это именно письмо, и отмечать память создателей письма письмом — идея простая и понятная людям. Кроме этого, диктант — это форма активного участия в событии: грамотеи не только внимали, но и действовали, ведь письмо — это действие. Наконец, совместное писание одного текста становится ритуалом, действенным выражением благодарности Кириллу и Мефодию, одарившим нас этим даром нетленным, а ведь его ценность в ежедневных разнообразных писаниях и чтениях почти не ощущается.

Может быть, самое интересное состоит в том, что совместное писание отчасти напоминает работу и самих равноапостольных братьев, во всяком случае, как она запечатлена в «Житии Мефодия»,

созданном его учениками. *«От ученик своих посажь два попы скорописца зело, преложил вборзе вся книги»*⁷. Это надо, видимо, понимать так, что Мефодий держал в руках греческую книгу, переводил её в уме и диктовал своим ученикам — *«борзописцам зело»* — уже славянский текст. Сходство действий усиливает мемориальный смысл совместного писания.

Современные практики коммеморации, отличающиеся разнообразием и постоянно пополняющиеся, могут включать и такой школьный перформанс, как диктант. Как выяснилось,

он и содержанием, и коллективностью действия, и характером этого действия предоставляет возможность преодолеть более чем тысячелетнюю временную дистанцию и почувствовать себя обладателем письма как бесценного сокровища, оставленного нам в наследство Кириллом и Мефодием, а также тем, кто хранил и обогащал письменные традиции одиннадцать веков. Личностное деятельное участие делает эту практику коммеморации эффективной и запоминающейся, что составляет основу её успешности.

⁷ Лоциц Ю. Кирилл и Мефодий. М., 2013. С. 328. (Жизнь замечательных людей: серия биогр.; вып. 1406).

НАСЛЕДИЕ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Текст диктанта 2013 года

Тысяча сто пятьдесят лет назад в далёком от нас Великоморавском княжестве произошло событие, изменившее культурную жизнь славян: византийские просветители Кирилл и Мефодий перевели с греческого языка на славянский главные книги христианства.

Это свершилось благодаря тому, что великоморавский князь Ростислав обратился к византийскому императору и патриарху с просьбой прислать учителей, которые могли бы проповедовать на славянском языке. Эта миссия была поручена Кириллу и Мефодию, и не случайно: они выросли в городе Солунь, где звучала греческая и славянская речь. Они сумели в стихии славянской речи найти такие звуки, для которых подходили греческие буквы, и такие, которые нуждались в особых знаках. Так родилось письмо, на котором и были вновь зафиксированы истины христианского учения.

Когда через сто двадцать пять лет к христианству приобщилась Русь, она получила в своё распоряжение книжное богатство — переводы Кирилла и Мефодия, сохранённые и преумноженные их болгарскими учениками и последователями. Так у славян появился первый литературный язык. И до сих пор мы пишем буквы, которые хотя и не абсолютно похожи на те, что выводила рука Кирилла, но именуется кириллицей.

Благодарные славяне чтут память святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Особые основания для этого — у новгородцев: уже в одиннадцатом веке они не только читали кириллические книги в церкви, но и писали кириллицей берестяные грамоты. Кроме того, в нашем городе появилось первое в России скульптурное изображение славянских первоучителей. Наконец, именно в Новгороде двадцать пять лет назад прошёл возвращённый праздник — Дни славянской письменности и культуры, напомнившие о нашем культурном богатстве и славянском единстве.

ВОЗРОЖДЁННАЯ ТРАДИЦИЯ

Текст диктанта 2018 года

Вспоминать славянских первоучителей Кирилла и Мефодия стало для нас традицией. А какова её историческая судьба?

Православная церковь чтит память святых Кирилла и Мефодия 27 февраля и 6 апреля, древнейшие службы святым известны с XIII века. Но масштабное общественное чествование первоучителей сложилось только в XIX веке. Причины этого известны: солунские братья стали символом национального возрождения славян, в первую очередь болгар, которые ещё были порабощены турками. В России широкая общественность отметила тогда три тысячелетних даты — Велеградской миссии в 1863 году, кончины Кирилла в 1869 году и Мефодия в 1885 году. Только в 1901 году праздник стал ежегодным и обязательным для семинарий и гимназий. Но это не могло продолжаться в государстве, отказавшемся от церкви.

С инициативой вернуться к почитанию Кирилла и Мефодия выступили советские писатели, и впервые необычный тогда праздник прошёл в Мурманске, в следующем году его отметили в Вологде. А тридцать лет назад, в год тысячелетия крещения Руси, праздник сделали всесоюзным и ежегодным. Он стал первым церковно-государственным праздником, и его, что нам особенно дорого, провели в нашем городе. Тогда ещё не Великий, Новгород на виду у всего Союза встречал знаменитых писателей, учёных и даже священников. Примечательно, что в нашем городе было куда принести цветы к ногам Кирилла и Мефодия — это их скульптурное изображение на памятнике «Тысячелетие России», тогда единственное в стране.

Сегодня мы отмечаем 1030 лет крещения Руси, 1155 лет подвига Кирилла и Мефодия и 30 лет возрождения традиции вспоминать их в эти майские дни. В надежде, что с каждым годом мы яснее видим значение их благородного труда, обогатившего и нас сокровищами письма и христианского учения.

Яков Рабинович

«...МИР СЕЙ БЫЛ ИСТИННОЕ БЛАГОДЕЯНИЕ ДЛЯ РОССИИ»

*Столбовский мир 1617 года
в дореволюционной отечественной историографии
XVIII — первой половины XIX века*

С момента заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией, сыгравшего важнейшую роль во всей дальнейшей истории России, прошло более 400 лет¹.

Этот договор неоднозначно оценивался современниками и потомками. Мнения были полярными. Одни считали этот договор унижительным для России, другие — успехом русской дипломатии, третьи придерживались осторожной нейтральной точки зрения. Каждая из сторон приводила при этом свои собственные аргументы.

Сторонники первой группы, их условно можно назвать «пораженцами», не стеснялись в эпитетах. Они называли Столбовский мир «горестным и невольным для России». Представителями этой группы были вице-канцлер при Петре I Пётр Павлович Шафиров и первый библиограф Петра I Иван Иванович Голиков.

Трактат П.П. Шафирова, написанный в 1717 году, ровно через 100 лет после

заключения Столбовского мира, был призван обосновать необходимость ведения Петром I тяжелейшей Северной войны (1700—1721), которая к моменту написания данной книги ещё продолжалась. Шафирову надо было показать, каким образом шведы, воспользовавшись тяжёлым положением России в Смутное время, захватили исконно русские земли. Чтобы подчеркнуть «беззаконность и наглость» шведов, он преувеличил тяжесть Столбовского мира. За такие преступные действия по отношению к России шведам, по мнению П.П. Шафирова, грозит неотвратимое возмездие.

П.П. Шафиров первым указал место переговоров — деревня Столбово, между Тихвином и Ладогой, имена руководителей русского и шведского посольств — кн. Д.И. Мезецкий и Я. Делагарди, отметил важную роль английского посла Джона Меррика, выступающего посредником на переговорах.

Автору не были известны переговоры, предшествующие встрече русских

¹ Заключение Столбовского мира состоялось 9/27 марта 1617 года.

и шведских послов в Столбово. Эти переговоры происходили зимой 1615/1616 годов в местечке Дедерино, между Осташковом и Старой Руссой. Во всяком случае, Шафиров не упоминает об этих переговорах, но у него были сведения о том, что посредником со шведской стороны на переговорах выступал представитель из Голландии «Рейн Фонбредер». Так он называет Реноута ван Бредероде, который вместе с другими голландскими посредниками — Иоахими и Бассом, участвовал в переговорах в Дедерино. Не зная о том, что после неудачи переговоров в Дедерино голландские послы отправились на родину и больше не возвращались в Россию, П.П. Шафиров решил, что голландцы участвовали вместе с Джоном Мерриком в переговорах в Столбово: на съезде *«меж Ладогои и Тихвина городов <...> были со обеих сторон и вышеписанные медиаторские послы, аглинской и галанской»*.

Указав дату заключения мира (27 февраля), П.П. Шафиров ошибочно отмечал, что это произошло в 1616 году: *«Которой трактат <...> чрез посредство аглинского посла заключен 1616, февраля в 27 день, меж Тихвином и Ладогою в деревне, именуемой Столбово»*. В действительности это произошло на год позже — 27 февраля 1617 года.

Он же указал на страшную опасность со стороны Польши именно в это время, когда был заключён Столбовский мир. Он пишет, что царь Михаил Романов *«был утружден жестокою войною от короля Польского и вступлением с сильным войском внутрь государства своего королевича польского Владислава»*. Хотя

Памятный знак в д. Столбово

в феврале 1616 года, когда, по мнению П.П. Шафирова, был заключён Столбовский мир, ещё ничего не предвещало будущей угрозы со стороны Польши. Только что закончились провалом мирные переговоры под Смоленском. Русские воеводы нанесли тяжёлое поражение полякам. Это так называемый «Томашевский побой», когда на Бельской дороге у села Колодни были взяты в плен сам ротмистр (в русских документах — полковник) Томашевский *«и ротмистров и поручиков и шляхты 200 человек»*. А вот в феврале 1617 года, когда был заключён Столбовский мир, положение было действительно угрожающим. Это и активизация под Смоленском гетмана Гонсевского, который в тылу русских

Пётр Павлович
Шафиров

войск построил укрепленный лагерь и прервал связь воевод под Смоленском с центром, и взятие на юге черкасами Оскола, и осада князем Юрием Вишневецким, а с ним *«литовских людей — жолнеров и гайдуков и запорожских черкас 12 000 человек»* Путивля (при этом большой острог Путивля был захвачен врагами). Литовские люди и черкасы штурмовали в начале 1617 года Новгород-Северский и Воронеж, *«приступали жестокими приступами»*.

Отметил П.П. Шафиров и отсутствие у Русского государства сил для борьбы со шведами. Он писал, что русские не имели никакой надежды, чтобы принудить *«силою оружия сих гордых и вероломных неприятелей ко уступлению тех неправедно похищенных провинций»*.

Тяжесть Столбовского мира для России подчеркнута в труде тем, что шведы по данному договору вернули лишь малую часть Новгородской земли вместе с Новгородом: русские *«довольствуясь токмо возвращением одного Новагорода с частию малою уезда и освобождением от осады Пскова»*.

Шафиров указывает, какие именно территории утратила Россия, перечисляя все города — Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, провинции Корельскую и Ижорскую, *«со всеми ко оным принадлежащими землями и островами морскими, за устьем Невы реки обретающимися и издревле Российскому принадлежащими»*.

Автору не было выгодно указывать, какие другие города, захваченные ранее шведами, король Густав Адольф вынужден был вернуть России, поэтому он назвал только Новгород, умолчав при этом о Порхове, Старой Руссе, Ладогге и Гдове. Эти города были возвращены уже после подписания Столбовского мира (через две-три недели, за исключением Гдова — Я.Р.), до последнего момента, вплоть до весны 1617 года, там базировались шведские гарнизоны.

Возможно, что П.П. Шафиров не знал, говоря о необходимости освобождения от шведской осады Пскова, что здесь всё было совсем наоборот. В действительности ещё за два месяца до начала переговоров в Столбово не шведы осаждали Псков, а псковичи блокировали шведов в их лагере, и положение шведов с каждым днём в этом лагере становилось всё тяжелее. Шведские послы были кровно заинтересованы, чтобы псковичи прекратили осаду шведского лагеря в устье

реки Великой севернее Пскова. В итоге шведский гарнизон капитулировал в этом лагере 10 декабря 1616 года, за три недели до начала переговоров в Столбове, о чём русские и шведские послы узнали ещё в конце декабря.

Мир этот, по мнению П.П. Шафирова, — «горестный и невольный» для России. Тяжесть данного договора он подчеркнул ещё тем, что русские вынуждены были уплатить огромную контрибуцию: *«И принуждены еще сверх того дать в шведскую сторону немалую сумму денег»*.

Размеры этой «немалой суммы» Шафиров не указал, возможно, что она не была ему известна, хотя в своём трактате он подробно описал размеры платы шведским наёмникам царём Василием Шуйским после заключения Выборгского договора.

Попутно отметим, что так как, по мнению П.П. Шафирова, этот договор был грабительским для России, то никаких царских наград русским послам П.П. Шафиров не указал. На самом деле царь Михаил Романов и участники Земского собора радостно встретили известие о заключении этого «грабительского» договора. Об этом свидетельствуют царские грамоты в разные города с указанием праздновать заключение этого мира, щедрые награды Мезецкому, Зюзину и другим послам, а также Джону Меррику. О положительном мнении участников Земского собора об итогах переговоров в Столбове, опираясь на архивные документы РГАДА², подробно писал в своих работах через двести лет

после Шафирова историк Герман Андреевич Замятин.

Из контекста труда П.П. Шафирова следует, что и английский посол Джон Меррик недостаточно старался для России, раз не сумел уговорить шведов принять русские условия мира. Уступки шведам с русской стороны, отмечал Шафиров, не соответствовали царскому наказу. Возможно, у него на руках был один из первых царских наказов, по которому послам предписывалось требовать от шведов оставить за Россией хотя бы небольшой участок Ижорской земли, чтобы иметь выход в Балтийское море. По Шафирову, получается, что именно Меррик и русские послы допустили утрату столь важной для России территории и не сумели выполнить царский наказ. Интересно, что бы сказал автор, если бы ему оппоненты показали документы о награждении русских послов и Джона Меррика, а также царский указ о праздновании такого значительного события, как заключение Столбовского мира?

Через 70 лет после выхода труда П.П. Шафирова к данному вопросу обратился Иван Иванович Голиков. Его труд в части, касающейся заключения Столбовского договора, во многом повторяет сочинение П.П. Шафирова. После описания неудачи на переговорах возле Новгорода (имеются в виду переговоры в Дедерино, о которых Шафиров ничего не писал! — *Я.Р.*) И.И. Голиков стал рассматривать ход новых переговоров — *«конгресс между Тихвином и Ладогой»*.

При этом он указал имена всех четырёх русских послов, а не только

² Российский государственный архив древних актов (*прим. ред.*).

кн. Д.И. Мезецкого, как П.П. Шафиров, то есть А.И. Зюзина, Н.Н. Новокщенова и Д. Семёнова. Сведения о составе русского посольства, как и о переговорах возле Новгорода, «в Песках», И.И. Голиков получил, имея на руках текст «Летописи о многих мятежах», которая к тому времени уже была опубликована. На этот источник автор неоднократно ссылался в своей работе.

Как и П.П. Шафиров, И.И. Голиков ошибочно указал, что голландские послы также участвовали на переговорах в Столбове, отметив, что Джон Меррик прибыл вместе с русскими послами, а голландский посол «Рейн-Фор-Бредор» (это Реноут ван Бредероде) — вместе со шведскими уполномоченными: *«Шведские полномочные и министр Голландской заняли свой стан в нарочитом отдалении от Российских»*.

Голиков указал на тяжёлые словесные баталии, которые развернулись на этих переговорах, отметил ряд первоначальных статей, которые предложили русские послы шведам через своего «Медиатора» Меррика. Эти статьи соответствовали границам, установленным по Тязвинскому миру и ещё ранее — по миру, заключённому в 1556 году Иваном Грозным с Густавом Вазой. *«Шведы должны возвратить к России Новгород со всей его провинцией, а также Ижорскую провинцию со всеми городами и уездами, по обе стороны Невы до самой Сестры реки, яко издревле к России принадлежащие»*.

Получив эти русские условия, шведский уполномоченный Якоб Делгарди категорически отказался ехать на съезд, а прислал свои «кондиции», по которым шведы согласны были уступить только

один Новгород с частью уезда и при этом ещё получить «знатную сумму денег». Чтобы подкрепить это своё «бессовестнейшее требование», пишет Голиков, шведы предприняли новую осаду Пскова, а также стали *«утеснять Новгород новыми и несносными налогами»*.

В это же время, по мнению И.И. Голикова, на востоке подняли бунт казанские татары, черемисы, вотяки и башкиры, мятежи которых «разделяли силы Российские». Кроме того, ожидалось нападение на Россию с сильной армией королевича Владислава. Отметим, что из-за ошибочной даты заключения Столбовского договора, а по мнению Голикова, как и Шафирова, это произошло 27 февраля 1616 года, автор делал вывод, что в это время на востоке польхали мятежи иноверцев. В действительности волнения в Казанском крае были прекращены благодаря действиям Козьмы Минина именно к 1616 году, более чем за год до подписания Столбовского мира, так что «силы Российские» если и были разделены, то не из-за этих мятежей, а из-за нападения черкас и поляков на юго-западные и другие районы страны.

Голиков отмечал, что Меррику были даны русским правительством инструкции, чтобы постепенно идти на некоторые уступки шведам. Он подробно разбирает действия Меррика накануне переговоров в Столбове (это были предварительные переговоры в Ладоге — Я. Р.). Меррик должен был склонить шведских комиссаров к началу переговоров с русскими послами, чтобы шведы тоже пошли на некоторые уступки — «легчайшие кондиции». Вывод автора неутешительный: как Меррик ни

старался, шведы ни на какие уступки не шли, *«видя свое благовременство, а Российское бессилие и разорение»*. При этом шведы угрожали разрывом и началом новой войны с Россией, *«вступлением с сильным войском внутрь России, толко уже разоренной»*.

В итоге русские послы для избавления страны «от конечного разорения» вынуждены были *«склониться на сей горестный и невольный мир»*. Далее автор продолжает цитировать Шафирова, когда перечисляет города и земли, потерянные Россией. Завершает это цитирование фраза о том, что русские довольствовались *«только возвращением одного Новгорода с малой частью уезда и освобождением от осады города Пскова»*.

В труде есть некоторое дополнение: указав, что шведы вдобавок *«требовали немалую сумму денег»* и чтобы русские отказались от своих прав на Ливонию и Эстляндию, автор уточняет размер этой контрибуции: *«Нечего было делат, как покоряться. Полномочные Российские принуждены были на последнее согласиться и обещаться заплатить денег 20 000 рублей»*.

После этих фраз у И.И. Голикова показана фантастическая картина, как шведы, *«написав договор по своей воле»*, положили его перед русскими послами, дали им в руки перо и, угрожая оружием, силой заставили русских послов подписать договор: *«...держав над головами их обнаженный меч, угрожали поразить им, если они малейшее в предписании оного учинят упорство»*. По его словам, русские послы, думая при этом не об охране своей жизни, *«а отечество свое к падению преклонившееся спасая»*, вы-

нуждены были исполнить все требования шведов.

В заключение этого очерка Голиков вновь ссылается на Шафирова, который сравнивал русских послов с людьми, попавшими в руки разбойников. Эти несчастные люди под угрозой смерти вынуждены не только отдать своё имущество, но при этом сказать, что это отдано было добровольно и ничего из этого они назад просить не будут.

Вывод И.И. Голикова, как и у Шафирова, один — Россия благодарна Петру I, который отомстил шведам за обиды и вернул утраченные земли.

После выхода труда Голикова прошло около 30 лет. За это время произошли многие важные события. Это и последняя в истории русско-шведская война 1808—1809 годов, завершившаяся присоединением к Российской империи Финляндии, и победа над Наполеоном, причём в антифранцузской коалиции Россия и Швеция были союзниками. Одним из участников этих событий был Дмитрий Петрович Бутурлин, который в 1819 году опубликовал первый том своего многотомного труда о военных событиях XVIII века.

Несмотря на то, что труд Д.П. Бутурлина был посвящён другому историческому периоду, автор много внимания уделил событиям XVII века, в том числе так называемой русско-шведской войне 1613—1617 годов и Столбовскому миру.

Бутурлин по-иному относился к заключению Столбовского мира и сделал ряд дополнений. Он первым из исследователей отметил все города, которые шведы возвращали России — Старую Руссу, Порхов, Ладугу и Гдов, а не только

Дмитрий Петрович
Бутурлин

Новгород. Правда, говоря об утраченных, автор почему-то пропустил Ивангород.

В отличие от предыдущих авторов, он правильно указал год заключения Столбовского мира (1617), однако считал, что это произошло 17 февраля: *«Весь 1616 год проведен в переговорах, и наконец, 17-го Февраля 1617 года мир подписан был в деревне Столбовой, с посредничеством Англинского Посла Кавалера Мерики. Города Кексгольм, Ямы, Копорье и Орешек уступлены были Шведам, которые возвратили Россиянам Новгород, Старую Русу, Порхов, Ладогу и Гдов».*

В целом автор положительно оценивает результаты этого мира: *«Не взирая на великие пожертвования, на которые царь принужден был согласиться, мир*

сей был истинное благодеяние для России: это был великий шаг к возрождению ее».

Через 12 лет после выхода книги Д.П. Бутурлина был опубликован труд митрополита Евгения (Болховитинова), в котором автор, хотя и не давал своей оценки итогам Столбовского мира, всё же внёс много нового в изучение данного вопроса.

Митрополит Евгений, при описании событий Смутного времени, первым из исследователей использовал Псковскую летопись, которая к тому времени (1831 год) ещё не была опубликована. Эту летопись впервые опубликовал в 1837 году М.П. Погодин.

Особый интерес представляют сведения Болховитинова о бесславном походе шведов к Пскову в 1616 году, о капитуляции шведского гарнизона в устье реки Великой 10 декабря 1616 года: *«...напав на сию крепость врасплох, взяли ее со всеми орудиями, а засадных шведов выпустили».* Далее автор говорит о заключении мирного трактата «в Тихвинской деревне Столбове» 27 февраля 1617 года. Отметим, что у митрополита Евгения впервые точно указана дата заключения Столбовского мира. Далее в книге говорится, что после заключения мира *«шведы вышли из Новгорода, Порхова и прочих северных Новгородских и Псковских городов. Но им уступлена вся Ингрия с Ивангородом, Ямбургом, Копорьем и Кексгольмом».* Болховитинов в числе утраченных городов почему-то не указал пятый город — Орешек.

Автор отметил, что русским купцам, которые жили в уступленных шведам

городах, был указан срок выхода в Россию, после которого всех перебежчиков следовало возвращать шведам. Можно было бы добавить, что речь здесь шла и о других категориях населения, как посадских, так и служилых людях, кроме крестьян и приходского духовенства. Митрополит Евгений писал также о льготах шведским купцам, которые могли торговать на территории России, иметь торговые дворы во Пскове и других русских городах, но при этом молиться только в своих домах и не строить в России лютеранские церкви.

Болховитинов первым привёл сведения о крепости Гдов, которая долго ещё оставалась заложником у шведов: *«Шведы хотели еще присвоить себе Псковский город Гдов, который и после заключения мира долго удерживали, однако и в 1622 году оный возвратили»*. В принципе, указание на 1622 год — год возврата Гдова — не является большой ошибкой. Действительно, из ряда источников известно, что шведы передали Гдов русской стороне в сентябре 1621, то есть в начале 7130 года (1621/1622), через четыре с половиной года после заключения Столбовского мира. К сожалению, вплоть до недавнего времени, среди исследователей и местных краеведов господствовало мнение о том, что Гдов как Новгород и другие города, был передан русской стороне ещё в 1617 году.

Почти одновременно с сочинением митрополита Евгения в 1832 году вышла книга Василия Николаевича Берха, посвящённая царствованию Михаила Романова. Этот научный труд начинается с событий первых лет Смутного времени, с царствования Бориса Годунова

Василий Николаевич
Берх

и Василия Шуйского. Труд В.Н. Берха состоит из двух томов. В первом томе содержится отрывочная информация о Столбовском мире и даже не приведены основные условия данного договора, не указаны ни города, которые теряла Россия, ни территория, которую шведы возвращали русской стороне, ни размеры контрибуции. Приведена лишь одна туманная фраза о том, что Россия *«лишалась Ингерманландии и Карелии»*. О возвращении Новгорода не говорится ни слова.

В книге Берха даётся оценка Столбовского договора, причём весьма противоречивая. С одной стороны, этот мир *«несчастный»*, а с другой — жертвы страны были не очень велики — *«пожертвованные мелкие выгоды России»*, страна была этим миром спасена от гибели. Россия, благодаря этому миру, сохранила свои какие-то «восточные пределы».

В книге Берха чувствуется сильное влияние Н.М. Карамзина, хотя тот довел изложение своей «Истории» только до 1611 года.

Приведём одну из цитат В.Н. Берха: *«И так несчастный мир сей весьма стеснил действия России; она отказалась от своих прав на Ливонию, некогда платившую ей дань, лишилась Ингерманландии и Карелии, которые открывали ей гораздо ближайшия и вернейшия пути к сношению с Европой. Нельзя винить в этом царя и бояр. Россия была тогда в бедственном положении, или, вернее сказать, близка к падению. Монарх и мудрые советники его спасли страну от гибели, и пожертвовав мелкия выгоды России обеспечили восточные ея пределы, изторгли из когтей Польши плоды побед ея, коими она не умела наслаждаться».*

Берх верно отметил, что кн. Д.И. Мезецкий после заключения договора лично принимал Новгород у шведов. Очень высоко им оценена роль посредника Джона Меррика. По словам автора, английский посол *«принимал в деле сем особенное участие и пояснил многие недоразумения».* В.Н. Берх подчёркивает, что царское правительство в Москве высоко оценило заслуги Джона Меррика, щедро наградив его. Конкретные награды при этом не приводятся, возможно, что этот источник о наградах ещё не был известен Берху: *«...после завершения переговоров Мерик прибыл в Москву и царь Михаил Федорович принял его с отличною почестью. Дадё ему честь великую».*

Заслуга В.Н. Берха состоит в том, что в приложении ко второму тому он впервые привёл текст проекта Столбов-

ского договора, где указаны все города, сроки их возвращения, размеры контрибуции и т.д., а также перечислены все утраченные города. Берх приводит содержание 18 пунктов трактата, который, по его словам, якобы был выработан в Стокгольме 20 октября 1616 года. Далее указал, что в этом договоре было 28 пунктов, к которым потом добавлено ещё несколько, и в итоге получился окончательный договор из 33 пунктов, ныне хорошо известный исследователям благодаря его публикации в Полном собрании законов Российской империи.

Следует отметить, что у В.Н. Берха второй том выходил отдельно, и не факт, что все читатели первого тома имели под рукой второй. Если бы хоть часть данной информации автор поместил в первом, тогда бы многим стало понятно, о чём идёт речь. Напомним, что данный труд написан тогда, когда ещё мало кому был известен этот Столбовский договор и его условия.

В дополнительных пунктах, выработанных в Столбове, по словам Берха, говорилось об уничтожении берегового права, о соблюдении прежних трактатов, Тявзинского 1595 года и Выборгского 1609 года.

К этому можно добавить следующее. Во-первых, такой трактат никак не мог быть составлен в Стокгольме, а речь здесь идёт о проекте Столбовского договора, составленного не в Ладоге и не шведским королём Густавом Адольфом, а Джоном Мерриком, не 20 октября, а 20 ноября 1616 года. Этот проект договора из 18 пунктов был отправлен для ознакомления в Москву и Стокгольм.

Что касается Москвы, то из труда Г.А. Замятина известно, что именно данный проект был зачитан земским выборным в декабре 1616 года думным дьяком Петром Третьяковым. Известна также радостная положительная реакция земских выборных на данные условия договора, особенно — на размер контрибуции. В другой работе Замятин высказал предположение о том, что шведский король был очень недоволен этим малым размером контрибуции.

Через 10 лет после выхода книги В.Н. Берха в Москве был опубликован труд Николая Сергеевича Арцыбашева. Этот автор был знаком с книгой Берха, неоднократно ссылаясь на него. У Н.С. Арцыбашева многочисленные примечания с цитатами из источников помещены в этом же томе, на данных страницах, «в подстрочнике», поэтому читателю легче понять, о чём идёт речь. Эти постраничные сноски занимают более половины всего текста.

Арцыбашев отмечал, что русские послы во главе с кн. Д.И. Мезецким, отправленные царём сначала в Тихвин, заключили в селении Столбово вечный мир с представителями шведского короля во главе с Я. Делагарди, посредником выступил английский посол Джон Меррик. По условиям этого мира Россия получила «Новгородскую область», кроме Ивангорода, Яма, Копорья, Орешка и Кексгольма с Ингерманландией. Эти перечисленные города и земли были уступлены Швеции. После заключения мира «Мезецкий со своими» уехал принимать Новгород, а Меррик — в Москву. Царь, наградив Меррика — «честив его много», отпустил в Англию.

Николай Сергеевич
Арцыбашев

Далее у Н.С. Арцыбашева говорится об отправке посольства кн. Ф.П. Борятинского в Швецию для ратификации Столбовского договора и судьбе этого посольства.

Таким образом, в основном тексте у Арцыбашева содержится лишь отрывочная информация о заключении Столбовского мира.

Новым, по сравнению с трудами П.П. Шафирова, можно считать указание И.И. Голикова на то, что шведы вернули не только «*один лишь Новгород с малой частью уезда*», а почти всю Новгородскую область (подразумевается, что вернули вместе с рядом городов этой области), за исключением перечисленных пяти городов.

Ценность труда Н.С. Арцыбашева заключается прежде всего в комментариях, объём которых в два раза превышает основной текст. Эти сведения, приведённые в примечаниях, дают дополнительную информацию о данных событиях. Из грамоты, адресованной митрополиту Исидору и всем новгородцам, которая была написана 27 февраля 1617 года, мы узнаём, что между Михаилом Романовым и Густавом Адольфом были учинены «*дружба и любовь*», а между Россией и Швецией — «*мир, покой и тишина*». Бог дал России «*искони вечную отчину Великий Новгород с пригороды*». Это слово «пригороды» уже подразумевает возвращение не только Новгорода, но и ряда других крепостей.

Отметим случайное совпадение в датах: эта царская грамота была написана в тот самый день, когда в далёком от Москвы сельце Столбово был подписан Столбовский мир.

Что касается точной даты заключения Столбовского мира, то эту дату Н.С. Арцыбашев в основном тексте не приводит; по-видимому, он не знал точной даты. К моменту написания его труда исследователи приводили несколько дат (разные числа, месяцы и даже годы). Это может показаться странным, ведь уже в 1830 году был опубликован I том Полного собрания законов Российской империи, в котором приведён полный текст Столбовского договора и указана точная дата его заключения.

В книге Н.С. Арцыбашева уточняется, что Столбово — это «*Столбовская прежде бывшая деревня Новгородского Наместничества и провинции между Тихвином и Ладогой*».

Автор в примечании приводит интересную цитату историка Келха: «*В Столбовой 1617 года, февраля 13, посредством судьбы Божественной, также прилежных стараний Английского и Голландского послов, был заключен мир, в силе которого Швеция получила Кексгольм и Ингерманландию*». Видим, что у Келха приведена ошибочная дата заключения мира — 13, а не 27 февраля. Также ошибочно Келх указал на присутствие в Столбове голландских послов, которые не участвовали на завершающем этапе переговоров. Голландские послы уехали из России ещё весной 1616-го, почти за год до подписания Столбовского мира.

Арцыбашев, ссылаясь на В.Н. Берха, который первым из русских исследователей опубликовал трактат, предшествующий заключению Столбовского договора, привёл несколько статей данного трактата. При этом он считал, что дата этого договора у В.Н. Берха — это описка, должен быть 1617 год.

В статьях мирного договора, опубликованного В.Н. Берхом и приведённого Н.С. Арцыбашевым, указаны все города, которые были в руках шведов к моменту завершения переговоров в Столбове. В этих статьях говорится, что шведский король «*обещает возвратить Великому Князю Новгород, Старую Русь, Порхов, Ладугу и Гдов со всеми принадлежащими к ним землями*». Отметим, что в настоящее время авторам современных учебников истории России, в том числе университетских, не мешало бы указать эти возвращённые шведами города, чего, к сожалению, не делается.

Далее Н.С. Арцыбашев уточняет сроки возвращения России этих горо-

дов: «Новгород, Старая Русь, Порхов со всеми подчиненными им местами будут по истечению 14 дней с подписания сего трактата сданы на руки Великобританского посла для возвращения Великому Князю».

Арцыбашев обратил внимание на разночтения в тексте этого трактата со сведениями, приведёнными в «Летописи о многих мятежах». Разночтения касаются роли английского посла в приёме городов от шведов. Согласно трактату, шведы должны были передавать ключи от городов английскому послу как посреднику, а по Летописи, Меррик не участвовал в этих событиях и сразу после заключения договора уехал в Москву, поэтому шведы передавали города непосредственно князю Д.И. Мезецкому. В Летописи прямо говорится, что после подписания договора *«тутю ж послы разошлись. Князь Данило с товарищи поиде в Нов город, и Новгород прия у Немец. Посол же Аглинской прииде к Москве. Государь же того посла пожаловал, даде ему честь великую и отпусти его в Аглинскую землю»*.

В действительности, как об этом свидетельствуют архивные документы, шведский военачальник в Новгороде Карл Гюлленельм передавал ключи от города именно Джону Меррику. По-видимому, шведские коменданты в Старой Руссе и Порхове, а затем и в Ладогe, также передавали ключи от крепостей одному из представителей Джона Меррика.

В данной статье не разбирается труд директора Московского архива Николая Николаевича Бантыш-Каменского, в котором осуществлён обзор внешних сношений между Россией и Швецией, в том числе — и в период Смутного времени. Данный труд был написан ещё в конце XVIII — начале XIX века по документам московского архива, однако впервые был опубликован лишь в 1902 году. Его содержание не было известно ни В.Н. Берху, ни Н.С. Арцыбашеву, впервые на него ссылались Н.П. Лыжин и С.М. Соловьёв.

В целом, труды всех указанных авторов, от П.П. Шафирова до Н.С. Арцыбашева, за исключением Н.Н. Бантыш-Каменского, не дают ясной картины того, как происходило подписание Столбовского мира, какие предварительные переговоры велись в Дедерино и Ладогe, каковы были изначально планы обеих сторон накануне переговоров и как оценивали данный договор монархи России и Швеции.

Однако уже во второй половине 1850-х годов после выхода специальной монографии Н.П. Лыжина, посвящённой Столбовскому миру, а также очередного тома «Истории Российской» Сергея Михайловича Соловьёва, в котором много внимания уделено именно данным переговорам, положение изменилось. Любой читатель их трудов может получить чёткое представление о данных событиях. Однако изучение трудов Н.П. Лыжина и С.М. Соловьёва выходят за хронологические рамки настоящей статьи.

Арцыбашев Н.С. Повествование о России. В 3 т., 6 кн. Т. 3, кн. 5–6. М., 1843.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). В 4 ч. Ч. 4 (Пруссия, Франция, Швеция) / изд. Комиссии печатания Государственных грамот и Договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. М., 1902.

Берх В.Н. Царствование Михаила Федоровича Романова и взгляд на междуцарствие. Печатано в типографии Х. Гинце. В 2 т. Т. 1 (исследование). Т. 2 (комментарии, прилож.). СПб., 1832.

Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII в. Ч. 1, Т. 1. СПб., 1819.

Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого. Т. 2. М., 1790.

Договорная запись, учиненная в Стокгольме между дворами Шведским и Российским. О выдаче перебежчиков с обеих сторон, об уплате за перешедших в Россию шведских подданных после Столбовского договора со 125 по 156 год, и за другие, причиненные шведским подданным убытки, 190 тысяч рублей и о неприеме на будущее время перебежчиков ни которой из договаривающихся сторон. С присовокуплением Столбовского договора, одной дополнительной к оному записи и двух межевых записей. Стокгольм. 1649, октября 19/20 // Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1831. № 19. С. 172–221.

Замятин Г.А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008. С. 243–402.

Замятин Г.А. Два документа к истории Земского Собора 1616 г. о русско-шведских отношениях // Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1925. Т. I. С. 298–307.

Замятин Г.А. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. / редкол.: В.Л. Янин (отв. ред.) и др. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 347–376.

Лыжин Н.П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. С приложением актов. СПб., 1857.

Митрополит Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского / сост.: Н.Ф. Левин, Т.В. Круглова. Псков, 2009 (Псковская историческая библиотека). Первое изд. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1831.

Псковская летопись / изд. на иждивении Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. Погодиным. М., 1837.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Сочинения: в 18 кн. Кн. 5, т. 9.

Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648). Т. II. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб., 1894.

Шафиров П.П. Рассуждения о причинах Свейской войны. Полное название: Рассуждение, какие законные причины ЕВ Петр Великий... к начатию войны против Карола XII Шведского 1700 года имел... СПб., 1722 (1-е изд. 1717 г.). Сокращенная публикация без приложений см.: Россию поднял на дыбы... В 2 т. Т. 1. / сост., предисл., вступительные статьи к документам Н.И. Павленко, коммент. В.А. Артамонова, Н.И. Павленко. М., 1987.

Николай Салоников
**«...УЧИТЬ СЛАВЕНСКАГО ЧТЕНИЯ
 И ПИСАНИЯ ПО НОВОПЕЧАТНЫМ
 БУКВАРЯМ, А ПОТОМ И ГРАММАТИКИ»**

*Образовательные проекты
 архиепископа Феодосия (Яновского)
 и Новгородская архиерейская школа**

Создание системы регулярного школьного образования для детей духовенства начинается в России в Петровскую эпоху. Этот сложный процесс зафиксирован в именных указах царя-реформатора и в указах, выпущенных из канцелярии Синода. Первые попытки ввести обязательное школьное обучение для детей, подчинённых духовному ведомству, мы встречаем в указах Петра I, изданных в 1708 и 1710 годах. В них сказано, *«чтоб поповым, диаконовым, пономаревым, диачковым, сторожевым, просвирницыным детям учиться в греческой и латинской школах, а которые в тех школах учиться не похотят и их в попы и диаконы на отцовы места и никуда не посвящать, и в подьячие и ни в какие чины oprичь салдатскаго чина не принимать»*. Первые указы были очень лаконичными и мало проработанными; в них, например, не указан даже

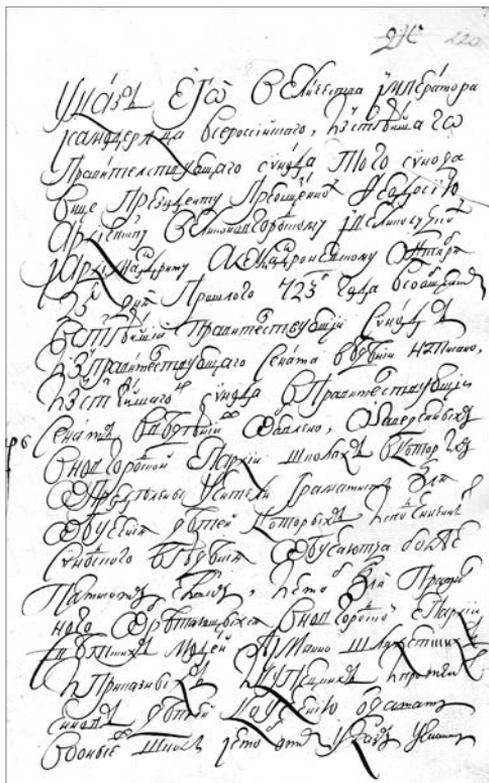
возраст детей, которых следовало учить. Для законодательства петровского времени, которое в большей степени шло от практики к теории, это было нормой. Значительная часть указов с доработками и уточнениями позднее издавалась повторно.

Окончательно положение об обязательном обучении детей духовенства было закреплено в Духовном регламенте, изданном в 1721 году. Этот документ обязывал епископов открывать в своих епархиях школы для обучения детей, затрагивал вопросы их управления и содержания. Однако решение, принятое на законодательном уровне, не всегда успешно реализовывалось на практике. Свидетельством этого являются повторные указы об обязательном обучении детей духовенства, изданные в 1722, 1723 и 1731 годах. Открытию епархиальных школ в России препятствовал ряд

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029.

«книгочтению», Псалтири и Часослову было достаточным основанием для того, чтобы дети духовенства, после успешного прохождения испытаний, получали ставленические грамоты и отправлялись на приходы. Учёба в Новгородской школе давала её выпускникам образование более широкое, чем начальное. В период своего наивысшего подъёма, при архиепископе Феодосии (Яновском) (1721—1725), в школе преподавалась грамматика церковнославянского языка, языки греческий и латинский, а также риторика [11, с. 573–580]. Именно Новгородская школа стала средоточием новой модели образования, основанной на изучении грамматики. Успешная деятельность школы, а также активная позиция новгородских владык, их место и роль в церковной иерархии сделали её образцом для других епархиальных школ России, оказали большое влияние на формирование законодательных норм в области образования петровского и послепетровского времени.

Сразу после открытия школы, летом 1706 года, митрополит Иов развернул большую рекламную кампанию. В письмах, адресованных представителям правящей светской элиты, владыка стремился показать важность своего образовательного проекта. Не исключено, что именно успехи в деятельности школы, а также информационная политика митрополита привели к изданию в 1708 году первого петровского указа об обязательном обучении детей духовенства в греческих и латинских школах. Но если митрополит Иов рассматривал школу как часть своего образовательного проекта, неотделимую

1724 г., мая 15.

Синодский указ архиепископу Феодосию (Яновскому) о соединении архиерейской и цифирной школ в Новгороде.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 109. Л. 220

от переводческого центра и скриптория, то архиепископ Феодосий (Яновский) в большей степени заботился о распространении результатов её деятельности по всей России. Будучи поборником правильного грамматического образования, владыка предпринял практические шаги, а также выступил в Синоде с рядом законодательных инициатив. Прежде всего он открыл в разных местах Новгородской епархии

партикулярные школы. Были открыты две школы в Новгороде — Знаменская и Розважская, по одной в Бежецке, Валдае, Великих Луках, Каргополе, Олонце, Старой Руссе, Тихвине, Торжке, Устюжне и на Петровских заводах. Открытие этой сети школ давало возможность детям духовенства Новгородской епархии учиться в непосредственной близости от родительского дома. Учителями в партикулярные школы были посланы ученики Лихудов, получившие у них образование в Новгороде. Обучение в партикулярных школах было организовано по образу Новгородской архиерейской школы. После обучения *«словесному и письменному правильному учению, то есть букварю»* ученики *«по желанию своему приходили до грекославенския школы ко обучению грамматики и протчих наук»* [6, л. 144 об.]. 25 октября 1721 года архиепископ Феодосий велел учредить в Александро-Невском монастыре, настоятелем которого он был, *«славенскую школу, в которой как того монастыря служителей детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего препитания, и посторонних, кто кого отдать похощет, принимая от пяти до тринадцати лет, учить славенскаго чтения и писания по новопечатным букварям¹, а потом и грамматики»* [9, л. 5]. Учителем в новую школу был назначен подьяк, ученик Новгородской архиерейской школы Иродион Тихонов, который изучил грамматику церковнославянского языка.

22 августа 1722 года архиепископ Феодосий поставил в Синоде вопрос

о необходимости провести аттестацию учителей «духовного и мирского чина», обучающихся детей в Санкт-Петербурге. Поводом к этому послужило большое число учителей, обучавших в столице детей «книгочтению», но не имевших для этого должной квалификации. Проведение аттестации было поручено учителю Иродиону Тихонову [4, с. 480–482]. Результаты проверки были предсказуемы: большинство аттестованных учителей оказались малограмотными и решением Синода были отстранены от обучения детей, им было предписано учиться самим [4, с. 483]. Грамматическое знание было лишь первой ступенькой, которая возвышалась над начальным образованием, и средством для изучения языков, а затем и высших наук, начиная с риторики [11, с. 578–579]. Вряд ли архиепископ Феодосий (Яновский) стремился разрушить традиционную модель обучения, его задача была прагматичной — распространить правильное грамматическое обучение церковнославянскому языку, выявив среди учителей невежд и заменив их обученными «грамматистами». Свидетельством этой деятельности владыки были меры, направленные им на борьбу с невежеством как среди духовенства, так и среди светских лиц.

Архиерейский указ об обучении в школах попов и диаконов, поставленных на священнические места в период 1716 по 1721 год, был разослан по Новгородской епархии 20 августа 1723 года. В документе отмечалось, что *«поставленных между архиерейства*

¹ «Первое учение отроком» Феофана (Прокоповича).

в Новгородскую епархию попов и дьяконов для свидетельства в священнослужении и получении благословенных от его преосвященства грамот» следует высылать в Петербург, «куда должны они приходить с показанием совершенного во звании своем обучения». И перед отправлением в Петербург обучать их «во учрежденных по разным Новгородской епархии городам школах, дабы правильно и безгрешно читать знали, и о том совершенно обучившимся давать от школ учащим грамматистам свидетельствующия то учение листы <...>, а без таких листов отнюдь не приходить, ибо оно в Санкт-Петербурге свидетельство чинить определено не невеждам, но совершенно обученным, которые при том свидетельстве должны присматриваться и навикать лутшаго церковных церемоний благочиния, а не читать учиться <...>» [1, л. 175–175 об.].

Архиепископ Феодосий выступил 19 августа 1723 года в Синоде с предложением, чтобы «как в Великом Новгороде, так и во всей ево епархии у оного детей учения быть однем точию грамматистом, которые во обретающейся при доме ево школе славенскую грамматику учением окончили, а невежд до такова детей учения, которое яко невежеское неполезно есть, допускать не велено, и весьма им в том запрещено по силе онаго Духовнаго регламента <...>». Здесь же владыка предложил обучать новгородским грамматистам не только детей духовенства, для которых обучение было обязательным, но и «разночинцов, в свецкой команде обретающихся». Спустя несколько дней, а именно 27 августа, Синод, рассмотрев это предложе-

ние, согласно приговорил: о правильном грамматистами в Новгородской епархии «светских людей, а имянно шляхетских и приказных и купецких и протчих чинов детей учени, дабы объявленным во оном доношении невеждам не полезное оных детей учение весьма было запрещено, указ учинить в правительствующем Сенате» [7, л. 5–6 об.]. Затем Сенат, рассмотрев это предложение Синода об обучении детей светских чинов в архиерейских школах в Новгородской епархии, указал, что проект совместного обучения представителей разных сословий уже существует — это цифирные школы. И предложил Синоду объединить архиерейские школы с цифирными.

Первым указом Петра I от 28 февраля 1714 года об открытии цифирных школ предписывалось: «Во всех губерниях дворянских и приказного чина дьячих и подьяческих детей от десяти до пятнадцати лет, опричь однодворцов, учить цифири и некоторую часть геометрии, и для того учения послать математических школ учеников по несколько человек в губернию к архиерею и в знатные монастыри. И в архиерейских домех и в монастырех отвести им школы и во время того учения тем учителям давать кормовых по три алтына по две деньги на день из губернских доходов» [5, с. 86]. Практически это была попытка внедрить в масштабах всей страны обязательное начальное образование сначала для детей двух социальных категорий — дворян и подьячих, позднее к ним были добавлены посадские дети и дети духовенства [15, с. 136–137]. К сожалению, этот указ, как и многие указы петровского времени, был плохо проработан и содержал в себе

противоречия, которые пришлось исправлять в последующем. В общей сложности в царствование Петра I было издано семь указов о цифирных школах [13, с. 113]. Приказывая открыть цифирные школы при архиерейских домах и монастырях, Петр принял компромиссное решение, по которому часть расходов на содержание светских учебных заведений фактически перекладывалось на плечи Церкви. Это не могло не вызвать напряженности в отношениях между светской и духовной властью.

История цифирной школы в Новгороде начинается в 1716 году, когда в город прибыл навигатор Василий Залуцкий. Организация обучения арифметике и геометрии в Новгороде, как и в других городах России, оказалась делом непростым. Учителя цифирных школ сталкивались как с открытым нежеланием церковных властей исполнять указы, так и с бездействием властей светских, которые должны были оказывать им содействие. Ситуация усугубилась в 1721 году после реформы церковного управления — создания Св. Синода и издания Духовного регламента, который приписывал архиереям учреждать в своих епархиях семинарии. Запрещая епархиальным властям выполнять распоряжения светского начальства о цифирных школах, Синод добивался от Петра I изменения принципа комплектования этих школ, и 19 ноября 1721 года император согласился освободить детей духовенства от обучения в цифирных школах. Более того, такие школы не могли располагаться в церковных помещениях, поскольку теперь в архиерейских домах должны были создаваться семинарии.

Как уже было сказано, осенью 1723 года Сенат, рассматривая предложение архиепископа Феодосия (Яновского), рекомендовал компромиссное решение — соединить архиерейские и цифирные школы. Синод воспринял это предложение негативно и ответил, что архиерейские школы действуют только в Новгородской епархии, где и возможно такое объединение. Нужно было согласие новгородского архиерея, и он его дал. В указе Синода от 15 мая 1724 года о соединении архиерейской и цифирной школ только в Новгороде было сказано: *«В Новгородской епархии цифирную школу и учителей соединить с вышепомянутою архиерейскою школою, а жалованием учителей и принадлежащими расходами содержать ис тех же мест как оная школа была под ведением Адмиралтейской коллегии против прежнего, дабы оное учение было под одною дирекциею, ибо при обучении словесном и писменном могут обще и цифирную науку принимать. А во учении учеником в той цифирной школе быть ис таких чинов, которым по прежним его императорскаго величества указом обучатца велено. А для словесного и писменного правильного обучения светских всяких чинов людям, которые таких учителей у себя не имеют, детей своих малолетних обучать у тех архиерейских учителей, чтоб таковое правильное обучение умножилось <...>»* [2, л. 220–222]. Таким образом Феодосий (Яновский) добился своей цели — он получил разрешение обучать детей светских лиц в архиерейской школе.

В конце 1723 года новгородский владыка выступил в Синоде с ещё одной

инициативой об обязательном обучении грамматике церковнославянского языка детей духовенства. Указ Синода о присылке в Новгород для изучения «грамматики и прочих к познанию Священного Писания приличных наук» учеников из других епархий был издан 13 ноября 1723 года. Новгородская архиерейская школа стала центром по подготовке учителей из других епархий России. За два года в ней обучился 21 человек из Великоустюжской, Воронежской, Коломенской, Ростовской, Рязанской, Суздальской и Тверской епархий [10, с. 397–426].

К сожалению, не все проекты архиепископа Феодосия были реализованы, а большинство из них после его отставки весной 1725 года были закрыты. В донесении от 16 ноября 1725 года новому новгородскому архиепископу Феофану (Прокоповичу) учитель Василий Залуцкий писал: «...*пoныне цыфирная*

с грамматическою архиерейскою школою не сообщены, и выше показанных чинов детей их в цыфирную школу не определено ж. А присланно ко мне <...> от самаго сущаго сиротства и безптомственным вашего преосвященства от дому разных чинов шесть человек, да с монастырей из Юрьева четыре человека, да Антоньева монастыря Римлянина четыре человека, да Деревяницкого три человека» [3, л. 1–2]. В декабре 1725 года Феофан (Прокопович) выступил в Синоде с предложением «*о роспуске из новгородской славенской школы собранных из разных епархий для обучения грамматике и прочих к познанию Священного Писания приличных наук церковнических детей по-прежнему в дома свои*» [8, л. 102–102 об.]. Синод согласился со своим вице-президентом. Новгородская архиерейская школа начала писать новую, не самую светлую страницу в своей истории.

1. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПБИИ РАН). Колл. 115. Оп. 1. Д. 70.
2. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 109.
3. Там же. Д. 129.
4. Кислова Е. «Грамматическое учение» и модели церковного образования 1720-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2019. Vol. 7, № 2. С. 475–491.
5. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5: 1713—1719.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 8. Д. 223.
7. Там же. Оп. 4. Д. 440.
8. Там же. Оп. 1. Д. 668.
9. Там же. Ф. 815. Оп. 4 (1723). Д. 147.
10. Салоников Н.В., Суториус К.В. Подготовка учителей грамматике церковнославянского языка в Новгородской архиерейской школе (1723—1725 гг.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 19 (29). Великий Новгород, 2020. С. 397–426.
11. Салоников Н.В., Суториус К.В. Новгородская архиерейская школа в первой четверти XVIII века: традиции и новации // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения : Материалы междунар. науч. конф. «Значение преобразований Петра в новой

и новейшей истории России», Москва, 17—19 мая 2022 г. / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2022. С. 573–580.

12. Салоников Н.В., Суториус К.В. Новгородская архиерейская школа и «разбор» духовенства 1736—1738 гг. // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 294–315.

13. Сафронова А.М., Кравченко О.С. Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 112–126.

14. Страхова О.Б. Новгородская школа братьев Лихудов // Cyrillometyodiamum XII. Thessaloniki, 1998. С. 109–123.

15. Фруменкова Т.Г. Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 136–143.

Михаил Данков

К тайнам российской истории петровского времени, безусловно, можно отнести сюжет почти неизвестного марша по землям Карелии в августе 1703 года полка «господина» Матвея Бордовика от берега Белого моря «под Шлюсенъбурх». Спустя год после царского похода к Нотебургу солдаты «коменданта крепости на Новодвинке» ухитрились перетащить по болотам «Осударевой дороги» на расстояние 260 километров два буера, подаренные Петру I и Александру Даниловичу Меншикову голландскими негодьями Христофором Брантсом и Иваном Любсом.

Статья основана на архивных документах из фондов Российского государственного архива древних актов (Москва), Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург), а также «челобитных» крестьян и монахов Соловецкого и Крестного монастырей, летописных текстах архимандрита Досифея, «воспоминаниях» архиепископа Игнатия и писем Петра I и его героев по «марсовым потехам».

ПАРАДОКСЫ «ГОСПОДИНА ПОЛКОВНИКА»

О малоизвестной судьбе Матвея Бордовика на службе у Петра Великого

Завхватывающая судьба голштинца М.М. Бордовика на государевой службе связана с Русским Севером, с личностью Петра I и таинственным царским рейдом от Белого моря в Ингрию [5—8].

Солдаты и офицеры архангельского полка Матвея Бордовика в августе 1702 года вместе с царем находились

в Нюхче Волостной и готовились преодолеть секретную «Осудареву дорогу» к Балтике, но тогда попытка не удалась. «Господин М.М. Бардовик» был решительно отстранён от похода, но ровно через 12 месяцев, в августе 1703 года, всё-таки совершил «сухой» марш к Повецкому рядку, а далее по воде — к строящемуся Кроншлоту.

Однако интрига заключается в том, что «салдаты и сумляне», жители Сумского Посада, перетащили к Онежскому озеру две «*мелкие лодки*»¹, молва о которых сохранилась в церковных текстах, народной памяти и поморских «отписках» и «челобитных». До сих пор некоторые современные исследователи пытаются противопоставить эту реальную «бордовинову» акцию царскому походу 1702 года, во время которого Петр якобы осуществил воюк морских фрегатов [11].

Оценивая новые архивные данные, прикоснёмся и более основательно рассмотрим воистину невероятные сюжеты 1702 и 1703 годов, связанные с именами царя Петра, полковника Матвея Бордовика и стратегическими маршами от Белого моря в метрополию. В очередной раз придётся утвердиться в мифологии петровского волока крупных кораблей и соотнести перемещение неких судов с рейдом М.М. Бордовика по «*нопостроенной Государевой дороге*» в «*нынешнем 1703-м году*»².

**«А у Города было два полка,
Шневенцов да Бордовинов»**

Двинский летописец в Пространной редакции Холмогорской летописи сообщает, что наиболее весомой военной силой Архангельска в начале XVIII столетия, в «*лето 7210 е от Р.Х. (1702)*», было «*два полка, Шневенцов да Бордовинов*» [15, с. 201].

Правда, с осени 1701 года здесь начали квартировать ещё 600 человек «малолетних» драгунов с майором И.А. Ознобишиным, которые, по воле государя, перебрались «на Бревенник» и разместились по берегу от Маймаксы вниз до Новодвинской крепости [17, с. 388].

Кроме того, армейский корпус «Города» включал Русский и Гайдукский полки под началом молодого стольника В.А. Ржевского, прибывшего из Томска³ [4, с. 55]. В целом корпус имел архаичную структуру, часто подвергался внутренней ротации, передислокациям. В этом смысле «боевую» роль государя, который 18 мая 1702 года третий раз появился в Архангельске с батальонами лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков и идеей «*обережи от приходу неприятельских людей*», недооценить невозможно [16, с. 1].

Только встретиться и поприветствовать русского полковника Алферия Алферьевича Шневенца царь не успел: в пути он узнал от фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева, что «ныне умер полковник Андрей Шневенц» [18, с. 91–95].

**Комендант Новодвинской крепости
Матвей Бордовик**

Иначе в армейской среде колоритного портового Архангельска сложилась судьба боевого офицера голштинца Матвея Матвеевича Бордовика. Его имя получил

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 2. 1703 г. Д. 1. Л. 2. Отпуск. «Отписка из Крестного монастыря Петру I о невозможности выполнить его указ о «важской гоньбе» после июля 1».

² РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1704. Л. 153 об. Список «Челобитная жителей Сумского Острога в Соловецкий монастырь от 1703 г. октября 21».

³ Там же. Ф. 141 (Приказные дела старых лет (коллекция)). Оп. 8. 1702. Д. 52. Л. 1.

архангельский полк, прибывший из Москвы, который в силу загадочных причин не выступил в августе 1702 года с царём к Повенецкому ряду. Воинское звание полковника Матвей Бордовик получил годом ранее, когда служил в солдатском полку «из вольницы» под началом Карлуса-Густава Ивановича Иваницкого. В Архангельске царь Петр с солдатами и офицерами «Бордовинова полка» приступает к коррекции оборонной линии.

На протоке Муткурья, по воле царя, по «явному размеру» спешно под «веданием» нового Двинского воеводы В.А. Ржевского и государева порученца, бомбардира М.И. Щепотева достраивается новая цитадель, похожая на «каменный город».

Уже 3 июля 1702 года «господин Матвей Бордовик» получает от царя письменный «Наказ», своего рода русский регламент «приморского форта», и первым в России возглавляет гарнизон на Линском Прилуке в должности коменданта «крепости на Новой Двинке»⁴ [4, с. 132].

Об этом «Двинский летописец» скупо отметил: *«И во 702-м году... сказано, что крепости быть комендантом полковнику Матвею Бордовику... полку ево всем салдатом... с ним же к новой крепости»* [15, с. 163]. При этом и сам воевода переселился в Пур-Наволок и стал заниматься «росправою и строением», оказывая всяческое содействие Бордовику. Скорее всего, весной—летом 1702 года в разгар инженерных работ произошла личная встреча царя с деятельным полковником, который сразу был взят «на блезир» и «государево обласкан». Хотя некоторые

материалы свидетельствуют, что Петр с выходцем из Голштинии мог познакомиться ранее. Во всяком случае, известна резолюция «из Преображенскова» от 9 февраля 1702 года, оставленная государем на докладе Б.П. Шереметьева о перемещении «из полуполковников: Матвея Бардевика». В тексте царь Петр отметил «кроме Бардовика (никого) не знаю» [14].

В «Городе» и на цитадели Бордовик проявил незаурядные способности, расторопность, талант и сметку, удивил царя быстротой и исполнительностью поручений. Сам полк был расквартирован внутри цитадели в 16-ти деревянных зданиях — «домах гарнизонных», расположенных вдоль крепостных стен.

Национальный проект XVIII столетия

Очевидно, ещё в московском Кремле царь с «ювелирной изысканностью» задумал национальный проект по перемещению вектора внешней политики России к западным рубежам. Однако лишь в Архангельске он приступил к реализации своей задумки, связанной с «пробиванием» сухого пути к Повенцу и подготовке рейда русской гвардии через земли Карелии в Ижорию. Неудача в 1700 году под Нарвой и потеря привлекательных земель, издавна принадлежавших русским, диктовали новые условия политической игры. Солдатскому полку М.М. Бордовика довелось участвовать в начальной фазе этой масштабной операции, получившей народное название «Осударева дорога».

⁴ РГАДА. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 1. 1703 г. Д. 135. Л. 3–10 об.

Пространная редакция «Двинского летописца» сообщает, что 5 августа 1702 года царь с сыном Алексеем и свитой *«изволил(и) шествовать в путь на кораблях со всеми»*, имея в виду «салдат» гарнизонного полка Бордовика и Шневенца (уже без командира), драгун и лейб-гвардию Преображенского и Семёновского полков [15, с. 201]. Некоторые историки полагают, что в августовской операции приняли участие также холмогорские Русский и Гайдукский полки [2, с. 45]. Таким образом, флотилия под началом вице-адмирала Корнелиуса Крюйса начала «плавный ход» в Белое море, а свидетельство отправки полка «господина» М.М. Бордовика через Соловецкую обитель к Вардегоре, где размещалось «Нюхоцкое усолье», существенно коррелирует устоявшийся взгляд.

В ночь на 17 августа 1702 года здесь, на взморье, состоялась небывалая в истории России военно-морская десантная операция. «Двинский летописец» уточняет, что *«пришли в Нюхчу со всеми»* и *«оттоль пошли сухим путем до Повенца»*, а вскоре *«водою до Ладоги и до Слюшенбурга»*. И *«тот шведский город взяли храбро сильным приступом октября 1-го»* [15, с. 201].

Однако полк Бордовика не смог принять участие в походе по дебрям Карелии в Ижорию, в стремительных атаках шведских крепостей Нотебург и Ниеншанц, в основании имперского «Питербурха» — это очередной парадокс «Осударевой дороги». Царь Петр почему-то выразил недоверие солдатам Матвея

Бордовика, которые были с трудом доставлены к острову Рислуда в Онежском заливе Белого моря, напротив Пономарёва мыса, в пяти морских милях от мыса Вардегорский.

Вдвойне досадно для Бордовика — ведь на Балтике могла произойти любопытная «фамильная» встреча. В декабре 1702 года к Нотебургу был откомандирован его сын, майор регулярного Новгородского пехотного солдатского полка «Федор Матвеев сын Бордовик». Об этом свидетельствует депеша, что тот был *«послан большого полку ис канцелярии в Шлисенбурх»* [14, с. 303].

Загадка «карельской» отставки полка Матвея Бордовика

Неизвестно, что под Нюхчей Волостной 17 августа 1702 года повлияло на решение Петра I «снять» полковника и «коменданта его царского величества» Матвея Бордовика с маршрута в Ижорию. Неужели причина заключалась в какой-то неизвестной нам «конфузии» голштинца на русской службе, а может, возобладали стратегические идеи царя? Скорее всего, на вынесение жёсткого вердикта о возврате полка в крепость повлияли общеполитические соображения: монарха продолжала волновать опасность беломорских рубежей России. Хотя нельзя исключать, что после полудночного и во многом суетливого десанта и рекогносцировки государь и Фёдор Алексеевич Головин осознали сложность массового движения по дороге *«суземком, горами и мхами»*⁵ [11, с. 234].

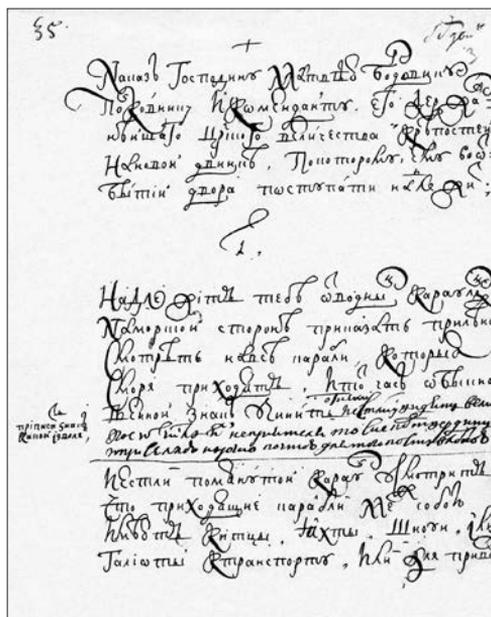
⁵ РГАДА. Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 1. Д. 650. Л. 7. Подлинник «Книги перечневые» работ, расходов и ущерб. 1703 г., январь.

Недавно в РГАДА обнаружен странный документ 1703 года — тетрадь на восьми листах с текстом «Наказа го-сподину Бордовику, полковнику и коменданту... по которому ему в отбытии двора поступати надлежит»⁶. Исходя из названия, архивное дело всё-таки относится к лету 1702 года. Но всё равно непонятно, почему полк М. Бордовика вообще выдвигался, если ему предписывалось, как следует из документа, после отплытия «двора» в Архангельске «поступати надлежит».

«Возвратились на тех же кораблях»

Как бы там ни было, «бордовинов» полк «с полным нарядом» на судах эскадры Корнелиуса Крюйса, в которую входили легендарные фрегаты «Сошествия Святого Духа» («Святой Дух») и «Скорый гонец» («Курьер»), якобы волочимые по «Осударевой дороге», был отправлен обратно на Северную Двину. Пространная редакция «Двинского летописца» беспристрастно бытописует: «А два полка, Шневенцов и Бордовинов, возвратились к городу на тех же кораблях и зимовали в Новодвинской крепости» [15, с. 201].

Действительно, 26 августа флотилия «со всеми кораблями» достигла Архангельска и вице-адмирал рапортовал Ф.А. Головину, который преодолевал путь к Повенцу о том, что «поверенная мне флота слава Богу <...> в целости уцеленна пришла», да и дьяк Посольского приказа М.И. Родостамов подтвердил,

Наказ Петра I Матвею Бордовику.
РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1703 г. Д. 135

что К. Крюйс «в устье со всеми кораблями пришел» [9, с. 253–254].

Отправить «Матвея Бордовика... в поход под Шлюсенбурх»

Между тем ровно через год полковник М. Бордовик с ратными людьми вновь вовлекается в стратегическую акцию на территории Карелии, которую условно назовем «Осударева дорога — 2». Царь Петр 8 июля 1703 года в «Наказной грамоте из Посольской канцелярии» указал «полковнику Матвею Матвеевичу Бордовикову о выступлении его полков из Архангельска в С-Петербург»⁷.

⁶ РГАДА. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 1. 1703 г. Д. 135. Л. 3–10 об.

⁷ Там же. Л. 11–12. Черновой отпуск.

Так, в начале августа 1703 года полк на судах от рейда Новодвинской цитадели добрался до Вардегорской пристани, совершил морской десант и начал фантастический марш через Повенец к Шлюссельбургу на Ладоге. Суммарная длина «сухого» пути от Вардегоры в Онежском заливе Белого моря до Повенецкого рядка составляла 174 версты, а начальный прогон от моря до Нюхчи Волостной — более 14 вёрст. При этом основной отрезок маршрута до Онежского озера получился в 160 вёрст. Отметим, что в петровской России чаще всего использовалась верста в 700 сажень [10, с. 7–10, 15], а сажень — 2,13 метра, или 7 английских футов [12, с. 175]. Значит, Бордовику, как и ранее армии Петра Великого, предстояло преодолеть в динамичном режиме расстояние в северных чащобах в пределах 260 километров. Так была восстановлена историческая логика.

День в день полк прибыл к Нюхоцкому «корабельному пристанищу», которое при царе Петре смог обустроить «Преображенского полку Бонбодерской роты салдат Михаил Щепотев»⁸. «Двинский летописец» отметил, что в «703-го году. Августа», по «имяному Великого Государя указу», надлежит «полковника Матвея Бордовику» послать в «Повенед в поход под Шлюсенъбурх». И далее «того же августа месяца» стольник и воевода «Василий Андреевич Ржевский ево полковника» с полком «послал из Новой крепости на кораблях морем до Нюхотицкой пристани» [15, с. 164].

«Бордовика чаю быти к Нюхче»

Генерал-адмирал Ф.А. Головин, преодолевший в 1702 году карельский маршрут, в реляции Петру I от 6 августа 1703 года уточнял: «*Бордовика чаю быти к Нюхче*». Тогда Головин упросил царя «*воеводе Олонецкому изволишь приказать о судах*», на которых «салдаты» Бордовика пойдут «*через Онегу*». Для этого «*начальные люди посланы от города для збору их, чтоб как возможно помог*» [14, с. 529–530]. Корреспонденция об онежских кораблях для Бордовику является ответом на не сохранившуюся депешу государя от 2 августа. Интересно, что в письме от 23 августа И.Э. Избрант, на чьей адмиралтейской верфи ранее строились фрегаты «Сошествия Святого Духа» и «Скорый гонец», также в иносказательной манере, без упоминания фамилии, отписал государю о рейде «*сухим путем до Нюхчевской пристани, а оттуды до Ладейной пристани*» одного иноземца [14, с. 536].

Флейты Соломбальской верфи И.Э. Избранта

Современный историк флота П.А. Кротов считает, что транспортировка в августе 1703 года солдат полка Бордовику к Нюхче была организована на двух из шести купеческих трехмачтовых флейтах Соломбальской постройки, на которых солдаты «довольно убрался»⁹.

⁸ РГАДА. Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 1. Д. 650. Л. 7. Подлинник «Книги перечневые» от 1703 г., январь.

⁹ Там же. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 1, 22.

Это неспроста, ведь размеры больших торговых кораблей составляли в длину от 120 до 132 английских футов (от 36,6 до 40,2 м) при ширине 28 футов (8,5 м)¹⁰. Хотя о наименованиях кораблей, использованных «господином» Матвеем Бордовиком для доставки полка к Ньюхоцкому усолью, существуют разные версии [13, с. 14]. Точно известны наименования четырёх судов, которые возводились в 1700—1701 годах на

1703 года с войском, артиллерией, «зелем» и провиантом из-за мелководья не смогли приблизиться к берегу и встали на якорную стоянку недалеко «от Крестцовой луды», в нескольких морских милях от Ньюхоцкого усолья.

«Суземок... новоучиненной дороги»

После десанта на монастырских «разъезжих карбасах» и, возможно,

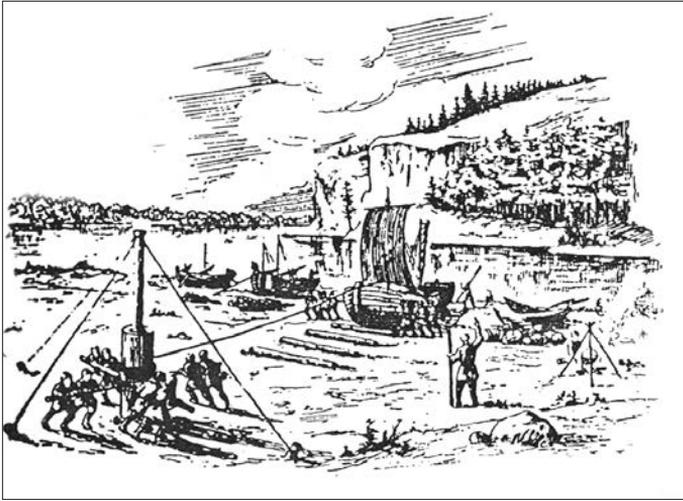
Гонков С.Г. «Волок»

верфи адмиралтейского комиссара Идеса Избранта. Это «Св. апостол Андрей», «Св. апостол Павел», «Св. апостол Петр» и «Рычард Энжен», другие суда могли называться «Зеленый дракон», «Экбой» и «Меркуриус» [3, с. 26].

Какие точно флейты зафрахтовал «комендант крепости» нам неизвестно. Как годом раньше, флейты в августе

подарочных буерах солдаты архангельского полка сформировали маршевые ротные колонны. У полковника Бордовика стояла задача преодолеть «прорубленную» в 1702 году просеку. Заметим, что архангельский полк, безусловно, имел перед петровской лейб-гвардией «фору» и выигрышные козыри. «Книги перечневые» и «Соловецкий летописец»

¹⁰ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 859. Л. 193 об.

Ворот для волока судна

имел инфраструктуру и точно «почтовую гоньбу». Во всяком случае, уже существовали путевые бивуаки для отдыха, называемые в народе «Петровские ямы», а «мостовая» дорога, как повествует Олонецкий архиепископ Игнатий, «сделалась подлинно царскою, большою».

«Сюда же велено идти полковнику Архангельскому с полком»

сообщают, что строительство и «дорожное чищенье» пути от Белого моря к Повенцу успешно продолжалось осенью, после похода царя Петра. «Работный люд» Крестного Онежского (Кийостровского) и Соловецкого монастырей, Сумского острога, Нюхчи волостной и Кемского городка *«и с лошадьми продолжали ту работу до зимы»* [1, с. 102–103].

Из «Отписок», «Челобитных» и «Книг перечневых» узнаём, что крестьяне из монастырских вотчин и поморских волостей и в 1703 году *«до Онега-озера»* дорогу *«чистили, мосты чинили и горы ровняли»*, более того, делали это *«за своим хлебом и харчем»*¹¹.

Допустим, что *«суземок... новоучиненной дороги»*¹², к 20-м числам августа 1703, времени рейда «господина» М. Бордовика, был вполне обустроен,

Первый архипастырь Петрозаводской епархии Игнатий, видимо, единственный автор XIX столетия, который был убеждён в реальности второго похода по «Осударевой дороге». Владыко сообщал, что «в следующий после сего года», имеется в виду рейд государя в 1702 году, *«сюда же велено идти полковнику Архангельскому с полком»*, который переправился *«до Нюхченской пристани на кораблях»* [10, с. 10]. Не называя имени, архиепископ, безусловно, имел в виду сподвижника государя Матвея Бордовика.

Топография сухопутного маршрута по землям Карелии, учитывая отсутствие каких-либо иных трасс с севера на юг и локальных дорог между деревнями, стопроцентно повторяла путь лейб-гвардии царя Петра. Дорога с «настилкой» закончилась в Повенце у старообрядче-

¹¹ РГАДА. Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 1. Д. 650. Л. 8 об. Подлинник «Книги перечневые» работ, расходов и ущерб. 1703 г., январь.

¹² Там же. Л. 1 об.

ской пристани Пигматка. Здесь солдатский полк в конце августа 1703 года разместился на народных и «купеческих» судах, о которых, с подачи Фёдора Головина, позаботился Олонецкий воевода и «амбаркадировался» по Онежскому озеру и далее по Свири к Шлиссельбургу в исток Невы.

Петр I на Олонецкой верфи

Государь в это время как маститый плотник трудился на Олонецкой верфи, строил фрегат «Штандарт», но обоснованно опасался, что «фортуна может, опрокинуться». Летучие отряды шведского генерала и барона Георга Майделя могли в любое время из Выборга прорваться в стратегический тыл. В этом смысле поход Бордовика, а также стягивание к имперской столице и Ладоге дополнительных войск были абсолютно оправданы. Известно, что в начале осени 1703 года из Москвы к «Шлюссельбурху» вышли Семёновский и Преображенский полки с фельдцейхмейстером Яковом Брюсом и генерал-майором Иваном Чамберсом, ранее преодолевшим с царём «Осудареву дорогу»¹³.

О перегруппировке армии в Приладожье свидетельствует яркая депеша Ф.А. Головина от 4 сентября 1703 года Петру I. В документе руководитель Посольского приказа, осознавая важность рейда Бордовика, возмущился действиями Двинского воеводы В.А. Ржевского.

В резкой форме генерал-адмирал общал, что воевода отправил *«роспись*

в Посольский приказ» и у него якобы *«в асатке салдат у Города»* осталось *«Шневенцова полку семсот человек»*. При этом Головин добавил, что какой *«сумазбродный дурак»* никому *«не ведомо для чего отделил их от Бордовика»*, ведь *«они у него были под командою в поддаче»*, к тому же их *«со всем отпустить»* было *«велено»*. Корреспонденция к царю Петру завершается не менее эффектно, мол, у двинского воеводы, не отпустившего в 1703 году Шневенцов полк с Бордовиком, *«суды не было ума писать»* [14, с. 533]. Так Бордовик в августе 1703 года на «Осударевой дороге» не досчитался солдат другого архангельского войскового формирования.

Интрига «карельского» похода полка Матвея Бордовика

Скрытный марш к «Онег-озеру» до сих пор имеет лукавый сюжет и держит исследователей в нешуточном напряжении. Из «Челобитной жителей Сумского острога в Соловецкий монастырь» от 21 октября 1703 года мы узнаём о реальном волоке небольших парусных судов «западного строя», в петровское время называемых «буярами». Оказывается, тогда со всего Поморья *«лошедишка все были иманы»* и крестьяне монастырских вотчин с солдатами *«буеры сами на себе до Повенца тянули»*¹⁴.

Более щепетильно о таинственном перемещении буеров «господином и комендантом Бордовиком» сообщает более поздняя «Сказка» крестьян Ньюхоцкой

¹³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Оп. 3. Кн. 2. Л. 731–732.

¹⁴ Там же. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1740. Л. 154. Список «Челобитная жителей Сумского Острога в Соловецкий монастырь. 1703 г., октября 21».

волости, датируемая концом июня 1709 года. Документ составлялся от имени выборных крестьян, за которых «по их велению нюхчанин Алексей Гогарин руку приложил»¹⁵.

Документ указывает, что «в прошлые 702-й и 703-й годы к работе тое дороги» и «к мощению работные люди браны» с «Каргополского и с Олонецкого уездов, и с Лопских погостов, и со всего Поморья». Не упоминая государев рейд 1702 года, жители Нюхчи Волостной сообщают, что по уже существующей «государевой дороге... наперед сего провожали буюры всем Поморьем» и «мосты были тверды». «Проводникам» было не просто, приходилось «буюры поднимать», а «под всякою буюрою ходило подвод-лошадей по сту с подвотчики». При этом «сверх ходило работных пеших человек по сту для тяги буюр». В этой связи другой монастырский документ уточняет: для организации волока «на Повенецкую верфь» из волостей Кийстровского монастыря были «подтянуты» подводчики с лошадьми и пеший народ¹⁶.

Получается, что «Сказка», традиционно оцениваемая как свидетельство волока царём Петром в 1702 году боевых фрегатов «Сошествие Святого Духа» и «Скорый гонец», в действительности связана с транспортировкой полком Бордовика каких-то «мелких лодок», как

упоминает «Отписка из Крестного монастыря Петру I», подготовленная монахами и «богомолцами»¹⁷.

В действительности, одномачтовые «буюры», перемещённые в 1703 году по «Осударевой дороге» к Шлиссельбургу, оказались щедрым презентом государю и А.Д. Меншикову от голландских негодциантов, имевших своё дело в Архангельске. Тогда иноземцы «в глубочайшей покорности» 16 сентября 1703 года сообщали, что буюры «с прошением нашим» отправлены «с кораблями к господину губернатору Шлотбургскому», чтобы «вам Государю, именем нашим поднести» [14, с. 619].

«Розмерения» голландских буюров

Архивные материалы позволяют представить истинные размеры судов, которые полковник Бордовик в августе 1703-го перетащил «чрез суземок... от Нюхотской волости к Онегу-озеру к Повенцу»¹⁸.

Много позже описываемых событий, 2 апреля 1716 года, коммерсант Брантс в депеше из Амстердама сообщал Петру Алексеевичу о новом подарке царю — буре «длиною около 32 фут и в протчем», так похожем на тот, «который в 1702-м году к Городу послан»¹⁹.

¹⁵ РГАДА. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам [на русском языке]). Оп. 1. 1709 г. Д. 10. Л. 21–22. Подлинник «Сказка крестьян Нюхоцкой волости о работах на Осударевой дороге в 1702 и 1703 гг. 1709 г., после июня 24».

¹⁶ Там же. Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 1. Д. 672. Л. 1–4 об.

¹⁷ Там же. Оп. 2. 1703 г. Д. 1. Л. 1–3. Отпуск «Отписка из Крестного монастыря Петру I» после 1 июля 1703 г.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Там же. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Д. 26. Л. 13 об.

Получается, что голландские «суденки», перемещённые к Балтике в 1703 году солдатами «господина полковника» и «сиротами у той мостовой постройки»²⁰, учитывая, что амстердамский фут — 0,283 метра, могли едва

довика, скончавшегося в 1706 году в Казани, способны видоизменить представления о прорыве «балтийского вала» и внести коррекцию в классическую версию царской переволоки фрегатов.

Суриков В.И. Петр I перетаскивает суда из Онежского залива в Онежское озеро в 1702 году. 1872 г. ГРМ

достигать в длину 9 метров. Ну что же, задача вполне осязаемая и выполнимая даже для петровской администрации, в отличие от мифического волока к Балтике морских фрегатов в 1702 году.

Подводя итог, признаемся, второй «карельский рейд», беспокойная, лишь урывками изученная жизнь голштинца на русской службе М.М. Бор-

Анализ проекта 1703 года, осуществлённого комендантом Новодвинской крепости, позволяет существенно уточнить запутанную историю «провождения» кораблей и даёт возможность расставить акценты в одном из самых обсуждаемых эпизодов начала Северной войны, связанных с именем государя и историей Русского Севера.

²⁰ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1704. Л. 109 об. Список «Челобитная жителей Ендопожской, Сумозёрской и Лапинской волостей в Соловецкий монастырь от 1703 г. июня 18».

1. Досифей, архим. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. Изд-е 3-е. М., 1833.
2. Бесярых Ю.Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке: Сб. ст. СПб., 1997.
3. Брызгалов В.В. Первенец Соломбальской верфи // Соломбальская верфь 1693—1862. Архангельск, 1993.
4. Гостев И.М. Петр I в Архангельске. События, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022.
5. Данков М.Ю. Матвей Бордовик и поход по «Осударевой дороге» в 1703 году // Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 295-летию со дня рождения великого русского учёного Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765). Архангельск, 2006.
6. Данков М.Ю. О загадочном рейде от Нюхчи к Шлиссельбургу в 1703 году // Двинская земля. Вып. 4: Материалы четвертых межрегион. общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений... 19—20 марта 2005 года. Вельск, 2005.
7. Данков М.Ю. Об организации на «Осударевой дороге» таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб., 2004.
8. Данков М.Ю., Лапшов С.П. Забытый полк «Осударевой дороги» // Рейтар: Военно-исторический журнал. 2007. № 36 (3/2007).
9. Елагин С.И. История Русского флота. Период Азовский: В 2 ч. Ч. II. Прил., № 19. СПб., 1864.
10. Игнатий. Воспоминание о высочайших происшествиях великого государя Петра Первого, коими осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию. Петрозаводск, 1841.
11. Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011.
12. Крохин В.А. Возможные способы расчета соотношений и достижения точности при построении архитектурной формы в русском деревянном зодчестве XVI—XVIII вв. // Памятники архитектуры Русского Севера: сб. ст. Архангельск, 1998.
13. Огородников С.Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875.
14. Письма и бумаги императора Петра Великого (ПиБ). Т. 2. 1702—1703. СПб., 1889. Прим. С. 13.
15. Полное собрание русских летописей. Холмогорская летопись. Двинский летописец (ПСРЛ). Т. 33. Л., 1977.
16. Походный журнал 1702 г. // Походные и путевые журналы императора Петра I (1695, 1696—1708 годов). № 1. СПб., 1853.
17. Летопись Двинская / сост. А.А. Титов. М., 1889.
18. Шереметев Б.П. Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника мальтийского, св. апостола Андрея, Белого орла и прусского ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. Т. XIV. Ч. 1. М., 1778.

Ярослав Васильев

«...ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ВЕРНОГО И ДЛЯ ПРИБЫЛИ НЕОБМАНЧИВОЙ»

Крестьянский заёмный банк А.А. Аракчеева в селе Грузино

До отмены крепостного права в России не существовало действенной системы кредита, что является характерным для феодальной экономики. Количество банковских учреждений было весьма ограничено и насчитывало всего несколько десятков, прежде всего казённых. Это были Государственный заёмный банк, учреждённый в 1786 году, Государственный вспомогательный для дворянства банк, действовавший с 1797 года, Государственный коммерческий банк, созданный в 1817 году, и некоторые другие [7]. Существовало около двух десятков муниципальных городских общественных банков с суммарным капиталом не более 500 тысяч рублей, два из них обладали капиталом в 400 тысяч рублей, то есть значительная их часть существовала только на бумаге [1].

Действовало несколько негосударственных — сословных — банков с ограниченной сферой операций и имевших местное значение. К ним относились действовавшие с 1779 года Ссудный банк для армян в Астрахани и с 1786 года Екатеринославский банк, а также Дворянские банки в Лифляндии и Эстляндии и крестьянские банки

на островах Эзель и Моон в Балтийском море, образованные соответственно в 1802 и 1814 годах [8]. Предшественником двух последних был так называемый мирской банк, который был учреждён на средства, вырученные от продажи хлебных излишков местных магазинов, ссужавших зерно крестьянам. Так, Эзельский банк предоставлял государственным крестьянам не только деньги, но и зерно. Подобные учреждения существовали в этот период в Швеции [6, 11]. Позднее, в 1820 году, схожий банк был образован графом А.А. Аракчеевым и в селе Грузино Новгородской губернии. Операции этого крестьянского банка, в целом, были схожи с деятельностью банка на острове Эзель [12].

Создание таких банков, которые на деле были учреждениями мелкого кредита для крестьян, было не только попыткой отдельных помещиков оказать им определённую финансовую помощь для ведения и развития хозяйства, но и являлось составной частью более широких экспериментов, имевших целью поднять доходность своих имений. Если просвещённые помещики пробовали внедрять элементы хозяйственной инициативы, то у Аракчеева это сочеталось с жёсткой

Граф Аракчеев Алексей Андреевич.
Илл. из кн.: Гиппиус Г.А. Современники :
собрание литографических портретов,
государственных чиновников, писателей
и художников, ныне в России живущих.
С.-Петербург, [1822]—1828

дисциплиной и мелочной регламентацией всех сторон жизни и деятельности крестьян, в том числе и хозяйственной.

Будучи сами по себе любопытными опытами по модернизации в рамках крепостной экономики, такие банки были обречены на общую неудачу при относительно небольшом и временном подъёме. Тем не менее они всё же демонстрировали остроту положения, сложившегося в крепостной экономике конца XVIII — начала XIX века и необходимость кардинальных изменений.

Создание крестьянских банков стало частью программы преобразований и явилось результатом длительного,

с 1801 года, обсуждения самой идеи их создания, целей и задач деятельности, проектов, составленных адмиралом Н.С. Мордвиновым, председателем Вольного экономического общества, впоследствии членом Государственного совета, и самим А.А. Аракчеевым. Вопрос рассматривался и в Непременном совете, и в Комитете министров, что подчёркивает не только интерес правительства Александра I к идее общероссийского Крестьянского заёмного банка, но и важность предполагавшихся от его деятельности результатов [12]. В итоге он так и не был создан, но в 1820 году Аракчеев по собственноручно составленному Положению учреждает Заёмный банк для крестьян в имении Грузино и даже вкладывает в его капитал собственных 10 тысяч рублей. Операции этого крестьянского банка, в целом, как уже отмечалось, были схожи с деятельностью банка на острове Эзель [12].

Целью банка Аракчеев в п. 1 Положения определил «*помощь скорую, верную и ни от чьего произвола не зависящую <...> и чтобы после сего не имели они надобности прибегать ни к каким посторонним займам и помощам, часто ненадежным и всегда тяжелым для бедного*». Крестьяне могли занимать в банке деньги, «*когда нужда встретится: на покупку скота рабочего, на свои строения, на все нужды не только по быту их хозяйскому, но и по торгам их и промыслам*» (п. 2). Кроме того, банк ежегодно должен был покупать от 200 до 300 кулей ржаной муки для продажи в долг беднякам (п. 2 и 11). Правда, за это крестьянам Грузинской вотчины было запрещено покупать муку в долг

О Г Л А В Л Е Н И Е

Положения о заемномъ Банкъ для крестьянъ Грузинской отчины.

Стран.

§ 1. Цѣль. § 2. Учрежденіе Банка. § 3. Основаніе Капитала Банка.	
§ 4. Умноженіе онаго представляемыми Банку доходами. § 5. Правила.	
I. О правленіи Банка.	3.
§ 6. Правленіе Банка. § 7. Жалованье управляющаго Банкомъ и вознагражденіе мирскихъ депутатовъ. § 8. Мѣсто пребываніе Правленія Банка. § 9. Присутственные дни правленія Банка. § 10. Книги Банка.	
II. О заготовленіи муки и продажѣ ея бѣднымъ крестьянамъ	
§ 11. Мѣра и способы заготовки и видѣльствованіе муки. § 12. На. § 16. Доставка въ магазины мирскихъ депутатовъ. § 17. Продажа муки. § 18. Запрещеніе покупать муку. § 19. Штрафъ за продажу въ долину знать о нуждахъ бѣдныхъ муки. § 20. Штрафъ за неисполненіе за отпущку дурной муки. § 21. Штрафъ за неисполненіе денегъ бѣднымъ за муку. § 22. Штрафъ въ случаѣ ихъ несоспѣлости.	
III. О выдачѣ въ долгъ денегъ	
а). <i>Обица права.</i>	
§ 23. Для кого выдача денегъ. § 24. Мѣра. § 25. Продолженіе. § 26. Годовой отпускъ.	

П О Л О Ж Е Н І Е
О ЗАЕМНОМЪ БАНКЪ ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ
ГРУЗИНСКОЙ ОТЧИНЫ.

§ 1.

Заботясь о благососостояніи добрыхъ крестьянъ Грузинской моеи отчины, состоящей въ Губерніи Новгородской и увѣдъ сего же имени, я желаю, чтобы они прошиву всѣхъ случайныхъ нуждъ и недостатковъ ихъ находили у себя же въ отчинѣ помощь скорую, вѣрную и ни отъ чего произвола независящую, но точно определенную симъ положеніемъ, и чтобы послѣ сего не имѣли они надобности прибѣгать ни къ какому постороннему займателю и помощнику, часто ненадежному и всегда тяжелому для бѣднаго, потому, что такія помощи даромъ не дѣлаются и слишкомъ наверстываются ростомъ, проценшами, либо наддачами.

§ 2.

Въ семъ намѣреніи учреждаю и для крестьянъ учрежденіе Банка. Моему ссудный капиталъ денежный, подъ названіемъ Банка Заемнаго, изъ котораго всѣ бѣдные и богатые, могутъ занимать деньги, когда нужда

из лавок и у торговцев (п. 21). Крестьянам разрешалось вносить в банк деньги на вклады «для сохранения верного и для прибыли необманчивой» (п. 4) [9] под 5 % годовых. На постройку дома можно было получить до 150 рублей, покупку коровы — до 60 рублей, лошади — до 100 рублей из расчета 5 % годовых. Малоимущие могли рассчитывать и на беспроцентную ссуду [13].

Аракчеев очень гордился этим банком и не забывал отметить его работу перед гостями, посещавшими Гру́зино. Они оставляли о его деятельности, как правило, положительные отзывы, правда, со слов хозяина и его крестьян, не имея возможности, да и особого желания, их проверять. Это же относится и к первым исследователям деятельности Аракчеева в Гру́зинской вотчине, поскольку его модель поместья демонстрировала, чего может достигнуть крепостное хозяйство при внимательном и деловом владельце, поддерживающем строгую дисциплину [2, 5]. Впрочем, многие отмечали, что излишняя строгость, мелочный контроль и придирки графа делали положение его крестьян весьма тяжёлым.

Деятельность Гру́зинского мирского банка Аракчеев контролировал тщательно и постоянно, ежемесячно просматривал его отчёты, каждый год проводились ревизии [4].

После смерти Аракчеева интерес к его системе управления вотчиной угас. Тем не менее необходимость существования учреждений для финансовой поддержки крестьян, где они могли бы получить небольшую ссуду на хозяйственные цели, всегда понималась пра-

вительством. В связи с этим с 1840 года по реформе министра государственных имуществ П.Д. Киселева были образованы крестьянские вспомогательные и сберегательные кассы — волостные банки государственных крестьян, а с 1859 года действовали сельские банки удельного ведомства — удельные банки, которые, впрочем, активной деятельности не вели. Однако учреждённые волевым решением и на общественные средства они очень быстро приходят в упадок. После отмены крепостного права несколько земских деятелей и местных энтузиастов в 1870-е годы основали на селе для крестьян с теми же целями ряд ссудосберегательных товариществ. Но принятая для этого за образец кооперативная система Шульце-Делича, на принципах которой были организованы потребительские товарищества, ссудосберегательные кассы и производственные ассоциации, оказалась не вполне применима к российским условиям. Отсутствие у крестьян свободных средств и специалистов мелкого кредита так же привели их к упадку и замене на более функциональные кредитные товарищества.

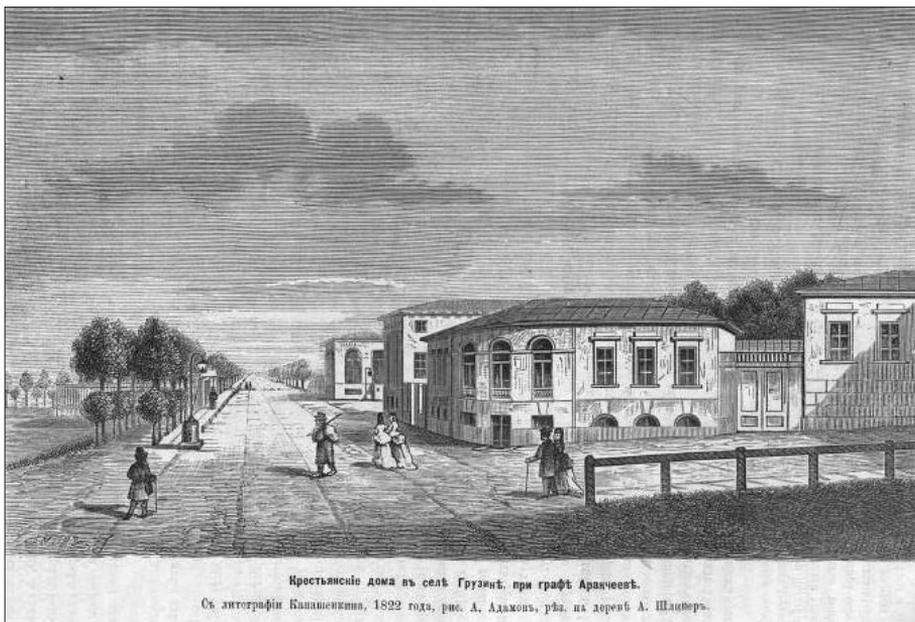
В дальнейшем исследователи обращались к истории крестьянского банка в Гру́зине, но только как составного элемента системы хозяйствования, введённой Аракчеевым в своей вотчине, и объектом пристального внимания он не стал. Цели и задачи его деятельности, специфику работы и влияние на хозяйство крестьян рассматривали в разные годы Наталья Ивановна Яковкина и Константин Михайлович Ячменихин.

Н.И. Яковкина высказывается о деятельности банка в целом негативно,

как и о хозяйственном эксперименте Аракчеева вообще: «В результате Крестьянский банк в Гру́зине не только не способствовал укреплению и развитию крестьянского хозяйства, но, наоборот, подрывал его. Постоянные принудительные работы для погашения банковских ссуд и выплаты процентов по ним отрывали крестьян от собственного хозяйства» [12]. Более оптимистическую оценку даёт К.М. Ячменихин: «Следует

речисленных денежных сумм вотчины отмечался и «находящийся в Гру́зинском мирском банке, по билету погашения долгов, капитал в 27 285 рублей 75 копеек серебром, определенный в пособие крестьянам на уплату государственных податей» [3]. Однако суммы иного происхождения и размер его операций указаны не были.

Следующие сведения о Заёмном банке села Гру́зино относятся к 1857 году.

отметить, что крестьяне вотчины достаточно активно пользовались услугами банка, и это в значительной степени стимулировало их хозяйственную активность» [13].

После смерти Аракчеева в 1834 году банк продолжал действовать в составе имения Гру́зино ещё более десяти лет до 1846 года и был передан Министерству государственных имуществ. Среди пе-

Из его отчёта следует, что наличного основного капитала, принадлежавшего банку, состоит 14 403 рубля. Однако имелись ещё и капиталы частных лиц «для хранения и приращения процентами» — 1721 рубль наличными деньгами, Гру́зинского имения — 1124 рубля и ценных бумаг в билетах комиссии погашения долгов и Новгородского приказа общественного призрения соответственно

27 428 рублей и 3571 рубль. Всего, таким образом, числилось 48 249 рублей [9].

Однако с течением времени, видимо, после отмены крепостного права и ослабления контроля за работой банка со стороны властей, его положение изменилось — капитал был выдан вкладчикам, билеты перечислены в другие руки и учреждения. Основной капитал, положенный в 1820 году Аракчеевым в банк, увеличился к 1857 году с 10 тысяч рублей ассигнациями до 14 403 тысяч рублей серебром. С этого времени часть капитала выдавалась крестьянам в ссуду под 5 % годовых, но затем постепенно возврат ссуды и уплата процентов стали происходить всё более неисправно, а затем и вообще прекратились. Около 1872 года банк свернул операции «по этому предмету» [9]. По некоторым данным, в 1870-е годы его капитал ещё составлял 30 тысяч рублей [13].

Последние выявленные сведения о Грúзинском заёмном банке относятся к началу 1890-х годов. К 1893 году его капитал состоял из наличных 359 рублей, государственных билетов насчитывалось на 24 200 рублей. Кроме этого, в долгу за крестьянами за купленный овёс на посев полей весны 1893 года числилось 657 рублей, за купленную озимую рожь — 524 рубля и на ссуды прежних лет, выданные крестьянам на обсеменение полей и другие нужды, — 25 866 рублей.

Таким образом, в собственности банка состояло 51 607 рублей: в обороте — 24 559 и в ссудах — 27 048 рублей. Эту сумму, видимо, нужно было числить в ненадёжных или даже безнадёжных выдачах, поскольку к 1 января

1891 года от крестьян поступило только 276 рублей.

Кроме того, Грúзинское волостное правление ежегодно в Государственном казначействе получало по упомянутому выше билету Комиссии погашения долгов процентов на сумму 1645 рублей, которые расходовались в уплату выкупных платежей за крестьян Грúзинской вотчины А.А. Аракчеева, числом в 2571 человек, согласно его завещанию [9].

В целом, из отчёта банка за 1891 год следует, что он действовал, как и большинство сохранившихся дореформенных заведений, как учреждение мелкого сельского кредита. Большая часть основного капитала давно была выдана в ссуды крестьянам, и руководству с трудом удавалось собирать обратно хотя бы проценты. Вклады и другие наличные средства были вложены в государственные процентные бумаги, дававшие Грúзинскому банку определённый доход. Счетоводство за 300 рублей в год вёл помощник волостного писаря. Финансовые возможности банка были ограничены «Положением...» о его деятельности, так как в нём не предусматривались внешние займы на усиление оборотов и приём вкладов от посторонних лиц (т. е. не жителей этой волости). Это же станет одной из причин раннего упадка ссудосберегательных товариществ в 1880-е годы, потому что собственные средства крестьян были очень невелики. Кредитные товарищества, появившиеся позднее, не имели таких ограничений и распространились значительно более широко и гораздо успешнее.

Затем следы Грúзинского заёмного банка окончательно теряются. Данных о нём

нет ни в Памятных книжках Новгородской губернии, ни в других справочных или отчётных документах, например, в изредка собираемых Министерством финансов сведениях о дореформенных и сословных учреждениях мелкого кредита (за 1896—1898, 1902 годы), которые отложились в фонде Особенной канцелярии по кредитной части Российского государственного исторического архива [10].

Тем не менее опыт, накопленный Грузинским заёмным крестьянским банком и другими сходными заведениями, показал необходимость создания учреждений мелкого сельского кредита и был использован в дальнейшем при организации волостных и удельных банков в 1840 и 1859 годах, а после отмены крепостного права — ссудосберегательных и кредитных товариществ.

1. Боровой С.Я. Кредит и банки России. (Середина XVII в. — 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. 288 с.
2. фон Брадке, фон Е.Ф. Автобиографические записки // Русский архив. 1875. № 1. С. 37.
3. Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника. Ф. 16. Оп. 1. Д. 299. Дело о передаче имения А.А. Аракчеева «Грузино» в ведение Министерства государственных имуществ (1845—1846). [Предписание] о приёме Грузинского имения в ведомство Министерства государственных имуществ (17 июня 1845 г.). Л. 3 об.
4. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Карточки каталожные на документы архива графа А.А. Аракчеева, хранившегося в Новгородском музее древностей.
5. Отто Н.К. Черты из жизни графа Аракчеева. III. Сельское хозяйство и порядки, заведённые Аракчеевым в Грузинской вотчине // Древняя и Новая Россия. 1875. № 4. С. 376—393.
6. Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. Т. XXVII. № 20462—20464. Т. XXXVIII. № 29275.
7. Там же. Т. XIV. № 10235. Т. XV. № 10863, 11550. Т. XVIII. № 13219. Т. XXII. № 16407. Т. XXIV. № 18274. Т. XXXIV. № 26837.
8. Там же. Т. XXX. № 14837. Т. XXXII. № 16439. Т. XXVII. № 20462—20464.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 253. О заёмном банке в с. Грузино Новгородской губернии. Л. 1—56.
10. Там же. Ф. 583. Оп. 7. Д. 666, 667, 677.
11. Судейкин В.Т. Наши общественные городские банки и их экономическое значение. СПб., 1884. С. 17.
12. Яковкина Н.И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Ленинград, 1983. С. 49—54.
13. Ячменихин К.М. Социально-экономический абрис Грузинской вотчины графа А.А. Аракчеева // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 21. Калининград, 2015. С. 69—70.

Вадим Мусаев

«...СЕКТАНТЫ НЕ РЕГИСТРИРУЮТСЯ НИ В ЦЕРКОВНЫХ, НИ В ГРАЖДАНСКИХ ДОКУМЕНТАХ»

*Распространение свободных протестантских общин
в Новгородской и Псковской губерниях
в первой четверти XX века*

Свободноцерковное протестантское движение начало развиваться в России во второй половине XIX века. Одним из основных центров этого движения была имперская столица — город Санкт-Петербург, где особенно широким влиянием пользовались общины баптистов и евангельских христиан. Среди последних наиболее заметной фигурой был отставной полковник Василий Александрович Пашков, а после его вынужденной эмиграции — инженер Иван Степанович Проханов.

В соседних с Петербургской губерниях — Новгородской и Псковской — свободные общины также проявляли активность. В годовых отчётах по Новгородской и Псковской православным епархиям речь шла в основном о «штундизме»: этот термин представители властей и православные публицисты использовали для обозначения русских протестантов. В Псковской епархии

проповедником штундизма был назван крестьянин Курляндской губернии Иоанн Гейде, проживавший в Вышегородской волости Островского уезда. Он и его мать, как сообщалось в отчёте по епархии за 1905 год, «распространяют своё лжеучение среди окружающего населения, хотя и были за это подвергнуты судебному преследованию». В Коровском и Кошкинском приходах упомянутой волости числились 220 штундистов¹. В 1907 году численность последних в этих же приходах определялась в 344 человека². В следующем году сообщалось о распространении «пашковщины» в Порховском уезде, в Гористинском, Ясинском и Шадрецком приходах. Отмечалось, что «пашковщина» пропандировалась «самими же крестьянами, живущими зиму в Петербурге на отхожих промыслах, откуда они и приносят лжеучения и рассеивают его среди соседей, подкрепляя свидетельствами из той

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2109. Л. 27 об.

² Там же. Д. 2233. Л. 33.

многочисленной штундовой литературы, которой они обильно и бесплатно снабжаются в Петербурге для себя и для распространения в народе»³.

В целом, численность сектантов в Псковской губернии была невелика, их деятельность не отличалась особой интенсивностью, и их влияние не росло. В одном из епархиальных отчётов отмечалось: «Штунда в тех приходах, где она раньше существовала, не прогрессирует, скорее прозябает, потому что, с одной стороны, лишилась прежде бывших энергичных вожаков, а новые не успели приобрести популярности, с другой же стороны, не умножаются её последователи, а наоборот, в среде православных ясно видно разочарование в её обаянии, благодаря последним дискредитирующим его обстоятельствам в жизни штундистов»⁴. В самом Пскове имелась лишь небольшая община «штундистов», около 30 человек, вели они себя довольно скромно⁵. Впрочем, в 1912 году отмечалось, что «штунда в епархии значительно подняла голову». Сообщалось, что поддержка поступала «из Петербурга от главного Союза Евангельских Христиан, который снабжает Псков проповедниками и материальной помощью, а этого раньше не было, потому что в Псковской губернии не было официально зарегистрированной общины». Теперь же община евангельских христиан официально существовала в Пскове и стремилась вести проповеди по всей губернии.

Иван Степанович
Проханов

Общая численность сектантов по губернии в отчётах о состоянии Псковской епархии за 1912 и 1913 годы определялась в 222 человека (из них больше половины — 131 человек — в Островском уезде), что было на 16 человек больше, чем в 1911 году. В самом Пскове в течение 1913 года «у евангельских христиан часто устраивались собрания и велись беседы их проповедником Моргуновым»⁶.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2294. Л. 24 об.

⁴ Там же. Д. 2351. Л. 43–43 об.

⁵ Там же. Д. 2411. Л. 53.

⁶ Там же. Д. 2539. Л. 18–18 об.; Д. 2601. Л. 20–20 об.

Сенная площадь в Новгороде.
Фото начала XX в.

Адвентисты появились в Пскове лишь в 1916 году — это были беженцы военного времени из Риги⁷.

Свободные общины действовали и в Новгородской губернии. Православные миссионеры сообщали о распространении в народе «толстовства, пашковщины, рационализма». Пашковцы начали проявлять себя в Новгороде в 1907 году, открыв в городе помещение для собраний в доме на Сенной площади, между двумя постоялыми домами, в которых останавливались приезжавшие в Новгород крестьяне. Миссионер иеромонах Варсонофий, сообщая о сектантах, заключал: «Наблюдая за действиями сектантов, нельзя было не заметить, что они ведут усиленную пропаганду среди православных и могут действительно

*принести вред православию, если не будут предприняты какие-либо меры с нашей стороны»*⁸. Тот же иеромонах Варсонофий в следующем году сообщал об активности в области распространения сектантского учения крестьянином деревни Устье в Рекшинском приходе Старорусского уезда Василием Тихоновым. Означенный Тихонов тайно проповедовал сектантские идеи ещё со второй половины 1880-х

годов, за что был подвергнут суду и тюремному заключению. *«После наказания Тихонов не прекратил пропаганду своего лжеучения, но сначала скрытно, а потом с 17 апреля 1905 г. и открыто продолжает распространять пашковское лжеучения между православными. С 1907 г. он начал устраивать в своём доме молитвенные собрания, на которых открыто расппеваются сектантские стихи, и даже дошёл до такой наглости, что позволял себе кощунствовать над православными обрядами и обычаями, внушая школьникам малышам бросать нательные кресты в непотребные места»*⁹. «Сектантство в виде пашковщины и баптизма» распространялось в Новгородской епархии, по данным епархиальных отчётов, в Новгородском, Старо-

⁷ Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905—1991 гг. СПб., 2008. С. 36.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2223. Л. 23 об.—24 об.

⁹ Там же. Д. 2285. Л. 20 об.—21.

русском и Демянском уездах. Число сектантов по епархии, по тем же данным, не превышало 70 человек¹⁰, то есть широкого распространения в Новгородской губернии свободноцерковное движение, вопреки опасениям православных священнослужителей, не получило.

В одном из епархиальных отчётов отмечалось, что наибольший вред православию наносили запасные солдаты и особенно матросы: «...по отзывам многих священников, редко кто из них возвращается домой православным, большинство же их приходят или неверами, или сектантами». Не меньший вред наносили отходники, возвращавшиеся с заработков: «...как солдаты, так и последние, возвратившись домой, обыкновенно деятельно поддерживают связь с центральными сектантскими организациями в Петербурге и других больших городах России и получают оттуда инструкции для своей пропаганды, книги, журналы, брошюры, листки и деньги»¹¹. В отчёте о состоянии Новгородской епархии за 1913 год среди сектантских течений, распространённых на территории епархии, были названы баптизм, пашковщина, штундизм и толстовство (почему-то вместе), адвентизм, чури-

«Дом Евангелия» на 24 линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге.

Фото с сайта <https://www.fontanka.ru/longreads/69521633/?ref=t>

ковщина и киселёвщина (о последнем течении мало что известно, видимо, это одна из русских сект). Отмечалось, что «количество сектантов до сих пор не установлено и не представляется возможным установить, так как сектанты не регистрируются ни в церковных, ни в гражданских документах». Наибольшее распространение сектантские группы получили в Демянском, Старорусском и Боровичском уездах, то есть Демянский и Старорусский уезд традиционно отмечались как охваченные сектантским движением больше других. Констатировалась активность пашковцев в Новгороде, где «группа пашковцев составляет филиальное отделение Петербургской общины евангельских христиан»¹². В епархиальном отчёте на 1914 год отмечалась роль селения близ

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2401. Л. 30 об.

¹¹ Там же. Д. 2467. Л. 42.

¹² Там же. Д. 2591. Л. 35–35 об.

станции Шимск — «с массой трактиров и чайных, вдали от храмов Божьих, ставит его в благоприятное для сектантской пропаганды положение»¹³.

В целом сколько-нибудь серьёзной угрозы устоям государственной религии в губерниях с преобладавшим русским православным населением последствия указа 17 апреля 1905 года и других законодательных актов, способствовавших либерализации религиозной жизни, не несли. Тем не менее, православное духовенство и консервативно настроенные светские круги с опасением и настороженностью относились к имевшим место переменам. Особенно негативно этой частью общества воспринималась деятельность свободных протестантских общин. Им, наряду со старообрядцами, уделялось внимание в годовых епархиальных отчётах, их действия описывались и комментировались в явно выраженных критических тонах, подчёркивался их пропагандистский и вредный для православия характер. Обращалось внимание на заграничные связи сектантов.

В столь же тёмных тонах интерпретировалась деятельность сектантов в отчётах по Новгородской и Псковской епархиям. Характеристика действий последователя и проповедника евангелистского учения Василия Тихонова в Старорусском уезде Новгородской губернии выше уже приводилась. В отчёте о состоянии Псковской епархии за 1909 год о штундистах говорилось: «Прозелитизм штунды силён и крайне бес-

церемонен — штундисты не брезгают и дискредитированием в глазах крестьян православной веры и Церкви, расточая хулы на неё и издеваясь над церковной обрядностью и пастырями Церкви, чем глубоко оскорбляют религиозное чувство православного христианина. Конечно, они не сознают, или не желают признать, что этот путь пропаганды весьма сомнительный. Но что особенно опасно у штундистов для совращения православных, так это материальная помощь, к которой они прибегают, как к одной из самых сильных мер, и свои обещания в этом отношении они точно исполняют»¹⁴.

Противодействие сектантскому влиянию, наряду со старообрядческим, составляло основную задачу православных миссионерских организаций, основанных и действовавших в обеих епархиях. Миссионеры проводили «обличительные беседы», которые сопровождалась раздачей брошюр противосектантского содержания. Как отмечалось в одном из годовых отчётов по Псковской епархии, «деятельность приходских миссионерских кружков захватывала и круг сектантского лжеучения, по возможности устраняя его влияние на православных и укрепляя этих последних в неоспоримых истинах Православной церкви»¹⁵. Епархиальный миссионер священник Александр Волгов в 1912 году проводил беседы в разных местах на территории Псковской губернии. С июня по сентябрь он десять раз, «в виду активного

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2652. Л. 51.

¹⁴ Там же. Д. 2351. Л. 43 об.—44.

¹⁵ Там же. Д. 2233. Л. 34.

выступления евангельских христиан (штундистов) в Пскове вёл против штунды публичные беседы с народом на улице, а затем на Острове»¹⁶. Общее руководство миссионерской работой в епархии осуществляло братство во имя свв. Кирилла и Мефодия, существовавшее в Пскове с 1880 года¹⁷. Указом Святейшего Синода от 8 марта 1913 года новым епархиальным противосектантским миссионером был назначен иеромонах Алексей, который основное внимание обращал «на выяснение православным положительного церковного учения в целях предостережения их от увлечения сектантским лжеучением». В качестве успехов миссии отмечались обращения в православие «из инославия, иноверия и раскола». За 1913 год обратились восемь человек из католичества, 18 — из лютеранства, 74 — из старообрядчества и 6 — из иудаизма¹⁸.

В Новгородской епархии в 1909 году работали четыре епархиальных миссионера и два их помощника, которые провели за год 285 публичных беседований¹⁹. Местное братство св. Софии напечатало 1400 миссионерских листовок для бесплатной раздачи горожанам. Позднее в зале Архиерейского дома стали проводиться православные чтения противосектантского содержания²⁰. В 1912 году епархиальный миссионер священник Н. Чепурин на станции Любань имел диспут с одним из наиболее

Вильгельм Андреевич
Фетлер

видных деятелей свободноцерковного движения В.А. Фетлером. В отчёте по Новгородской епархии за указанный год отмечалось: «Благодаря неустанной миссионерской деятельности о. Чепурина, большую часть времени пребывающего в путешествиях по епархии, движение сектантства или прекращалось вовсе по местам, или приостанавливалось. Умело проведённые им беседы с сектантскими наставниками и пропагандистами

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2539. Л. 19 об.–20.

¹⁷ Там же. Л. 21–21 об.

¹⁸ Там же. Д. 2601. Л. 22–23.

¹⁹ Там же. Д. 2341. Л. 39 об.

²⁰ Там же. Д. 2401. Л. 38.

всегда разоблачали несостоятельность сектантства, и тем понижали сложившийся было авторитет их в народе»²¹. В феврале 1914 года Миссионерский совет и Братство св. Софии объединили свою деятельность под общим именем «Епархиальное Братство св. Софии». Соответственно был изменён и дополнен устав Братства. В том году в Новгородской епархии действовали шесть миссионеров — два епархиальных и четыре уездных, а также два помощника миссионеров²².

Законодательное улучшение положения «инославных» (неправославных христианских) верующих в России наметилось весной—летом 1917 года, после Февральской революции. Продлилось это недолго: в октябре того же года к власти пришла партия, негативное отношение которой к религии и Церкви было хорошо известно. Свободные протестантские общины, однако, первое время могли чувствовать себя относительно спокойно. Основное давление оказывалось на бывшую государственную Церковь — Православную. Отношение коммунистических властей к сектантам как неоднократно гонимым при прежней власти и не связанным со старым государственным аппаратом было не столь жёстким. И.С. Проханов в своей автобиографической книге «В котле России» писал: «Период с 1923 по 1929 г. можно назвать самым плодоносным в евангельском движении: работа нашего Союза, издательское дело, библейское

образование, миссия, вся эта работа расширялась, благодаря благоприятным законам Советского правительства»²³. Пользуясь сложностями, которые испытывали традиционные Церкви — Православная, Евангелическо-лютеранская, Римско-католическая — евангелисты, баптисты и другие свободные общины в 1920-е годы даже заметно увеличили свою активность, в том числе в северо-западных губерниях.

О развитии сектантского движения в Псковской губернии наиболее подробные данные содержались в докладе Северо-западного бюро ЦК РКП (б) от 23 апреля 1925 года. Согласно приведённым в докладе данным, в Псковской губернии самой крупной была община старообрядцев, насчитывавшая свыше 3000 человек. Второй по количеству была секта евангельских христиан, в которой состояло свыше 550 членов. Имелись четыре общины и 12 групп. Одна община существовала в самом городе Пскове. Наибольшее распространение имела в Порховском, Новоржевском и Псковском уездах. Баптистов насчитывалось до 300 человек в трёх общинах, которые имелись в уездах Порховском (Первомайская волость), Торопецком (село Грибово Жижицкой вол.) и Островском. Остальные секты были незначительные и насчитывали все вместе не более 1500 человек. Пашковцы имелись в Порховской волости Порховского уезда. Адвентистов набиралось до 100 человек в пяти группах: в Холмском

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2531. Л. 33 об.

²² Там же. Д. 2652. Л. 46–47.

²³ Проханов И.С. В котле России, 1869—1933. М., 1997. С. 220.

уезде (две) и по одной в Псковском, Торопецком уездах и в Пскове. Остальные секты насчитывали в совокупности не более 1500 человек²⁴. Доклад констатировал: «*Между сектами существуют сложившиеся в прошлом недружелюбные отношения на почве конкуренции, но столь обостренной враждебности, какие наблюдаются во взаимоотношениях различных групп и течений к православной церкви, секты не проявляют. В последнее время наблюдается даже обратное явление, а именно: со стороны евангелистов и баптистов определенно выявилось стремление к объединению между собой, но соглашение ещё не достигнуто, благодаря отсутствию инициативы с той и другой стороны*»²⁵.

В докладе также отмечалось, что переход из Церкви в сектантство был сравнительно небольшой и совершался почти исключительно в секту евангелистов. Только эта секта довольно ощутимо увеличилась численно за первую половину 1920-х годов, остальные либо остались на прежнем уровне, либо даже уменьшились. Все секты, кроме старообрядцев, вели агитацию против Православной церкви, особенно евангелисты. В Псковской губернии действовали три сектантские трудовые артели, в частности, в селе Царево Калининской волости Великолукского уезда работала сельскохозяйственная артель пятидесятников, насчитывавшая около 40 человек. Учреждений благотворительного характера у сект не имелось. Деятельность сект в области филантропии сводилась к ока-

занию помощи нуждающимся сектантам путём сбора пожертвований в своей среде. В редких случаях средства для оказания помощи нуждающимся сектантам, главным образом одежда, поступали от центральных сектантских органов. Пропаганда велась главным образом среди своих членов, но проводилась также среди окружающего населения. «*Ведётся она хождением среди населения и приглашением на молитвенные собрания. Евангелистские общины имеют также сильную связь со своими центрами (ВСЕХ), откуда систематически приезжают их проповедники. От диспутов с безбожниками уклоняются*». Отказов идти в армию были отдельные единичные

²⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 9. Оп. 1. Д. 248. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 7 об.

случаи. Тем не менее антимилитаристская и антигосударственная агитация велась довольно в широком масштабе евангелистами, баптистами и адвентистами, *«но так как открытая агитация подобного характера сопряжена с некоторым риском, сектанты обычно маскируют её, облекая в форму строго христианской евангельской пропаганды»*. Большого успеха среди населения, как утверждалось в докладе, такая пропаганда не имела²⁶.

Литература распространялась почти исключительно евангелистами и баптистами. Наибольшей популярностью пользовался издаваемый евангелистами в Ленинграде журнал «Христианин». Распространяемая евангелистами литература носила главным образом агитационный характер, поступала преимущественно из центра. Заграничная литература проникала слабо, получали её лишь отдельные лица, имевшие за границей родственников или знакомых, ко-

торые и высылали им эти издания. Местная литература состояла из рукописных брошюр и не была популярна. Размеры получаемых изданий были незначительны, поэтому большая её часть оставалась у самих сектантов и лишь меньшая часть распространялась среди остального населения. В завершении доклада отмечалось: *«Социальная работа среди молодежи почти не ведётся. Евангелисты при Псковской общине организовали кружок христианской молодежи. Наиболее активную агитацию против атеизма РКП и РКСМ ведут евангелисты и баптисты, главным образом в проповедях, своих открытых собраниях. На школу сектантство никакого влияния не оказывает. Ранее было несколько случаев, когда преподаватели-сектанты пытались прививать детям сектантские вероучения, но они были все отстранены от занимаемых должностей»*²⁷.

В том же докладе речь шла и о Новгородской губернии. Всего по губернии насчитывалось шесть сект, членами которых был 731 человек. Евангельские христиане имели по губернии три общины со 178 членами. Одна из них действовала в Новгороде и его окрестностях, *«в данной общине состав членов по социальному положению мещанско-обывательский и мелкие торговцы»*. Вторая община

²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 248. Л. 8–8 об.

²⁷ Там же. Л. 9.

находилась в Старорусском уезде и третья — в районе Валдайского уезда и Бологое, обе состояли преимущественно из крестьян. Как отмечалось в докладе, *«данная секта имеет своих проповедников, посылает их в те местности, где нет их организаций, с целью вербовки в свою среду членов; несмотря на их старания, в течение года в губернии не возникло ни одной новой общины, но всё же их работа имеет влияние на крестьянство и во многих уездах встречаются их последователи, хотя и одиночками, но они есть»*²⁸. Баптисты имели в губернии восемь отделений с 404 членами. Пять отделений общины действовали в Новгородском, Валдайском и Старорусском уездах и ещё три — в Боровичском, Демянском и Маловишерском, включая станцию Чудово. *«Эти секты объединяют вокруг себя крестьянство и на 40 % рабочих и служащих. Со стороны сектантов замечается антисоветская пропаганда среди крестьянства, на почве воинской повинности и школы. Секта развивает свою работу среди молодежи колонистов, организуя нелегальные кружки таковой, но принимаемыми мерами это в корне пресекается»*. В Новгороде также имелась одна община адвентистов в количестве 50 членов и более 20 методистов²⁹.

Интересно отметить, что если в Новгородской губернии, как и в Псковской, сектантство не имело широкого распространения среди эстонских поселен-

цев, то в латышских колониях оно было весьма популярно. В приведённом выше докладе по полномочному представительству ОГПУ отмечалось, что в Новгородской губернии секта баптистов имела особый успех среди колонистов-латышей³⁰. Также в докладе Северо-западного бюро ВКП(б) об обследовании обстановки и о состоянии работы среди латышского населения Новгородской губернии, датированном мартом 1927 года, говорилось, что латыши составляют 60 % членов 32 религиозных обществ, действовавших по губернии среди национальных меньшинств³¹. Позднее в том же году в материалах того же бюро о «латышской работе» было записано: *«Зажиточная часть крестьянства хорошо организована между собой посредством или под ширмой религиозных обществ и сект. У них сильное стремление руководить, а часто и руководят и руководили общественным мнением колоний. Под их влиянием часто находятся не только часть середняков и менее сознательная часть бедняков. Руководители зажиточных используют религиозные общества и секты в своих интересах. "Воспитательная" работа поставлена у них очень хорошо. Одурманенное религиозным фанатизмом население легко поддается воздействию своих "идейных" руководителей, которые интересуются не одной религией, но и политикой. То доказали последние перевыборы. "Инструкторы", разъезжающие по колониям, проповедуют не одно*

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 248. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 27–28.

³⁰ Там же. Д. 248.

³¹ Там же. Д. 1412. Л. 60.

"святое слово", но и распространяют всякие слухи, компрометирующие коммунистов и советскую власть»³².

В 1930-е годы, когда власть приняла тотальное наступление на религию, свободноцерковное движение

было почти полностью разгромлено. Его относительное возрождение началось только в 1940-е, на волне некоторого смягчения в условиях войны отношения государства к религии и Церкви.

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 248. С. 102.

-
- Буткевич Т.И. Протестантизм в России (из лекций по церковному праву). Харьков, 1913.
 Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков, с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг., 1915.
 Красилов П.А. На церковном фронте (1918—1923). М., 1923.
 Лукачевский А. Сектантство прежде и теперь. М., 1925.
 Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб., 1997.
 Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905—1991 гг. СПб., 2008.
 Одинцов М.И. Государство и церковь в России XX в. М., 1994.
 Проханов И.С. В котле России. 1869—1933. М., 1997.
 Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867—1917). СПб., 1999.
 Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917—1967). СПб., 2001.

Татьяна Корешкова
НОВГОРОДСКИЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СЪЕЗД
1869—1871 ГОДОВ

Новгородское земство, образованное по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года, первым начало работу в России в марте 1865 года. Именно Новгородское земство стало во главе земского движения в стране благодаря искреннему сочувствию либеральным реформам Александра II и своим лидерам: председателю губернской земской управы Николаю Александровичу Качалову, теоретiku самоуправления князю Александру Илларионовичу Васильчикову, петербургскому генерал-губернатору светлейшему князю Александру Аркадьевичу Суворову и другим. Среди огромного объёма накопившихся за десятилетия острейших социально-экономических проблем в губернии земство постепенно вычленило главную — изучение и улучшение сельского хозяйства. Вниманию читателей предлагается статья, посвящённая первым шагам Новгородского земства в этом направлении.

После отмены крепостного права «сельское <...> хозяйство было предоставлено самому себе как бы в расчёте на то, что оно, как исконное занятие страны, могло развиваться в противовес нарождающейся промышленности, не требуя помощи со стороны, опираясь на испытанные веками приемы»¹. Министерство государственных имуществ акцентировало внимание только на поддержке быстро разорявшегося помещичьего землевладения и стремилось «сделать сельских хозяев ближайшими сотрудниками и исполнителями правительственных мероприятий». Значительная роль в этом деле отводилась обществам сельского хозяйства и земствам, получившим

право устраивать съезды сельских хозяев за счёт собственных средств. Первоначально такие меры предпринимались с разрешения императора, а после издания Высочайшего повеления 1866 года «О сельскохозяйственных съездах» — по согласованию министров государственных имуществ и внутренних дел с губернаторами. Съезды разрешались при условии, что «о результатах совещаний на оных было сообщается в Министерство государственных имуществ»². На рубеже 1860—1870-х годов съезды были крайне редким явлением. Число их возрастало до 1880-х годов, затем стало уменьшаться из-за охлаждения к ним самих сельских хозяев и быстрого развития деятельности обществ сельского хозяйства³.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВЪ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ВТОРАГО.

1864.

Январь.

40457. — Января 1. Высочайше утвержденное Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (*).

Именной указъ, данный Правительствующему Сенату 1 Января 1864 года, распубликованный 8-го того же Января. — Призвать за благо призвать къ ближайшему участию въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ польвъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе, посред-

ствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, Мы повелѣли Министру Внутреннихъ Дѣлъ составить, на указанныхъ Намъ началахъ, проекты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ, для завѣдыванія упомянутыми дѣлами, учреждений. **40457**

Составленные на семь основаній и разсмотрѣнные въ Государственномъ Совѣтѣ проекты: Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и временныхъ для нихъ Правиль по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, народномъ продовольствіи и общественномъ призрѣніи, Мы находимъ соответствующими Нашимъ намѣреніямъ и, вслѣдствіе того, утвердивъ ихъ и препровождая при семъ въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ:

1. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и временныя Правила для сихъ учреждений ввести нынѣ же въ дѣйствіе въ губерніяхъ: Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, С.-Петербургской, Са-

(*). Положеніе это распубликовано при указѣ Сената, 8 Января 1864 года, слѣдующаго содержанія: «Правительствующій Сенатъ слушавъ представленныя при рапортѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 3-го сего Января: I) Именной Высочайшій Его Императорскаго Величества указъ, данный Правительствующему Сенату въ 1-й день Января сего года, о введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ: а) Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и б) Временныхъ Правиль для сихъ учреждений по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, народномъ продовольствіи и общественномъ призрѣніи (40458); и II) Высочайшее повелѣніе, объ исполненіи послѣдовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія по сему же предмету (40459). Приказали: напечатать потребное число экземпляровъ означенныхъ: Именнаго Высочайшаго указа, съ слѣдующими къ оному приложеніями, и Высочайше утверждѣннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, разослать оныя (куда слѣдуетъ) при указахъ, для свѣдѣнія и должнаго, въ чемъ до кого касаться можетъ, исполненія.

Тошъ XXXIX.

1

Новгородское земство, по словам представителя охранительного направления, публициста и издателя газеты-журнала «Гражданин» князя Владимира Петровича Мещерского, приступило к работе в условиях «жалкого экономического состояния губернии и ее народонаселения», где *«крестьянское хозяйство, повсеместно разоренное неурожаем, а в других местах и сибирской язвой, едва приносит <...> семена для будущего посева и прокармливает его не более двух-трех месяцев»*, а *«помещичье хозяйство оплачивает лишь свои расходы и поземельные платежи»*⁴. «Вестник Европы» писал в 1868 году: *«В Новгородской губернии усадьбы землевладельцев почти все закрыты; часть действующих усадеб значительно уменьшили скот и размер посевов, а большинство землевладельцев, понуждаемое нуждой, уничтожило скот и без удобрения отдает "из снопа" свои поля до выпашки, через что получает некоторый доход <...>. Поля эти с каждым годом истощаются и скоро наступит время, когда они не будут давать никакого урожая <...>; единственный доход, получаемый от земель — это доход от продажи огульно, на сруб, лесных произведений; при общем безденежье предложение лесных произведений далеко превышает требование и потому цены на эти произведения значительно упали...»*⁵.

Новгородская губернская земская управа с первых лет деятельности работала над вопросом по преобразованию и развитию сельского хозяйства, при этом отмечала «исключительную сложность» и необходимость проведения предварительных исследований⁶. Изда-

ние Высочайшего повеления 1866 года «О сельскохозяйственных съездах» подтолкнуло земство к действию. Когда в 1868 году губернский гласный и Крестецкий уездный предводитель дворянства Александр Александрович Татищев предложил учредить Новгородский сельскохозяйственный съезд, Губернское земское собрание, где дворяне-помещики составляли 70,6% общего числа гласных (36 человек из 51)⁷, сразу признало это «крайне полезным», поручило управе составить проект устава съезда, представить его «на утверждение начальства» и ассигновать 500 рублей на расходы из земского экономического капитала⁸. Организация съезда легла на плечи губернской земской управы в составе председателя Ивана Яковлевича Савича и членов Павла Павловича Храповицкого, Николая Ивановича Балкашина и Якова Ивановича Журавлёва.

Разработанное «Положение о сельскохозяйственном съезде Новгородской губернии» состояло из трёх глав, 18 параграфов и формулировало цели съезда следующим образом: *«содействовать разрешению сельскохозяйственных вопросов, возникающих в земских учреждениях губернии и земским исследованиям, <...> отыскивать меры, могущие возвысить экономическое положение населения <...>, выработывать и распространять сельскохозяйственные сведения, содействующие местному сельскому населению к усовершенствованию их хозяйств»* (§ 1).

Помимо земских гласных и губернских, и уездных, которые являлись действительными членами съезда, в его состав входили все землевладельцы губернии, получавшие это звание только при одобрении

губернской управой (§ 2, 3). Заседания проходили в период декабрьских сессий губернского земского собрания в свободные от заседаний воскресные и праздничные дни. Председатель и секретарь съезда избирались из числа его членов тайным голосованием (§ 4—6). В обязанности председателя входило формирование порядка докладов, наблюдение за ходом прений, исполнением устава, соблюдение «круга предназначенных для съезда дел». Съезд принимал «правила внешнего порядка заседаний» (§ 7), секретарь вёл делопроизводство — составлял протоколы (§ 8, 9).

О времени открытия заседаний съезда губернская земская управа обязывалась сообщать в периодических изданиях. Она же подготавливала доклады для первоочередного рассмотрения (§ 10, 11), передавала решения съезда для доклада губернскому собранию (§ 12, 13), публиковала все протоколы, заявления и мнения, одобренные большинством съезда *«без всяких изменений во всеобщее сведение с приложением всех докладов и особых мнений»* (§ 14, 16). Кроме того, для чтения популярных лекций приглашала специалистов сельского хозяйства (§ 15), а также финансировало съезд и заслушивало управу о результатах заседаний и расходовании денег (§ 17, 18)⁹.

«Практический уклон», то есть возможность применения тех или иных мер на деле, который должны были иметь предложения управы, утверждение принципа публикации всех материалов съезда (по мнению управы, они могли бы оказаться нужными «не в данное время, а позже, не губернским, а уездным земствам»¹⁰), а также приглашение к участию в заседаниях всех желающих

подчеркивали как дальновидность и демократичность организаторов, так и особую сложность самой проблематики.

«Положение о сельскохозяйственном съезде Новгородской губернии» было утверждено министром внутренних дел Александром Егоровичем Тимашевым в октябре 1869 года и в дальнейшем именовалось «Уставом». Почётным председателем съезда стал великий князь Николай Николаевич Старший.

В первый же день открытия очередной сессии губернского земского собрания 4 декабря 1869 года управа представила доклад «О сельскохозяйственном съезде в Новгороде, созванном на 6-е и по 9-е декабря сего 1869 года», в котором перед съездом ставились две задачи. Первая — определение основных направлений занятий съезда в соответствии с «местными потребностям данного времени», денежными средствами земства, наличием и возможностями исполнителей. Вторая задача состояла в разработке ежегодных программ исследований сельского хозяйства, выполнение которых съезд должен был курировать и давать свои заключения о результатах. Управа предлагала отложить начатые земством в 1866 году изыскания минеральных богатств губернии и сосредоточиться только на изучении сельского хозяйства и причин обеднения крестьянского населения. Собрание приняло позицию управы и поручило ей начать «составление программ для описания отдельных производств»¹¹.

Сельскохозяйственный съезд начал работу с рассмотрения трёх специальных докладов губернской земской управы. Первый — «Вопрос о доставлении

хозяевам семян лучших сортов хлебов». В основу его легла записка местного помещика, отставного подпоручика Генерального Штаба, помощника председателя Губернского статкомитета Петра Ильича Буяльского. Из доклада следовало, что 80 % высококачественных семян поступали на российский рынок из-за границы и продавались *«по почти недоступным ценам»*. Автор считал выгодным выращивание таких семян в плодородных районах Новгородской губернии и предлагал продавать их на местах производства при посредничестве земства. Во втором докладе, под названием «Вопрос об устройстве сельскохозяйственного отдела в земском музее», предлагалось собрать коллекцию кустарных изделий, земледельческих орудий, построек и сооружений, которые использовались в хозяйственной жизни населения.

Наиболее существенным, на наш взгляд, был третий доклад — «Вопрос по производству исследований Новгородской губернии в сельскохозяйственном отношении в 1870 году». Он был нацелен на выявление общей картины существовавших производств, приёмов ведения хозяйства и тех нужд, *«которые могут быть удовлетворяемы мерами, принимаемыми земством и правительством»* для развития губернии. Назывались два способа проведения исследований: *«посредством составления программ и исполнения их желающими за свой счет или посредством приглашения специалистов <...> с вознаграждением этих лиц вперед обусловленной платой»*. Управа предлагала начать изучение самой распространённой мест-

ной зерновой культуры — овса — едва ли не единственного продукта, который вывозился за пределы губернии. Соответствующая программа состояла из 17 больших разделов, включавших изучение влияния на качество зерна атмосферных явлений, видов вспашки, места и время посевов. В программе предусматривались разделы о сборе образцов семян и растений различных сортов, выяснении *«количества семян, употребляемых для посева на одну десятину в различных местностях и при различных условиях»*, вариантах уборки и просушки урожая и другие¹².

Съезд дал согласие на открытие сельскохозяйственного отдела в земском музее и на изучение «производства овса» и призвал местных хозяев не к выращиванию лучших сортов семян, как рекомендовал П.И. Буяльский, а лишь к закупке *«с целью распространения их в губернии»*, причём просил земство стать посредником между производителями и покупателями¹³.

Далее съезд принял Устав и в течение нескольких дней участвовал в *«беседах о скотоводстве»*, которые проводил известный агроном и зоотехник профессор Алексей Михайлович Бажанов, приглашённый земством. Вопрос о подъёме отечественного скотоводства тогда уже обсуждался крупными сельскохозяйственными обществами, земскими учреждениями, прессой. Несмотря на широко распространённое представление о невыгодности скотоводства в России¹⁴, опыты одного из основателей Общества сельского хозяйства Николая Николаевича Муравьёва по повышению удойности коров за счёт более качественного

кормления и содержания, и сыроваренные артели основателя русского сыро- и маслоделания Николая Васильевича Верещагина давали надежду на улучшение этой отрасли. Для Новгородской губернии эта тема была особенно важна. Полеводство на её скудных землях требовало внесения большого количества минеральных удобрений. Но из-за резкой диспропорции между пашенными и сенокосно-пастбищными угодьями, когда вместо обязательного двойного превышения площади сенокосов над площадью пашни, размеры первых оказывались в 4,3 раза меньше размеров пашни¹⁵, местный скот был очень слабым и малопродуктивным. К этому добавлялись частые эпизоотии, возникавшие при перегонке гуртов скота из южных районов страны в Петербург. Действенным средством его улучшения А.М. Бажанов считал расширение кормовой базы за счёт осушения болот. Съезд постановил *«сделать изыскания о таких болотах, осушение которых оказывалось бы более удобным и выгодным, с тем, чтобы предложить частным предпринимателям само исполнение осушения болот»* за счёт губернского земства.

На заседании 17 декабря 1869 года земское собрание отложило изучение «минеральных богатств» в губернии и одобрило постановления сельскохозяйственного съезда. Помимо этого, поручило управе разработать вопрос по осушению болот «силами предпринимателей», на что было выделено 1000 рублей и рекомендовало уездным земствам *«оказать содействие сельским хозяевам по производству лучших семян хлебов»*

за счёт средств губернского земства. В то же время наиболее важные идеи о специальном исследовании сельского хозяйства и реализации «Программы исследований производств овса» приняты не были¹⁶.

Заседание Губернского земского собрания декабрьской сессии 1870 года началось с заслушивания «Общего доклада губернской земской управы», где, как обычно, подводились итоги работы земских учреждений за год. Новый состав управы во главе с Николаем Николаевичем Фирсовым, на наш взгляд, излишне высоко оценил результаты первого сельскохозяйственного съезда, указав, что он разработал *«главнейшие вопросы, относившиеся до насущных потребностей края»*, такие как скотоводство, распространение посевов овса, осушение болот и другие. Управа впервые назвала ведущей отраслью местного хозяйства не полеводство, а скотоводство, причём видела в нём *«не только основу, но даже жизненную силу земледелия на севере»* и отмечала: *«Зерном, собственно, север России никогда не разживется. Скотоводство же вполне к нему применимо»*. Болота назывались *«покуда мертвым, но обильным источником средств для развития скотоводства»* земледелия и производства молочных продуктов. Губернская земская управа считала разработку лядин — заброшенных, заросших лесом пустошей, как вполне пригодное, но *«временное средство к поднятию хозяйства в такой лесной губернии, как Новгородская»*. При этом подчёркивалось, что *«лядина родит хлеб несравненно обильнее скудно удобренного и плохо возделанного крестьянского поля»*¹⁷.

Управа предлагала передать крестьянам за определённую плату часть лядинных участков — 790 956 десятин земли в Новгородской губернии, принадлежавших казне, и выразила готовность начать сбор образцов высевавшихся здесь семян овса и хлебных растений. Кроме того, она нашла технолога и заказала инструменты для осушения болот способом бурения, получила согласие министра государственных имуществ на заказ за границей на деньги Министерства моделей некоторых земледельческих машин и орудий для сельскохозяйственного отдела земского музея¹⁸.

Представим себе, с каким вниманием выслушивались доклады губернской земской управы и выступления членов съезда, ведь эта тематика никогда ранее открыто не обсуждалась. Н.Н. Фирсов вспоминал о заседании съезда, скорее всего, 1870 года: *«В Новгороде во время очередных губернских собраний (декабрьских) собирались иногда и съезды местного общества сельского хозяйства <...>. Личный состав съездов почти не отличался от соответственных земских или даже дворянских собраний. Однако в данном случае на съезд собралось около сотни членов и много посторонней публики. Я был тогда председателем губернской земской управы и от ее лица докладывал сообщение сельскохозяйственному съезду о полезности осушения необъятных болот нашей губернии, носителей всяких бедствий, и о проекте управы произвести опыт подпочвенного бурения способом, по всем соображениям, дешевле и наиболее целесообразным. Прения были оживленные и привели к довольно восторженному одобрению управского проекта»*¹⁹.

Съезд 1870 года рассмотрел предложение управы об учреждении его постоянного отдела (бюро), избираемого на год из двух членов съезда и одного от земской управы для подготовки заседаний. По мнению управы, *«без существования постоянного бюро съезда дела не могут идти успешно, т. к. нельзя ожидать ни последовательности действий, ни надлежащей разработки вопросов»*. 18 декабря 1870 года Губернское земское собрание проголосовало за включение в Устав съезда статьи о постоянном отделе и определило его обязанности: *«1) принятие и группирование предложений как сделанных во время самого съезда, так и могущих поступить в течение года; 2) сношение с обществами или*

лицами, могущими разрешить вопросы, предложенные съездом; 3) подготовка заявлений и предложений, поступающих в течение года к докладу съезда»²⁰. Членами отдела на первое время были избраны В.В. Трувеллер и П.И. Буяльский.

Живой отклик присутствовавших вызвали выступления членов съезда. Некоторые из них, после сообщения помещика Крестецкого уезда Николая Андреевича Завалишина о преимуществах уборки хлеба изобретённой им косой, купили эти изделия, намереваясь проверить их на практике и потом сообщить о результатах. При обсуждении способов удешевления просушки зерна некто «г. Рюмин» обязался представить следующему съезду вариант устройства наиболее «удовлетворительной риги». Сообщение губернского и старорусского уездного земского гласного князя А.И. Васильчикова об удобрении полей костяной мукой вызвало желание П.И. Буяльского, А.П. Рыкачева, Д.О. и Н.А. Завалишиных, В.В. Трувеллера поставить аналогичные опыты в своих имениях. Был поставлен вопрос «о пользе курского фосфорита как удобрительного средства, могущего повысить урожай». Новгородский уездный гласный Александр Яковлевич Стобеус поднял тему о прессовании сена, но её обсуждение было перенесено²¹.

Губернское земское собрание декабря 1870 года положительно оценило работу завершившегося съезда и впервые приступило к реализации некоторых его предложений. Так, собрание обратилось с просьбой к П.И. Буяльскому и В.В. Трувеллеру «взять на себя труд рассмотреть записки, доставленные

съезду <...> по лядинному хозяйству и сделать по этому вопросу доклад съезду», ассигновало 148 рублей для закупки на Уколовском заводе Курской губернии 302 пудов фосфоритных удобрений по заказам частных лиц. Несмотря на замечания некоторых гласных, собрание признало распространение семян улучшенных сортов «мерой полезной». На эти цели было выделено Боровичскому и Белозерскому земствам по их просьбе, соответственно, 300 и 500 рублей сроком на три года с уплатой 5 % годовых и открыт кредит в 1000 рублей для выдачи семян другим уездным собраниям. Управа закупила семена огородных растений для распродажи их населению нескольких уездов и розовый картофель для крестьян Новгородского уезда «в раз- мере 200 четвертей»²².

«Общий доклад губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1 декабря 1871 года» вернул съезд к вопросу о развитии скотоводства. Считаю, что «для нашего северного края скотоводство гораздо важнее зерноводства», что без скотоводства земледелие «положительно невысказимо», управа полагала «не только полезным, но и действительно необходимым, чтобы съезд сельских хозяев занялся рассмотрением тех вопросов, которые касаются по преимуществу до развития в губернии скотоводства и до обогащения хозяйств кормовыми средствами»²³.

Заседание сельскохозяйственного съезда 1871 года началось с вопроса о его постоянном отделе (бюро), поскольку постановление собрания предыдущего года было приостановлено министром государственных имуществ

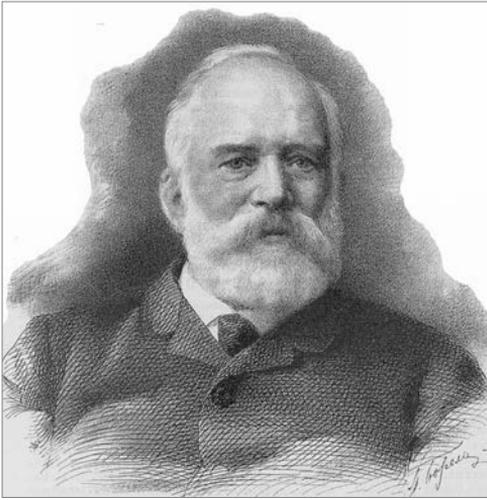
как не соответствующее Высочайшему повелению о деятельности сельскохозяйственных съездов 1866 года. Тем не менее Губернская земская управа считала *«весьма желательным, чтобы возбуждаемые вопросы по сельскому хозяйству были разрабатываемы всесторонне лицами, специально заинтересованными делом»*. Поэтому предложила, ссылаясь на статью 60 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 года, приглашать избранных съездом представителей *«для временных занятий»*, подчёркивая, что они могут *«вполне заменить предполагаемый отдел сельскохозяйственного съезда, и никакого ущерба дело не потерпит»*²⁴.

Из-за неожиданно большого числа заявок на выступления управа была вынуждена разделить программу работы съезда 1871 года на две части. В первую, наряду с повторным обсуждением вопроса об учреждении постоянного отдела (бюро), опытах удобрения костяной мукой и фосфоритом, лядинном хозяйстве были внесены сообщения практического содержания: о результатах уборки хлеба косой Н.А. Завалишина, сушильнях и ригах для хлеба, прессовании сена. Во вторую часть вошли впервые озвученные темы: вопросы, предложенные В.В. Трувеллером и рассмотренные ранее на Боровичском сельскохозяйственном съезде, открытом в 1870 году, которые касались проблем скотоводства — *«О причинах яловости коров»*, приводивших *«к вырождению скота и имевших прямое воздействие на экономическое благосостояние населения»*, и *«О вредном влиянии на стада дурного за ними присмотра во время пастьбы»*.

Впервые, по предложению братьев Тимаевых, внимание съезда было обращено на распространение в Новгородской губернии *«льняной промышленности»*. Первый из братьев представил модель льнотрепальной машины, а второй, зная о существовании примитивных и убыточных способов обработки льна у крестьян, предлагал выписать самопрялки *«из Остзейских губерний по 10 на уезд и пригласить по одной женщине для обучения крестьянок»*. Он намеревался также познакомить съезд со своей программой описания имений, уже рассмотренной Валдайским сельскохозяйственным съездом. Доклад *«О промышленных артелях с сельскохозяйственной стороны и о применении артельного начала к обработке продуктов, доставляемых культурой картофеля и льна»* представил губернский и Новгородский уездный земский гласный Алексей Петрович Рыкачёв, боровичский гласный князь Николай Николаевич Еникеев сделал сообщение *«Об улучшении породы крестьянских лошадей»*²⁵.

Как видим, съезд расширил круг тем, откликнулся на обсуждение кооперативной темы, о которой шла речь на Втором съезде сельских хозяев при Московском обществе сельского хозяйства в декабре 1870 — январе 1871 года²⁶, и заслушал несколько выступлений, касавшихся скотоводства.

По результатам работы съезда 1871 года, Губернское земское собрание приняло несколько постановлений: *«оставить без последствий дело об учреждении постоянного отдела, «уполномочив в то же время губернскую управу, согласно 60 ст. полож., приглашать для временных»*

Николай Александрович Качалов.

С фотографии С. Соловьёва
рисовал П.Ф. Борель

(Всемирная иллюстрация. 1891. Т. 46. № 1191)

занятий по делам съезда отдельных лиц»; утвердить расход на выписку курского фосфорита в сумме 180 рублей 47 копеек; «обратить внимание съезда на разработку вопроса об улучшении пород рогатого скота». Был открыт кредит на 500 рублей на расходы по предстоящему съезду, для публикации протоколов съезда и программы сведений о лядинном хозяйстве и «на приглашение из Псковской или из Остзейской губернии лиц, основательно знающих обработку льна для ознакомления с этой отраслью сельскохозяйственной промышленности»²⁷.

В мае 1872 года начала работать Комиссия для исследования положения сельского хозяйства в России, которую возглавлял министр внутренних дел Пётр Александрович Валуев. Для участия в ней были приглашены предста-

вители Новгородской губернии, видные государственные и общественные деятели, чья жизнь и служба в разные годы были связаны с Новгородской землёй. Это директор Департамента таможенных сборов Н.А. Качалов, президент Императорского вольного экономического общества светлейший князь А.А. Суворов, признанный лидер либерального крыла России князь А.И. Васильчиков, председатель Новгородской губернской земской управы Н.Н. Фирсов, новгородский дворянин, землевладелец Крестецкого уезда Ф.Н. Савич. Все они были гласными Губернского земского собрания и членами Новгородского съезда сельских хозяев и, присутствуя на заседаниях съезда и знакомясь с его протоколами, ясно видели нежелание местного дворянства поддержать Губернскую земскую управу в разработке путей решения до крайности острых проблем, сложившихся в сельском хозяйстве губернии проблем, ставивших население на грань выживания. Представители губернии привлекли внимание Валуевской комиссии к таким важнейшим проблемам, как «общее падение сельского хозяйства», чрезвычайное истощение земель, массовая распродажа помещичьих усадеб, варварское истребление лесов, быстрое заболачивание земель, периодически повторявшиеся падежи скота и лошадей, от которых, по словам Н.А. Качалова, губерния ежегодно теряла «до 500 000 руб., считая ценность только павших животных». Они высказывались о необходимости участия правительственных инстанций в улучшении местной экономики²⁸. Этот вывод в значительной степени дискре-

дитировал установку Министерства государственных имуществ на подъём сельского хозяйства лишь силами провинциального дворянства и делал бесполезной дальнейшую работу Новгородского съезда.

Конфликт внутри считавшейся ранее образцовой Губернской земской управы между директором учительской семинарии Михаилом Иосифовичем Коссинским и председателем управы Н.Н. Фирсовым, вызвавший отказ князя А.И. Васильчикова от звания гласного и отставку Н.Н. Фирсова²⁹, послужил только поводом к закрытию съезда.

Какими были впечатления современников о Новгородском съезде сельских хозяев? Губернатор Эдуард Васильевич Лерхе писал, что съезд затронул *«много разнообразных вопросов, имеющих отношение к сельскому хозяйству»*, труды его *«были встречены сочувственно»*, но *«имели результатом лишь теоретическое обсуждение вопросов»*. Это «хорошее начало» осталось, однако, без дальнейшего развития, поскольку управе не удалось пригласить специалиста *«по предварительной разработке вопросов»*. Планировавшиеся съездом мероприятия *«не оправдывали ожиданий»* или *«от несоответствия указаниям местных условий или от недостатка энергии и желания земских деятелей довести до конца начатое дело»*³⁰. О нехватке лиц, способных к земскому делу, пассивности и непоследовательности руководителей

Новгородского земства говорил и князь А.И. Васильчиков³¹.

Н.Н. Фирсов считал работу съезда *«мало замечательной вообще»*³². О быстром падении интереса к съезду и отсутствии каких-либо результатов его трёхлетней работы сообщалось в докладе губернской земской управы 1878 года³³. Резонно предположить, что эти оценки в определённой степени объяснялись общим настроением дворянства. По словам первого председателя губернской земской управы Н.А. Качалова, после отмены крепостного права *«все помещики были в волнении и в затруднении, как устроить свои хозяйства. Открытие земства большинством было принято как способ к устройству своих дел»*, дворянство ожидало от земства немедленных результатов, *«великих и богатых милостей»*³⁴. Так и члены Новгородского съезда ограничились рассказами о своём опыте ведения хозяйства и получением от земства некоторых средств на закупку семян и удобрений.

При чрезвычайной сложности аграрных отношений после отмены крепостного права, не разработанности аграрной политики Министерства государственных имуществ и полного отсутствия опыта земских учреждений России в хозяйственно-экономической области Новгородский съезд сельских хозяев стал одной из первых организацией, нацеленной на выявление и рассмотрение проблем местного хозяйства.

- ¹ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912) / Г.К. Гинс, А.П. Шафранов. Пг., 1914. С. 217.
- ² ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 50. Л. 146 об.
- ³ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881—1894 гг. СПб., 1901. С. 65–66.
- ⁴ Мещерский В.П. Очерки нынешней общественной жизни в России. Вып. I. СПб. 1868. С. 416.
- ⁵ Колюпанов Н. Три первые года Новгородского земства // Вестник Европы. 1868. № 2. С. 829.
- ⁶ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 50. Л. 35.
- ⁷ Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 года. М., 1968. С. 167. Прил. 2.
- ⁸ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 50. Л. 35, 38, 146.
- ⁹ Там же. Л. 148–149 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 150, 152–152 об.
- ¹¹ Там же. Л. 33 об.–38 об.
- ¹² Там же. Л. 40–46, 47–50 об., 51–55.
- ¹³ Там же. Л. 153 об.–154.
- ¹⁴ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912 гг.) / Г.К. Гинс, А.П. Шафранов. Пг., 1914. С. 293.
- ¹⁵ Бобович И.М. Сельскохозяйственное производство и промыслы // История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994. С. 246; Статистические сведения по Новгородской губернии. Новгород, 1866. С. 6.
- ¹⁶ Сборник постановлений Новгородского губернского земского собрания: С 1865 по 1877 год. Новгород, 1878. С. 518. (далее: Сб. постановлений... С 1865 по 1877 год).
- ¹⁷ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 57. Л. 13 об.
- ¹⁸ Новгородские губернские ведомости. 1871. № 4. С. 5.
- ¹⁹ Фирсов Н.Н. (Л. Рускин). Силуэты времени реформ (Воспоминания шестидесятника) // Исторический вестник. 1910. Т. СХІХ. С. 94.
- ²⁰ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2391. Л. 5; Д. 70. Л. 83.
- ²¹ Сб. постановлений... С 1865 по 1877 год. С. 518; ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 70. Л. 84.
- ²² ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 70. Л. 83; Д. 63. Л. 37; Сб. постановлений... С 1865 по 1877 год. С. 519.
- ²³ Там же. Д. 63. Л. 14.
- ²⁴ Там же. Д. 70. Л. 83 об.
- ²⁵ Там же. Л. 84–84 об.
- ²⁶ Куренышев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818—1926). М., 2012. С. 33–38.
- ²⁷ Сб. постановлений... С 1865 по 1877 год. С. 521.
- ²⁸ Доклад высочайше утвержденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Приложение VI. Ч. I. С. 120, 189–192, 196–197, 268; Ч. II. С. 33, 34.
- ²⁹ Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. Т. 4. СПб., 1911. С. 608–611.
- ³⁰ Обзор Новгородской губернии за 1878 год. [Новгород. 1879]. С. 3–5.
- ³¹ Русская старина. 1894. Т. 82. С. 192.
- ³² Фирсов Н.Н. (Л. Рускин). Указ. соч. С. 94.
- ³³ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2391. Л. 5–5 об.
- ³⁴ Качалов Н.А. Записки тайного советника. М., 2012. С. 377.

Наталья Морылёва

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Николай Николаевич Фирсов — это имя знакомо многим историкам, занимающимся изучением новгородского земства. Его публикация «Силуэты времени реформ», написанная в Неаполе в 1910 году и изданная с подзаголовком «Воспоминания шестидесятника», давно уже введена в научный оборот как ценный нарративный источник. Но я не историк, а библиотекарь, и моё знакомство с Фирсовым началось с изучения, довольно полно представленного в редком фонде библиотеки Новгородского государственного университета Суворинского «Исторического вестника», на предмет выявления на его страницах публикаций по Новгородике. Указатель книг и публикаций в журналах «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» позволил мне найти несколько публикаций Николая Николаевича и среди них уже упоминаемую работу, которая была впервые опубликована под псевдонимом Л. Рускин в «Историческом вестнике» в 1910 году. Воспоминания содержат много факти-

ческого материала по истории новгородского земства первого десятилетия его существования. Рисуют портреты наиболее ярких деятелей той эпохи: новгородских губернаторов В.Я. Скарятина и Э.В. Лерхе; гласных губернского земского собрания князя А.А. Суворова, А.Н. Струговщикова и князя А.И. Васильчикова; первого председателя Новгородской губернской земской управы Н.А. Качалова, а либерал П.П. Косаговский и консерватор А.А. Татищев выступают как представители двух противоборствующих направлений среди гласных губернского собрания. С интересом ознакомившись с текстом, я увидела автора, который ярко и точно, всего несколькими штрихами смог нарисовать портрет человека с его «особенкой», положительными и отрицательными чертами характера. Автора, сумевшего, за лежащими на поверхности причинами тех или иных поступков и дел его героев, показать и скрытые от широкой публики тайные пружины, которые привели к описываемым событиям. Всё это говорило о том, что сам Фирсов был

Николай Николаевич
Фирсов

не просто сторонним наблюдателем, а находился в центре происходящего и был активным участником событий. Однако он выступил очень скромным повествователем и сведения о себе самом дал в минимальном количестве.

Первая авторская сноска в тексте воспоминаний содержит такие слова: *«Просим читателей извинить, если, паче чаяния, в работу вкрадутся мелкие ошибки... то, что мы описываем, происходило полвека назад, и у нас под руками нет материалов... для справок»*, как свидетельство того, что в 1910 году Н.Н. Фирсов был в добром здравии и активно работал.

Родился Фирсов в 1839 году в Петербурге в дворянской семье¹. Дед его по материнской линии А.Г. Яковлев и отец Н.П. Фирсов имели обширные имения по всей Вологодской губернии. Фирсов писал: *«Я провел значительную часть молодости на северной России; ездил ни мало по Вологодской губернии, вводя уставные грамоты в разбросанные по ней оброчные имения моего деда»* [17, с. 496]. Одно из таких владений в Белозерском уезде Новгородской губернии дед подарил Н.Н. Фирсову в 1861 году². Фирсовы были записаны во вторую часть «Списка дворянских родов, внесённых в Родословную книгу Дворянского Депутатского собрания Вологодской губернии», куда вносилось военное дворянство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1852 году, когда Николаю было 13 лет, он пошёл по стопам отца и поступил в приготовительный пансион барона К.К. Клодта, где проходил подготовку к поступлению в Михайловское артиллерийское училище [17, с. 97].

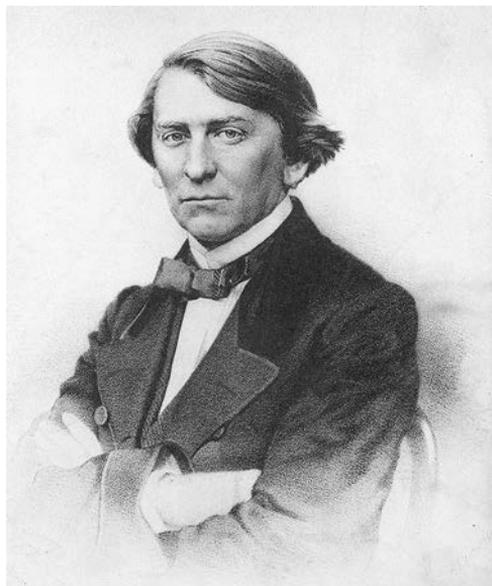
В воспоминаниях об этом периоде своей жизни с 1853 по 1859 годы Н.Н. Фирсов описал взаимоотношения и быт юнкеров, посещение Николаем I училища, а самое главное — рассказал о своих преподавателях, которые оказали огромное влияние на формирование его личности [16, с. 565–581; 18, с. 43–63].

Многим своим публикациям: «Первый земский съезд», «В редакции журнала "Русское слово"», «Трагический конец благого начинания» и некоторым другим, Н.Н. Фирсов дал подзаголовок

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН) РО. Ф. 377. (Автобиография). Оп. 7. Д. 3705. Л. 9.

² Там же. Л. 11.

«Воспоминания шестидесятника». Слово это осталось в сознании людей, получавших образование в советское время, как символическое обозначение социального типа людей, принадлежащих к движениям русской интеллигенции, видевшей возможность государственных преобразований в России революционным путём. Под понятие «шестидесятники» подходят и революционеры-народники, и нигилисты, и члены «Земли и воли», последователи идей Н.Г. Чернышевского. И вот что удивительно: со многими яркими представителями этих политических направлений Фирсов находился в дружеских, близких, творческих отношениях, многие оказали влияние на формирование его личности, но, тем не менее, его политические взгляды и направление всей его деятельности развивались совсем на иных принципах. Фирсов был земским либералом и считал себя сторонником медленного, эволюционного развития путём реформирования государства и привлечения земства к законосовещательной деятельности. Целью либерального крыла земства, которое разделял Фирсов, было движение по пути создания представительных учреждений от местных органов самоуправления и допущение их до государственных дел [19, с. 61–63]. Причём реформы эти не затрагивали основ самодержавия, а направлены были на постепенное реформирование его в конституционную монархию, создание в России гражданского общества и правового государства. В своих воспоминаниях о первом Земском съезде, который проходил в Москве в 1871 году, Фирсов замечал: «...имело основание по-

Алексей Николаевич
Плещеев

лагать, что известная хозяйственная автономия постепенно разовьется в государственно-представительное правление и что таково желание царя. В то время в высших бюрократических сферах имели это в виду» [20, с. 442]. Также он писал: «Я, как и множество моих однолеток, глубоко верил в благотворность реформ нового царствования, радовался иметь возможность по силам и разуму содействовать скорейшему их осуществлению, хотя бы в микроскопическом уголке родины» [6, с. 75].

Фирсов вспоминал: «Я Федора Михайловича [Достоевского] встречал часто у А.Н. Плещеева, с которым был знаком не профессионально, а с раннего детства, потому что младший брат моего отца был его университетским товарищем и приятелем» [15, с. 897].

Дмитрий Иванович
Писарев

Именно поэт-петрашевец Александр Николаевич Плещеев сыграл большую роль в судьбе юноши Фирсова. Часто посещая дом Фирсовых, Плещеев поддерживал увлечение Николая литературой и поэзией. В конце 1858 — начале 1859 года Фирсов вышел из Михайловского училища и стал слушать лекции в Михайловской военной артиллерийской академии, и параллельно начал публиковать свои очерки о русских писателях и повести в журнале «Рас-

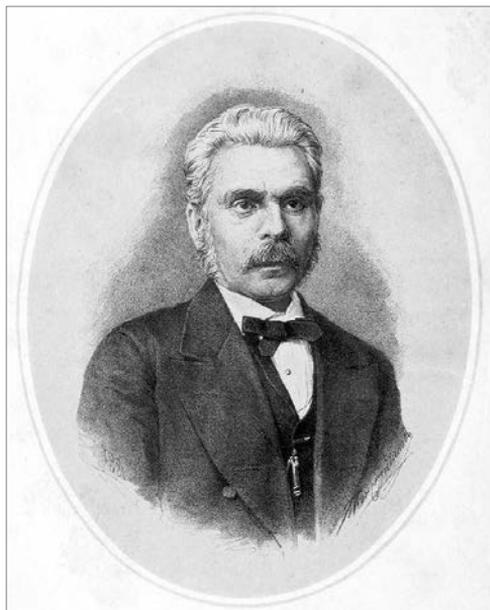
свет», а с 1861 стал редактором этого издания совместно с В.А. Кремпиным. Именно эти три года — период интенсивных литературных занятий и важных встреч — запечатлелись в памяти Фирсова и определили дальнейшее развитие его творчества. В редакции «Рассвета» он сотрудничал с Д.И. Писаревым, ведущим библиографический раздел журнала³. Писарев занимал особое место в русском радикализме, выступив в журнале «Русское слово» за устранение всех препятствий, стоявших на пути человеческой индивидуальности, будь то бытовые и семейные устои, традиции, религия или авторитеты⁴.

Фирсов слушал в Петербурге философско-исторические лекции профессора математики Михайловской артиллерийской академии Петра Лавровича Лаврова — ещё одного из представителей «шестидесятников», разработавшего теоретические основы пропагандистского течения революционного народничества. Фирсов оставил воспоминания о встречах с этим известным публицистом и философом в Лондоне в 1874 и Париже в 1880 году, описывая в большей степени человеческие качества и перипетии нелёгкой судьбы Лаврова, почти не уделяя внимания его политическим взглядам [17, с. 494–540]. Кроме «Рассвета», Фирсов сотрудничал в редакциях журналов «Современник»

³ ИРЛИ РАН РО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3705. Л. 9–10.

⁴ Сторонники Д.И. Писарева получили название нигилистов (от лат. *nihil* — ничего) не только за отрицание искусства и философии во имя естественных наук, приносящих конкретную пользу, но и за отрицание всего, что составляло самую суть, ценность прежней цивилизации. Не отвлечённые идеалы, а «разумный эгоизм», соображения взаимной выгоды лежали, по их мнению, в основе человеческих отношений. Кстати, мать и сёстры Писарева в середине 1860-х годов жили в Новгороде.

и «Русское слово». Эти два издания были «властителями дум» молодёжи второй половины XIX века, занимались формированием общественной и революционной мысли, воспитывая молодое поколение, часто в духе радикализма⁵. Здесь Фирсов печатал свои первые юношеские стихи. И в этом не было ничего удивительного, поскольку редактором его был Григорий Евлампиевич Благовестов — последователь идей Н.Г. Чернышевского и член революционного общества «Земля и воля» (1861—1864), поставивших задачу подготовки народной революции, и... его учитель русского языка и в пансионе, и в училище. Именно он, наряду с Плещеевым, воспитал у Фирсова интерес к русской словесности и ввёл в круг литераторов редакции «Русского слова» [15, с. 888–903]. Благовестов тщательно руководил чтением воспитанников. Большинство книг, которые он рекомендовал для чтения, были цензурны, но в учебных заведениях чтение их не допускалось. Он давал и свои книги или подсказывал, где их можно было приобрести. Благовестов «проворно и добросовестно» справлялся с сухой официальной программой и далее развивал *«подробности... не только не обязательные, но, по всей вероятности, нежелательные для высшего учебного начальства... Они подготовляли почву самостоятельного развития взглядов на общественные перевороты в России, которые в недалеком будущем нам пришлось переживать и в которых многим пришлось участвовать»* [4, с. 48].

Георгий Евлампиевич
Благовестов

Вернувшийся из ссылки А.Н. Плещеев и Г.Е. Благовестов представили Фирсова Ф.М. Достоевскому, А.В. Дружинину и Н.А. Некрасову, через дядю — А.П. Фирсова — состоялось знакомство с И.И. Панаевым⁶. Николай Николаевич вспоминал о беседах с Писаревым в редакции «Русского слова», встречах с И.И. Панаевым, Гончаровым, Д.В. Григоровичем *«в доме моего близкого родственника, не писателя, но всесторонне развитого человека, интересовавшегося литературными течениями, знавшего лично, тогда уже давно покойных Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Глинку и других»* [15, с. 898]. Речь

⁵ ИРЛИ РАН РО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3705. Л. 9–10.

⁶ Там же. Л. 10.

Григорий Павлович
Неболсин (Небольсин)

идёт о Григории Павловиче Неболсине, впоследствии сенаторе, члене Государственного Совета, на дочери которого был женат Н.Н. Фирсов. Николай Николаевич рано женился и рано овдовел, его супруга Елизавета Григорьевна умерла в 1865 году в возрасте 25 лет. От этого брака родилась дочь, которая после смерти матери осталась жить в семье Неболсина [2, с. 192].

В 1862 году Николай Николаевич вступил во владение имением в Белозерском уезде и баллотировался на должность уездного предводителя дворянства, что давало возможность непосредственно участвовать в проведении реформ [5, с. 64]. Он стоял так же у исто-

ков организации Новгородского земства и уже в феврале 1865 года был избран гласным от Белозерского уезда для участия в Новгородском губернском земском собрании.

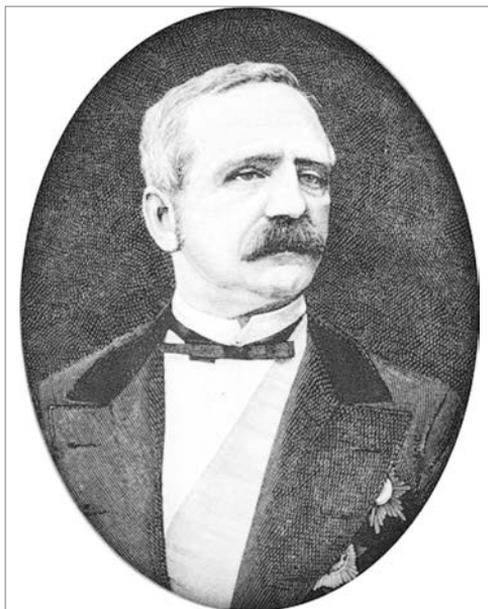
Торжественное открытие Новгородского губернского земства состоялось 17 марта 1865 года, когда в присутствии 37 из 55 избранных гласных прошло первое собрание⁷. Председателем Новгородской губернской земской управы на трёхлетний срок был выбран Н.А. Качалов. Всего в первую сессию было проведено 10 заседаний. Процедура их проведения была разработана самым тщательным образом специально выбранной земским собранием комиссией, в которую входили гласные А.И. Васильчиков, Н.А. Качалов, Н.Н. Фирсов, С.С. Шилов и Н.П. Игнатъев. Комиссия составила «регламент», в соответствии с которым проходили губернские земские собрания и формировался журнал заседаний.

1865 год был очень тяжёлым для Фирсова. Он овдовел, ушёл в отставку с военной службы. *«Я был тогда едва ли не самым молодым уездным предводителем дворянства. В 1865 году я потерял жену, и подавленный горем, думал удалиться от общественной деятельности. Когда я видел Валуева (П.А. Валуев — министр внутренних дел) в Петербурге, то он мне сказал, между прочим: "Вы молоды, а в настоящее время, когда земским учреждениям представляют такие широкие государственные перспективы в будущем, вам не следует покидать общественной деятельности и своего по-*

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 241. Д. 57. Л. 141 об.

ста"» [20, с. 442]. Фирсов не покинул своего поста, занимая должность председателя дворянства до 1867 года. Сложение с себя этих полномочий, по всей видимости, объясняется вступлением в новый брак и рождением в 1868 году сына Андрея [2, с. 192]. Но Фирсов продолжал при этом работать в Новгородской земской управе. Во всяком случае, в его воспоминаниях подробнейшим образом изложена вся история преодоления голода в Новгородской губернии осенью 1867 — весной 1868, в которой земство приняло самое деятельное участие. И хотя о самом себе он не говорит ни слова, но по подробности изложения понятно, что он был активным участником описываемых событий [19, с. 70–75].

Прогнозы относительно урожая осенью 1867 года в Новгородской губернии были пессимистичными, и в декабре губернское собрание приняло решение о необходимости «продовольствовать нуждающихся» и выдавать зерно на посев яровых и даже озимых. Доклад об этом, составленный губернской управой за подписью Качалова, был одобрен собранием. Однако это решение опротестовал губернатор Э.В. Лерхе, что заморозило все мероприятия земства. Весной стало окончательно понятно, что голод неминуем. Власть же на всех уровнях не хотела этого признавать, начиная от губернаторов и заканчивая министром внутренних дел. Губернская земская управа просила губернатора об экстренном созыве собрания и получала отказ, пока в это дело не вмешался наследник цесаревич, побуждаемый частыми сообщениями лично известного ему Н.А. Качалова о существовании

Эдуард Васильевич
Лерхе

голода и необходимости экстренных мер. Собрание, наконец, было разрешено, заседания шли чуть ли не круглосуточно, все организационные моменты были спланированы, но для перевода их в практическое русло требовалось одобрение министра внутренних дел, а для принятия им этого вопроса к рассмотрению — положительная санкция новгородского губернатора. Лерхе же упорствовал и даже уехал на дачу, в Юрьево. Земское собрание, просидев полночи в ожидании ответа губернатора, выбрало депутацию для надлежащих ходатайств, которая должна была рано утром отправиться в Петербург, а от Лерхе всё не было ответа. «*Если гора не идет к Магомету, Магомет двинется к горе*», — предложил Качалов, и длинный

ряд наскоро запряжённых экипажей... двинулся к губернаторской даче... Как перетрусил Лерхе от ночного нашествия в его мирную обитель земства гуртом; как он безуспешно пытался не принять непрошенных гостей; как гости эти, наконец, овладели им, убедили, то лаской, то суровой логикой немедленно дать своё согласие на постановление, — мы описывать не будем. Важно то, что "губернатор сдался"», — писал Фирсов.

В некотором роде в этой ситуации губернатор оказался между Сцилой и Харибдой, какое бы решение он ни принял, его ждало либо недовольство министерства, либо жалобы венценосным повелителям со стороны некоторых земцев, вхожих в высшие сферы. Ведь князь А.А. Суворов часто играл в карты с императором и запросто пил чай с императрицей Марией Александровной. Качалов имел доступ к цесаревичу, а огромные связи в высшем и родовом дворянстве и бюрократических сферах имел А.А. Татищев. Депутация успела прибыть в столицу после полудня. *«Ходатайства, конечно, не без затруднений и больших хлопот были удовлетворены, благодаря почти исключительно влиянию наследника цесаревича (впоследствии императора Александра III). И частью более или менее, веских лиц Аничковского дворца... Александр II назначил комиссию, в просторечии окрещенную "о голодающих", под председательством цесаревича для исследования размеров голода и пособия голодающим во всей империи. К работе комиссии были привлечены земские деятели голодающих губерний. Комиссия приняла ряд практических мер для обуздания голода,*

приняло их и новгородское земство. Надо сказать, что продовольственный вопрос с самого начала деятельности земства был одним из важнейших. Земство собирало сведения о наличии хлеба в губернии и числе нуждающихся, о продовольственной помощи и причинах народных бедствий, и, что самое главное, делало натуральные запасы хлеба в хлебозапасных магазинах сельских обществ, которые использовались в случае народных бедствий. Для того, чтобы помощь была адресной, земские управы сами закупали хлеб и продавали его по дешёвым ценам наиболее бедствующим крестьянам» [3, с. 114–115, 134].

Всей своей деятельностью по преодолению голода Н.А. Качалов обратил на себя внимание власти, был назначен на должность Архангельского губернатора и в мае 1869 года передал свой пост Н.Н. Фирсову. Перешёл Николаю Николаевичу по наследству и председательский кабинет в управе с огромным столом, прозванным за свои размеры «медведем», за которым и при Качалове, и после его ухода проходили совещания управы и заседания различных комиссий. Доклад о трёхлетней деятельности управы за 1867—1870 годы земскому собранию уже предоставлял Фирсов [19, с. 57, 75].

В годы пребывания Фирсова председателем земской губернской управы — с 1869 по 1873 годы — продолжались те направления деятельности, которые получили своё начало при Качалове. На первой сессии губернского земского собрания 26 ноября 1865 года рассматривался вопрос о задачах земских управ в деле народного образо-

вания⁸. В результате дискуссии на уездные земства была возложена обязанность по устройству школ, а губернское земство взяло на себя наиболее дорогую часть программы — организацию в Новгороде специального учебного заведения для подготовки учителей сельских народных училищ. Такая школа — Александровская земская учительская школа, была открыта в деревне Колмово 30 августа 1869 года. Обучались здесь преимущественно крестьяне,

которые получали стипендию в 120 рублей в год из средств земства, таких учащихся насчитывалось 60 человек. Представители других сословий принимались с оплатой в 75 рублей в год. Выпускники получали аттестат и некоторую сумму денег «на обзаведение» и приобретение учебной литературы. При Н.Н. Фирсове размер такого пособия составлял 50 рублей. По окончании обучения стипендиаты обязывались отработать три года в школах Новгородской губернии, либо вернуть половину затраченной суммы.

Первый выпуск 12-ти учителей состоялся в 1872 году накануне дня памяти св. Кирилла и Мефодия. После Божественной Литургии и торжественных слов Старорусского епископа Феоктиста

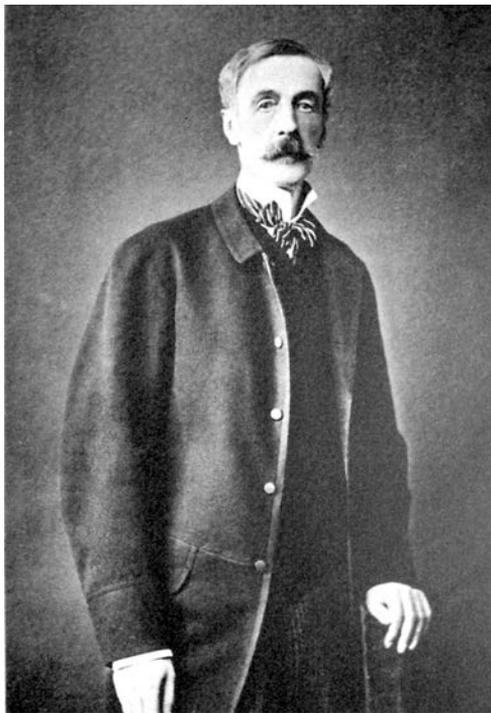
Аттестат об окончании
Александровской Новгородской земской учительской школы
1888 г. НГМ КП 38495 ДМДФ. 4. Оп. 1

о воспитании православия и нравственных начал в народе к выпускникам обратился Н.Н. Фирсов с пожеланием сохранить добрую нравственность, любовь к государю, уважение к старшим, память о том, что они вышли из крестьянской среды, и назвал их «первыми народными учителями России» [1, с. 50–52].

Продолжалась при Фирсове и деятельность специальной комиссии губернского земства по продовольствию, избранная в 1869 году. Все члены её были убеждены, что такими временными мерами, как хлебные операции и ссуды, проблему снабжения продовольствием не решить и нужна организация постоянного земского капитала для экстраординарных случаев⁹. Необходимо было

⁸ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 98. Оп. 3. Д. 15. Л. 132–133 об.

⁹ Там же. Д. 188. Л. 145 об.

Александр Илларионович Васильчиков

поднимать производительность крестьянского труда, урожайность надельных земель, распространять сельскохозяйственные знания, отсутствие которых было одной из причин безуспешного развития земледелия.

По словам Н.Н. Фирсова, в январе 1869 года после голода крестьянские хозяйства были «решительно подорваны», поэтому ещё одним проектом земства, направленным на поднятие благосостояния населения, стало развитие кредитной кооперации.

В 1869—1870-х годах Фирсов стал членом «петербургского кружка» новгородского губернского гласного князя А.И. Васильчикова. Участники его

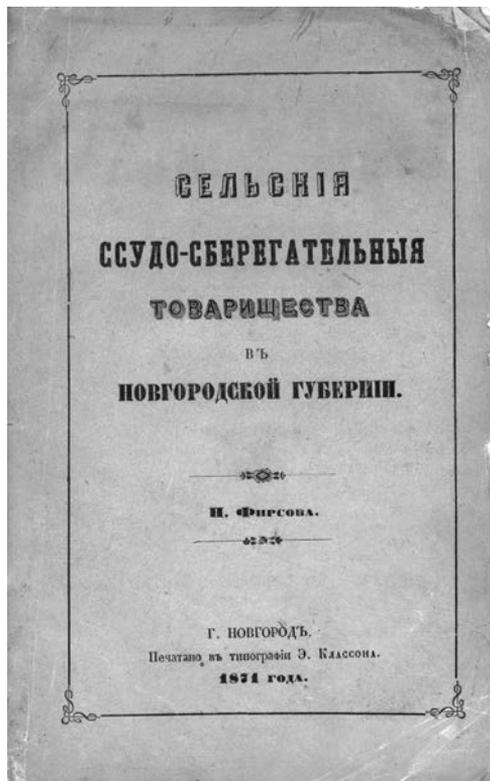
ратовали за распространение системы доступного и дешёвого кредита для крестьян и ремесленников. Важными условиями, определяющими содержание «народного кредита», А.И. Васильчиков считал, что *«он должен быть местным, он должен быть личным, он должен быть мелким»*. Горячим пропагандистом и практическим организатором «народного кредита» в Новгородской губернии был Н.Н. Фирсов. Формой кредитного учреждения были избраны ссудо-сберегательные товарищества [7].

Новгородская губернская земская управа, возглавляемая Николаем Николаевичем, на протяжении первых лет становления кредитной организацией выступала пропагандистом идеи создания ссудо-сберегательных товариществ и помощником в их практическом воплощении. Были разработаны правила кредитования и примерный устав, послужившие образцом для других земств. В Российской империи в 1871 году насчитывалось 36 таких товариществ, и 11 из них были учреждены в Новгородской губернии. Были введены попечители-контролёры, избираемые губернской управой, которые помогали на местах организовывать «народный кредит», подбирать учредителей. Вся эта работа была необходима, подчёркивалось в докладе управы 1870 года, так как *«большая масса нуждающихся в мелком сельском кредите, еще не подготовлена к <...> самостоятельному и правильному ведению банковского дела»*, а без этого *«нет возможности, ожидать развития успеха дела»* [6, с. 74–75].

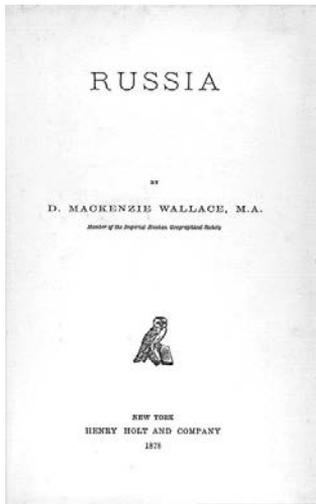
В подготовке этого доклада Н.Н. Фирсов принимал самое энергичное

участие, а затем, обобщив опыт, издал брошюру «Сельские ссудо-сберегательные товарищества в Новгородской губернии» (1871) [21, с. 246–247]. Николай Николаевич писал, что «в Новгородской губернии сберегательные товарищества развивались быстро, быстрее и плодотворнее всего в Череповецком уезде, где председателем управы был неугомонный, деятельный, вдумчиво-практичный А.Н. Попов». Статья Фирсова, «представлявшая фактическое изложение хороших практических результатов быстрого развития этих учреждений в нашей губернии, была принята с таким восторгом В.О. Коршем (редактором, тогда либеральных "Санкт-Петербургских ведомостей"), что он, призрев журнальную рутину, напечатал ее два дня сряду на первой странице газеты вместо передовиц» [19, с. 52].

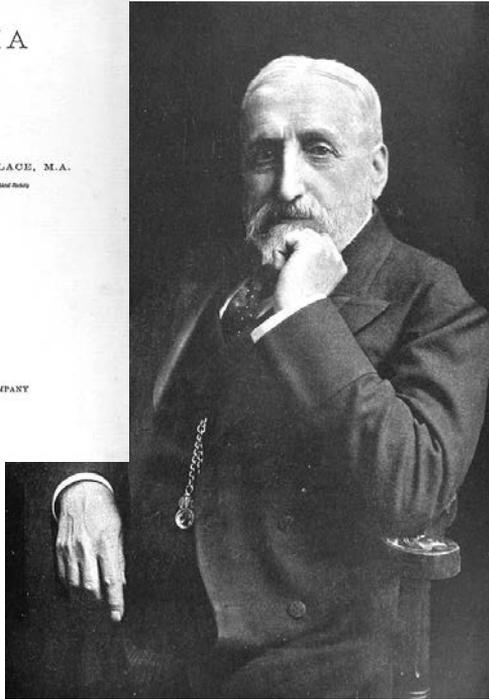
Это была не первая публикация Фирсова в столичной прессе о делах Новгородского земства. В течение 1860-х — в начале 1870-х годов на страницах московских и петербургских «Ведомостей», в газетах «Вести» и «Неделя», журнале «Вестник Европы» и других изданиях помещались содержательные хроники деятельности новгородского губернского земства. Авторами их были и местные корреспонденты из земских гласных, в том числе и Н.Н. Фирсов [22, с. 255]. Он завязал дружбу с Коршем, П.А. Гайдебуровым, М.М. Стасюлевичем. В центральных изданиях Фирсов публиковал правдивую и подробную информацию о делах новгородского земства, что часто было невозможно внутри губернии из-за цензурных запретов.

Цензура и контроль со стороны губернатора, вызывавшие неудовольствие руководителей новгородского земства, доходила иногда до анекдотических случаев. В начале 1870-х годов управой был подготовлен и направлен губернатору Э.В. Лерхе доклад «О народном продовольствии». В этом документе отмечалось, что 1868 год в губернии «ознаменовался голодом». Эта фраза пришлась Лерхе «не по вкусу». Он лично явился к Николаю Николаевичу просить, чтобы тот слово «голод» заменил словом «недород» и приискал какое-нибудь более подходящее выражение вместо «ознаменовался». Потому что это слово подразумевает нечто хорошее, возвышенное,

Дональд
Маккензи
Уоллес
и обложка
его книги

Что же касается самого правительства, то оно по отношению к земствам проводило двойственную политику. Фирсов писал, что «министр внутренних П.А. Валуев осторожный зодчий земских учреждений, видел в них, по крайней мере, вначале, школу неизбежному, поступательному движению правительственных форм по пути к объединению представительной выборной деятельности на пользу империи и народу» [20, с. 442].

Общественную деятельность и новгородское земство Фирсов оставил в 1873 году и в этом же

а «недород» хлеба довольно обычное, но, к сожалению, явление всё-таки нежелательное [19, с. 70, 75–76].

Невозможность без разрешения губернатора выпускать в свет полные тексты отчётов управы в достаточном количестве экземпляров лишало общественность губернии возможности следить за деятельностью отдельных земских органов и «тем самым порождало различные, порой и нежелательные для земцев кривотолки». Фирсов отмечал, что губернатор Лерхе прислушивался «к камертону столыцы, обращался с земством напряженно осторожно» [19, с. 70, 75–76].

году по поручению министерства финансов поехал в Лондон, где служил комиссаром русского отделения международных выставок Кенсингтонского музея¹⁰. До 1879 года Фирсов преимущественно жил в Англии, общался с писателем Дж.Л. Фарли, писал фельетоны и письма об английской политической жизни для русских газет (например, для «Молвы» В.А. Полетики), очерки об английской жизни и о «Русских в Лондоне» (в газете «Новости и биржевая газета»)¹¹. Там же он возобновил знакомство с Макензи Уоллесом, изучавшим Россию в 1860-х годах, «как не изучал её никто из иностран-

¹⁰ ИРЛИ РАН РО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 3705. Л. 13.

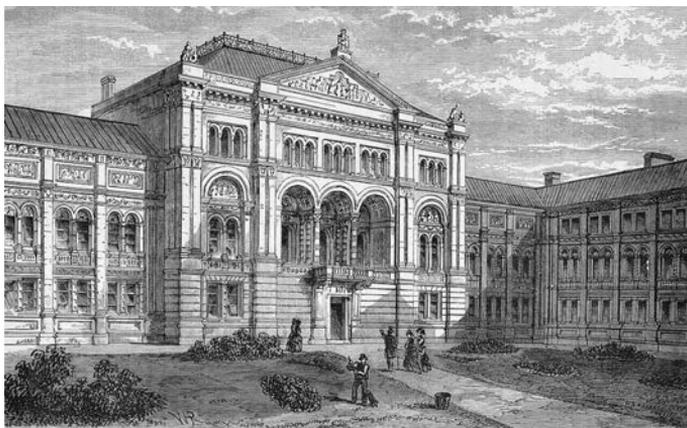
¹¹ Там же. Ф. 402. Оп. 5. Д. 219. Архив М.В. Ватсон. Письма (13) Фирсова Н.Н. к Ватсону Эрнсту Карловичу и список сочинений Фирсова (1874–1888).

цев», и издавшим свою книгу «Russia». Знакомство с Уоллесом состоялось при посредничестве Николая Гавриловича Богословского. Вот как Николай Николаевич вспоминал об этом: *«о. Николай привел ко мне в управу молодого британца (впрочем, оказавшегося по рождению шотландцем), заявив, что этот иностранец интересуется, кажется земским делом... Не помню я ли сам предложил, или он попросил, только любознательный англичанин получил наше общее согласие ежедневно приходить в управу и заниматься в моем председательском кабинете. Он гениально верно умел записывать, то, что слышит и видит. А переважив сведения в собственном мозгу, передавал их с поразительной точностью»* [19, с. 55–57]. Уоллес в своём двухтомном труде о современном ему положении в России сообщал, что Новгородское земство «имело репутацию одного из самых просвещенных и активных» на рубеже 1860—1870-х годов [23, с. 104].

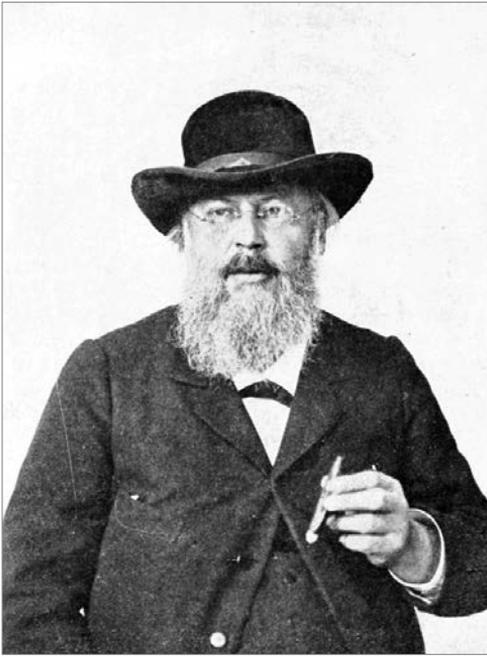
Благодаря дружеским взаимоотношениям с Дж.Л. Фарли и Уоллесом Н.Н. Фирсов много печатался в английских журналах «Oriental Star» и «Scottish Review». В эти годы литературные его занятия не ограничивались журналистикой и публицистикой. В «Книжках недели», наряду с очерками из Лондона, появляется роман «Под грозой» (1878), в журнале «Отечественные записки» в 1877—1883 годах он печатает

повести из земской и народной жизни: «На реке», «Из летописей Трущобска», «На барской милости», «Земские арабески» и другие. В 1885 году в «Северном вестнике» появился его роман «Куда ни кинь, всё клин», в 1886—1895 годах в «Книжках недели» публиковались повести и рассказы из русской и заграничной жизни. В «Новостях» с 1880-х и в «Русских ведомостях» с 1890-х Фирсов сотрудничал как итальянский корреспондент [24].

В Италию, край, «где зреют апельсины», Фирсов попал в январе 1862 года. Приехав на поезде из Вены в Триест, он *«апельсины видел только в ларях и в кузовах, посыпанных сухим снежком, колючей, пронизывающей, опрокидывающей боры»* [13, с. 9]. Посетив Венецию, он отправился через Милан, Геную и другие города в Рим, находящийся под папской властью. Уже тогда Фирсов интересовался процессом объединения Италии. Он познакомился с несколькими гарибальдийцами, вместе с Лукой Баньяра

Кенсингтонский музей

Феликс Антон Дорн

поехал в Милан, познакомился с Гарибальди и потом встречался с ним дважды — в Риме (1879) и Неаполе (1882) [12, с. 47–55]. По причине болезни сестры и впоследствии сына Фирсов с 1879 года поселился в Италии, часто посещал Неаполь, Салерно и их окрестности, а также Сицилию и другие регионы Южной Италии [2, с. 192–193].

Поскольку в больших городах Италии располагались значительные колонии русских и найти уединение было затруднительно, Фирсов, будучи заботливым отцом, не хотел отвлекаться от общения с сыном и зиму 1883—1884 годов провёл с ним в маленьком городке Кава де Тиррени. В мае 1884 года Фирсов тяжело заболел сам, врачи поставили

диагноз — полиомиелит. Больше года он пролежал в Международном госпитале в Неаполе и из-за болезни больше не возвращался в Россию. До самой смерти, а это случилось предположительно в декабре 1917 или в 1918 году, Николай Николаевич оставался в Неаполе, совершив несколько путешествий по Южной Италии [2, с. 192–193].

Фирсов, прожив столько лет в Италии, стал своеобразным связующим звеном между русской колонией в Неаполе и учёной, литературной, художественной средой бывшей столицы неаполитанского королевства. Сразу по приезде туда Фирсов познакомился с немецким зоологом Антоном Дорном, основателем Неаполитанской Зоологической станции и аквариума. Он был женат на Марии Барановской, и Фирсов был настолько близок с этой семьёй, что после выхода из госпиталя поселился у них — Мария Георгиевна взяла на себя заботу о Николае Николаевиче и пятнадцатилетнем Андрее. В доме Дорнов Фирсов общался с учёными, а в рассказе «Землетрясение» писал, что *«сама семья Дорна и наш кружок знакомых — смешанных национальностей»* [10, с. 2]. Фирсов сблизился с профессором зоологии Виктором Андреевичем Фаусеком и его женой Марией Ивановной — педагогом-переводчицей произведений Марии Монтессори. Он общался с Софьей Михайловной Буткевич, автором книги «Дневник девочки», опубликованной в 1882 году с предисловием Ивана Тургенева [2, с. 192–193]. Близко сошёлся с английским писателем Чарльзом Грантом, автором книги «Рассказы о Неаполе и каморре», тоже

живущим у Дорна. Грант помогал Фирсову издавать статьи об итальянских и русских писателях в немецком еженедельнике «Die Nation». Фирсов опубликовал в русских журналах много очерков и воспоминаний о русских писателях, художниках, музыкантах, с которыми он встречался за границей, в ряду которых К.М. Станюкович и Д.В. Григорович [9, с. 162–176; 8, с. 69–76]. Среди навещавших его русских в Неаполе были писатель П.Д. Боборыкин, композитор и пианист Николай Аmani.

Несмотря на слабое здоровье, Фирсов постоянно писал, занимался переводами, получал русские газеты и журналы, доставлял книги и брошюры на русском языке неаполитанцам, знающим язык. Как свидетельствуют его письма и короткая биография, которую Фирсов написал для С.А. Венгерова к Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, в Неаполе он был на постоянной связи с русскими литераторами, редакторами журналов: Эрнестом Ватсоном, Сергеем Шубинским, Борисом Глинским, и, начиная с 1900 годов, активно сотрудничал с «Историческим вестником». Материальное положение Фирсова было более чем скромным: Николай Николаевич обращался за вспомоществованием,

о чём свидетельствует хранящийся в РО Пушкинского Дома документ «О назначении пособия писателю Н.Н. Фирсову» Постоянной комиссии для назначения пособия нуждающимся учёным, литераторам, публицистам¹².

Огромный интерес Фирсов проявлял к современной итальянской литературе и искусству. Он общался с живописцем и преподавателем Неаполитанской Академии художеств Камило Миола, с которым путешествовал в Палермо в 1881 году [11, с. 1–15]. Дружба сложилась у него с неаполитанским скульптором Винченцо Джемито — выдающимся представителем художественного направления «веризма», «жизненного реализма». В 1887 году писатель поселился в доме Джемито. «Там я сроднился с его произведениями, которыми более года была полна моя квартира», — вспоминал

Неаполь. Фото конца XIX века

¹² ИРЛИ РАН РО. Ф. 541. Оп. 2. Д. 485. Л. 7 об.

Джованни Верга

Фирсов и сравнивал в статье «Художник из народа» творчество Джемито с рассказами Гранта [14, с. 124–152]. Склонность воспроизводить итальянских прозаиков сближает Джемито и Гранта с самим Фирсовым, реалистически описавшим в своих историко-бытовых очерках и фельетонах все особенности народа Южной Италии. Изложение писателя отличается ясностью, иронией и избытком подробностей. В рассказах «Землетрясение», «В итальянской глуши», «Храм отчаяния», «Пасха на Капри» и многих других, созданных под влиянием русского и итальянского реализма, описание событий и лиц служит поводом критических размышлений автора

о современном положении итальянского народа.

В начале 1880-х Фирсов проявил интерес и к литературе итальянского «веризма». Его перу принадлежит первый русский перевод известного романа Джованни Верга «Семья Малаволья», опубликованный всего спустя несколько месяцев после выхода итальянского оригинала в 1881 году. Фирсов так же переводил роман Дж. Верги «Побеждённые», рассказы Луиджи Капуана и других писателей для журнала «Отечественные записки». В своих публикациях «Письма из Италии» он знакомил русскую публику с общим состоянием современной ему итальянской литературы [2, с. 199–200, 203].

Все события, происходившие в далёкой России в начале XX века: революционные настроения и забастовки рабочих, активизация политических партий, революция и царский манифест 17 октября 1905 года, не оставили Н.Н. Фирсова равнодушным. Он пишет целую серию статей по следам преобразований, о которых так много размышляли и мечтали первые либерально настроенные земцы. Именно эти статьи были опубликованы в «Историческом вестнике» под общим подзаголовком «Воспоминания шестидесятника».

Многие даровитые русские писатели посещали Италию и по возвращении в Россию в художественных произведениях и воспоминаниях описывали как достоинства Италии, так и недостатки. Однако мало кто, подобно Н.Н. Фирсову, жил в Италии более 35 лет, да ещё в такой важный для итальянской истории период. Он чувствовал себя посланцем русской

культуры в этой стране и в то же время стремился донести через свои письма, переводы, публицистику, беллетристику до русского читателя не общеизвестный образ сказочной Италии, а настоящую правду о жизни народа Южной Италии после объединения. Сроднившись с её народом и культурой, Николай Николаевич никогда не забывал о России.

Десять лет он провёл на Новгородской земле, когда приходилось ежеднев-

но заниматься практической земской деятельностью и сталкиваться с неразрешёнными проблемами жизни крестьянского мира. Это позволило ему накопить материал, который позже, переработанный и преобразованный в художественные формы, лёг в основу его произведений как беллетристических, так и мемуарных, написанных уже в Италии, но наполненных размышлениями о России.

1. Александровская земская учительская школа и церковно-приходская школа // История церкви Успения Божьей матери в Колмово / сост. Е.А. Гаричева. Великий Новгород, 2012.

2. Джулиано, Дж. Николай Николаевич Фирсов: шестидесятник в Неаполе // «Беспокойные музы»: к истории русско-итальянских отношений XVIII — XX вв.: сб. / сост. А. д'Амелия. В 2 т. Т. 2. Солерно, 2011. (Europa Orientalis: альманах. Вып. № 14).

3. Записки Николая Александровича Качалова / публ. М.Н. Шульман // Голос минувшего. 1917. № 2.

4. Кузнецов Ф.Ф. Публицисты 1860-х годов: Круг «Русского слова». Григорий Благосветов, Варфоломей Зайцев, Николай Соколов. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1981.

5. Морылёва Н.И. Первый председатель новгородской губернской земской управы Николай Александрович Качалов // Чело: альманах. 2007. № 1.

6. Румянцева В.П. Н.Н. Фирсов — земский деятель, литератор // Интеллигенция Новгородской земли: проблемы и судьбы: Материалы науч. конф. 18 ноября 1997 г. Великий Новгород, 1988.

7. Румянцева В.П. Земство и развитие кредитной кооперации в Новгородской губернии // Земство и общечеловеческие ценности. URL: <http://www.admin.novsu.ac.ru/domino/zemstvo.nsf/61f0a8b3d4afc39fc325678c003d0923/a1dd0daae734cf7cc325674a004301b7!OpenDocument> (дата обращения: 06.09.2022).

8. Рускин Л. Большая душа (из воспоминаний о К.М. Станюковиче) / Н.Н. Фирсов // Вестник знания. 1905. № 9.

9. Рускин Л. Дмитрий Васильевич Григорович в Лондоне: Воспоминания / Н.Н. Фирсов // Вестник знания. 1904. № 4.

10. Рускин Л. Землетрясение / Н.Н. Фирсов // Книжки недели. 1887. № 8.

11. Рускин Л. Из заморских обычаев. Родительская суббота в Сицилии / Н.Н. Фирсов // Книжки недели. 1887. № 5.

12. Рускин Л. Письма из Италии. Пестрое объединение / Н.Н. Фирсов // Северный вестник. 1894. № 1.

13. Рускин Л. Собрат по недугу: Очерк / Н.Н. Фирсов // Восход. 1889. Кн. 5.

14. Рускин Л. Художник из народа / Н.Н. Фирсов // Новое дело. 1902. № 3. С. 7–34.

15. Фирсов Н.Н. В редакции журнала «Русское слово»: Воспоминания шестидесятника // Исторический вестник. 1914. Т. СXXXVI, июнь.

16. Фирсов Н. Воспоминания об Императоре Николае Павловиче // Исторический вестник. 1887. Т. XXIX, сент.
17. Фирсов (Рускин) Н.Н. Воспоминания о П.Л. Лаврове // Исторический вестник. 1907. Т. CVII, февр.
18. Фирсов Н.Н. (Л. Рускин) Новички // Русская старина. 1903. Т. CXVI. № 10.
19. Фирсов Н.Н. (Л. Рускин). Силуэты времени реформ. (Воспоминания шестидесятника) // Земство в произведениях русских писателей: библиографический указатель / сост. В.И. Ромашова; Новгор. обл. универсальная науч. б-ка. Великий Новгород, 2001.
20. Фирсов Н.Н. (Л. Рускин) Первый земский съезд: Воспоминания шестидесятника // Исторический вестник. 1906. Т. CIV, март.
21. Фирсов Н.Н. Сельские ссудо-сберегательные товарищества в Новгородской губернии. Новгород: Тип. Классона, 1871. Перепечатано из «Санкт-Петербургских Ведомостей». 1871 г. № 246—247.
22. Шумилов М.М. Новгородское губернское земство и царская администрация (60-е — начало 70-х гг. XIX в.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997.
23. Шумилов М.М. Новгородское земство и правительственная администрация в описании Д.И. Уоллеса // Тезисы докладов научной конференции преподавателей НГПИ по итогам научно-исследовательской работы за 1990 г. Ч. 1. Новгород, 1991.
24. Фирсов (Николай Николаевич, псевдоним Л. Рускин) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVI: Финляндия — Франкония. СПб., 1902. С. 39.

Новгородское губернское дворянское депутатское собрание было учреждено в 1785 году на основании «Грамоты на право, вольности и преимущества благородного российского дворянства». Очевидно, поэтому такое сословное учреждение дворянского самоуправления именовалось в Новгородской губернии, равно как и во всех губерниях Российской империи, как Благородное собрание.

Возглавлял его избираемый на 3 года предводитель дворянства, которого в должности утверждал губернатор; в состав входили депутаты-дворяне от всех уездов.

Собрание ведало всеми сословными делами дворян губернии: оформляло их принадлежность к губернскому дворянскому обществу, составляло списки дворян со сведениями об их экономическом положении, вело родословную книгу. Кроме этого, избирало заседателей в сословные суды и полицейских должностных лиц. Имело оно и политические права: например, подавать свои «прожэкты» императору. Однако в целом Дворянское собрание Новгородской губернии занималось решением местных вопросов и задач.

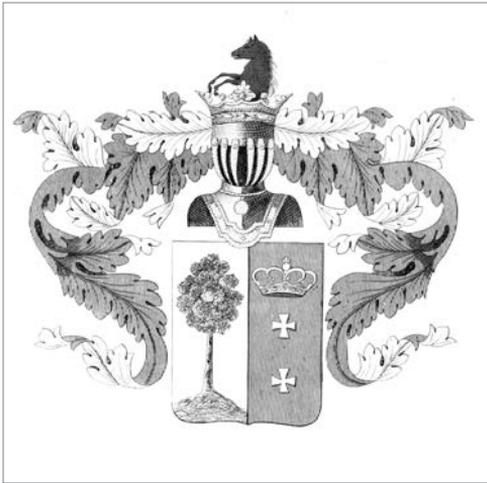
Александр Кириллов ДВОРЯНСКИЕ ИСТОРИИ

Переполох в Дворянском собрании

Первое заседание Новгородского губернского дворянского собрания, состоявшееся 12 января 1908 года, заканчивалось весьма деликатным и не слишком приятным для «белой кости» вопросом. Губернский предводитель дворянства, князь Павел Павлович Голицын доложил собранию заявление дворянина Тихвинского уезда, доктора медицины Василия Александровича Кобылина, поданное тем ещё 27 декабря 1906 года, о сложении с себя «вовсе» дворянского звания и огласил его прошение

об исключении из дворянского сословия. К заявлению прилагались все дворянские документы В.А. Кобылина, в том числе копия определения Дворянского депутатского собрания от 16 мая 1861 года, коим он был внесён в родословную книгу Новгородской губернии с причислением его к роду Кобылиных.

Кобылины были представителями родовитого, так называемого «столбового», дворянства. По одной из версий их род вёл своё происхождение от московского боярина Андрея Кобылы, который

Герб рода Кобылиных

считался родоначальником династии Романовых. (Ряд исследователей придерживаются мнения о новгородском происхождении Андрея Кобылы — А. К.). По этой ветви В.А. Кобылин также состоял и в отдалённом родстве с драматургом А.В. Сухово-Кобылиным.

Кобылины были внесены в VI часть дворянской родословной книги Новгородской губернии, куда помещались «древние благородные дворянские роды». Как уже указывалось выше, определение о дворянстве В.А. Кобылина было произведено в мае, а указ Сената об утверждении данного определения последовал 21 августа 1861 года. Несколько ранее этого к новгородскому дворянству были причислены его отец Александр Васильевич, мать Александра Васильевна, сёстры Екатерина и Елизавета Кобылины.

В конце XVIII века Кобылины владели в Тихвинском уезде десятком деревень. Их родовое имение находилось

в местечке Званы на берегу реки Тихвинки. В начале XIX века Кобылиными здесь была сооружена каменная церковь, освящённая в 1818 году в честь Архистратига Михаила. Имеются сведения, что местом упокоения Александра Васильевича Кобылина (предположительно, речь идёт об отце нашего персонажа) является погост Званский Тихвинского уезда.

Случай с добровольным сложением с себя дворянского звания был неслыханным. Присутствовавших в зале Дворянского собрания необычное заявление повергло в крайнее изумление, вызвав недоумение и даже негодование в рядах дворян и став предметом их горячего обсуждения. Большинство склонялось к заключению, что лишение дворянского звания может последовать только по высочайшему повелению или по суду. По сути, заявление В.А. Кобылина местное дворянство могло удовлетворить лишь частично, исключив его из родословной книги новгородских дворян. Губернский предводитель, делая краткий доклад по этому вопросу, высказал и своё личное мнение, согласно которому следовало пойти на удовлетворение заявления В.А. Кобылина по части исключения его из родословной книги.

Обсуждение вопроса проходило крайне бурно и остро. С мест в зале раздавались гневные возгласы в адрес добровольного изгоя: «И поблагодарить!..», «Худая трава из поля вон!..» и т. п. Вместе с тем оказалось, что многие из присутствовавших на заседании не имели никакого представления о личности виновника общего возмущения. Выяснилось, что В.А. Кобылин служит медиком в Пятигорске. Кто-то из наибо-

лее осведомлённых валдайских депутатов ядовито прибавил: «И был там президентом пятигорской республики!».

И тут будет уместно поближе познакомиться с виновником дворянского «переполоха». В.А. Кобылин родился в 1847 году. В детстве он получил хорошее домашнее образование и ещё в раннем подростковом возрасте был отправлен на учение за границу. Там способный к наукам мальчик 12 лет отроду посещал сразу две школы, слушал курсы по физике и химии, уже тогда имея намерение стать учёным. Из-за материальных трудностей в семье, последовавших после смерти отца, Василий вынужден был возвратиться в Петербург, где впоследствии блестяще окончил одну из столичных гимназий. Затем он поступил в Императорскую медико-хирургическую академию. Во время учёбы там он специализировался в патологической анатомии. Но тут неожиданно у него развивается неизвестная болезнь, вызвавшая трофические язвы на коже и выпадение волос. Из-за сильного поражения язвами рук заниматься патологической анатомией молодому человеку становится абсолютно невозможно. Кобылину приходится выбрать новое направление в медицине — дерматологию. Особенно он заинтересовался лечением сифилиса, который в те годы являлся ши-

Вид на Званы.
Слева — церковь Архистратига Михаила,
справа — усадебный дом. Фото первой половины XX века

роко распространённым и чрезвычайно опасным заболеванием, и в 1877 году молодой человек именно по этой теме защитил диссертацию на звание доктора медицины. Тема диссертации, написанной на основании измерений и взвешиваний, произведённых в городской Калининской больнице, имела название «Рост, вес и окружность груди здоровых и сифилитических женщин».

В связи с быстрым прогрессированием болезни врачи рекомендуют В.А. Кобылину сменить климат. Молодой врач добился назначения в Тифлис, где процесс развития болезни приостановился. Летом 1892 года, когда на юге России вспыхнула эпидемия холеры, он заведовал «холерными бараками» на железнодорожных станциях. Через год, прибыв на Кавказские Минеральные Воды,

Василий Александрович Кобылин.
Фото начала XX в.

Кобылин поначалу более года состоял там железнодорожным врачом. И лишь потом ему удалось устроиться курортным медиком, а также возобновить свои занятия наукой.

С 1897 по 1907 год В.А. Кобылин возглавлял Русское бальнеологическое общество, существовавшее в Пятигорске с 1863 года и занимавшееся научными исследованиями минеральных вод, а также их воздействием на человеческий организм. Девиз Общества «Наука, страждущее человечество и Родина!» как нельзя больше подходил ко всей жизни и деятельности самого Кобылина. Ему удалось вывести Общество из имевшегося на тот момент кризиса, поднять его авторитет, выработать меры, которые способствовали бы дальнейшему раз-

витию курортной науки и популяризации курортов Кавказских Минеральных Вод. Пожертвованные В.А. Кобылиным в пользу Общества средства, 200 рублей, были сопоставимы с общей годовой суммой взносов всех его членов. Библиотека Бальнеологического общества в значительной степени состояла из книг, переданных туда в дар Кобылиным из его личного собрания. Курортный врач принимал активное участие в организации, разработке программы и работе II Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии [Бальнеологического съезда], проходившего в Кисловодске в 1903 году.

Бурные революционные события 1905—1907 годов, прокатившиеся по стране, нашли своё яркое проявление и на Северном Кавказе. В частности, там резко обострилась криминогенная ситуация. В наступившей напряжённой обстановке местные власти не справлялись с не прекращавшимися проявлениями насилия и грабежами населения. По инициативе и под началом энергичного, пользовавшегося огромным авторитетом у гражданского общества Кобылина в городе для охраны спокойствия и установления порядка были созданы Союз прогрессивных граждан и Комитет самообороны, ставшие главной защитой мирных обывателей. В.А. Кобылин в те дни получил среди местных жителей неофициальное прозвище «Президент пятигорской республики». Многие члены Бальнеологического общества являлись активными сторонниками и участниками революционно-демократических преобразований. Против некоторых из них позднее были возбуждены су-

дебные процессы. Власть не простила В.А. Кобылину его решительных и ответственных действий, признав их антиправительственными. По-видимому, именно в этот период Кобылин и обратился к новгородскому дворянству с заявлением о сложении с себя дворянского звания. В начале 1907 года он был подвергнут аресту, отдан под суд и выслан за пределы Терской области. Однако позднее, в том же году, Тифлисская судебная палата полностью оправдала врача. Он смог вернуться в Пятигорск. Между тем деятельность Бальнеологического общества в 1907 году была прекращена. Оно возобновило свою работу в 1908 году, только после того, как В.А. Кобылин отказался от должности его председателя.

Снова вернёмся в зал заседаний Новгородского дворянского собрания. Для полноты картины развернувшихся там словесных «баталий» приведу ряд высказываний известных дворян-депутатов. Мнение члена Государственной думы от Новгородской губернии, почётного мирового судьи Старорусского уезда, графа Эммануила Павловича Беннигсена было таково: *«Это не более, как особая демонстрация со стороны доктора Кобылина! Без особых преступлений мы не имеем права лишать лицо дворянского звания! Пусть он подаст об этом прошение Государю Императору. Нам же следует оставить его заявление без последствий»*.

Вполне здравую и убедительную позицию занял земский начальник 3-го участка Демянского уезда, капитан в отставке Александр Александрович Норманский: *«Он (В.А. Кобылин — А. К.) просит исключить его из*

Герб
Русского Бальнеологического общества

родословной книги! Не будем заниматься сыском — почему он это делает, а исполним его желание. Я думаю, что мы имеем такое же право увольнять из своего общества, как увольняют из общества крестьянского или мещанского!».

Крупный землевладелец Новгородского уезда и видный земский деятель, действительный статский советник Александр Григорьевич Лутовинов, напротив, считал, что В.А. Кобылин не может самовольно сложить с себя дворянское звание, и дворянское собрание тоже не имеет на это права. В связи с чем, по его мнению, следовало *«не поощрять его (В.А. Кобылина — А. К.) иллюзий, а прямо отказать!»*.

Совсем потерявшийся от невиданно прискорбного и позорного для дворянского достоинства факта, почтенный П.П. Голицын с горечью воскликнул:

«Таких примеров еще не бывало в России! Это первый! Как же нам поступить: исключить его из родословной или нет?».

На что А.А. Норманский, в очередной раз, резонно заметил: *«Раз он не хочет быть дворянином, что же силой мы будем его держать?! Раз ему не нравится наше общество, то для выхода из него он должен совершить преступление что ли? Да Бог с ним! Вычеркнем его, вот и вся недолга!».*

Наперебой, «задорно и обидчиво» начали говорить сразу несколько депутатов. В зале разгорелись воистину нешуточные страсти. В пылу спора многие теряли свой аристократический облик: *«...шум и "междометия" в воздухе».* Наконец, большинством голосов собравшиеся решают оставить поднятый вопрос открытым, посчитав, что заявление В.А. Кобылина не подлежит рассмотре-

нию дворянского собрания. В «Волховском листке» так прокомментировали состоявшееся обсуждение: *«"Кобылинский" инцидент исчерпан с не совсем "дворянским" оттенком в смысле достоинства публичных дебатов по адресу своего собрата "по плоти и кости"».*

Формулировка официального постановления, принятого на заседании дворян, звучала так: *«Заявление Кобылина признать не подлежащим рассмотрению Губернского дворянского собрания».*

Через полгода после описанного выше события, 2 июня 1908 года, вскоре по возвращении в Пятигорск, В.А. Кобылин скончался в этом курортном городе. После смерти своего бывшего председателя Русское бальнеологическое общество решило увековечить его имя, учредив фонд, названный в честь В.А. Кобылина.

Доктор был похоронен на пятигорском кладбище, совсем недалеко от места первого упокоения М.Ю. Лермонтова, чей прах впоследствии был перевезён в Тарханы. Вопреки воле В.А. Кобылина, ему было суждено окончить свои дни в дворянском звании. На могиле «рыцаря медицины» был установлен каменный памятник с вырезанным на нём фамильным гербом Кобылиных, уцелевший до наших дней.

Могила В.А. Кобылина в Пятигорске.
Современное фото

Морока с выморочным именем

Сухой и скучный доклад председателя о выморочных дворянских имуществах на заседании Губернского дворянского собрания в январе 1908 года неожиданно приобрёл довольно щекотливый характер и вызвал нервное оживление в зале Дворянского собрания. Почтенный предводитель губернского дворянства князь Павел Павлович Голицын, имевший также придворную должность егермейстера и состоявший членом Государственного Совета, доложил собранию, что в 1897 году (когда место предводителя занимал князь Б.А. Васильчиков — А. К.) Новгородское дворянское общество предъявило в Новгородский окружной суд иск о признании выморочным и передаче в собственность дворянства имени умершего князя Алексея Васильевича Голицына. В 1887 году, после неизвестно откуда полученного известия о смерти князя, Боровичская и Старорусская дворянские опеки пропечатали в «Сенатских ведомостях» положенное

по закону сообщение о вызове наследников, однако таковые в установленный срок не объявились. На основании судебного определения, состоявшегося 8 июля 1897 года, его имущество было признано выморочным, и губернское дворянство стало владельцем 802 десятин земли в Боровичском уезде и земельных угодий в Старорусском уезде, которые в своё время достались А.В. Голицыну по наследству от его матери Софьи Алексеевны Голицыной.

Почти четыре года, с 1899 по 1903, продолжалась распродажа по частям полученного княжеского недвижимого имущества. Реализация имени в Бо-

ровичском уезде по купчим крепостям принесла в казну дворянства 36 704 рублей 90 копеек, в том числе 16 000 рублей ценными процентными бумагами. Капитал, вырученный от продажи земель в Старорусском уезде, составил 729 рублей 58 копеек. Впоследствии в местной газете указывалось, что в общей сложности доход

Герб рода Голицыных

Портрет Софьи Алексеевны
Голицыной (Корсаковой)

от выморочного имени в дворянскую казну составил около 60 000 рублей.

Через несколько лет, как гром среди ясного неба, явилось сообщение о том, что на момент того судебного постановления А.В. Голицын был совершенно «живёхонек» и, пребывая в здравии, преспокойно проживал в Париже. Неизвестно, уж каким образом, находясь вдали от отечества, князь, по сути, забыл про свои владения в Новгородской губернии и фактически оставил их беспризорными, не давая о себе никакой весточки в течение длительного времени. Упокоиться же А.В. Голицыну было суждено на чужбине 24 ноября (декабря?) 1901 года, то есть через три с лишним года после того, как его имение было признано вы-

морочным! Одному Богу известно, что побудило уездные дворянские опеки искать наследников при живом владельце.

Теперь несколько слов о личности А.В. Голицына. Титулованный дворянин родился в 1832 году в семье князя Василия Петровича Голицына, получившего в светском обществе прозвище «Рябчик». Он носил придворное звание камергера и дослужился до чина действительного статского советника. В 1840-х — начале 1850-х годов В.П. Голицын избирался Харьковским губернским предводителем дворянства. Мать Алексея Васильевича, Софья Алексеевна, урождённая Корсакова, была тоже из весьма именитого и богатого рода. Известно, что она достаточно серьёзно увлекалась литературой и живописью, а в первой половине 1840-х являлась одним из учредителей, соиздателем и автором литературно-художественного альманаха «Молодик», выпускаемого в Харькове.

Во время учёбы в Училище правоведения А.В. Голицын довольно близко сошёлся с будущим композитором П.И. Чайковским. Последний в 1864 году гостил у друга в имении Голицыных Тростянец в Харьковской губернии. Именно здесь молодому композитору довелось закончить своё первое музыкальное симфоническое произведение. Впоследствии их пути неоднократно пересекались за границей, где Алексей Васильевич состоял на дипломатической службе. Впрочем, в своих письмах композитор писал, что был вынужден вести с князем «тягостные ложно-дружеские отношения». В 1858 году А.В. Голицын женился на Любви Александровне, урождённой княжне Итальянской, графине Суворо-

вой-Рымникской, правнучке великого полководца. Однако их брак продлился очень недолго, в 1861 году супруги развелись. Позднее из-за долгов отца А.В. Голицын вынужден был расстаться с частью своей недвижимости. Уйдя в отставку в чине статского советника, он поселился за границей.

После запоздалого сообщения о действительной смерти А.В. Голицына в «С.-Петербургских сенатских объявлениях по казенным, правительственным и судебным делам» за 29 июля 1902 года была пропечатана публикация о вызове его наследников. Так как у скончавшегося князя «нисходящего потомства» не оказалось, то ближайшим его наследником по боковой линии приходился родственник А.В. Голицына по матери, дворянин Алексей Алексеевич Корсаков. 8 ноября 1907 года предводитель Новгородского дворянства получил из Окружного суда повестку с копией искового заявления присяжного поверенного Жилинского, доверенного лица А.А. Корсакова. Причём иск в суд наследник подал 4 июля 1907 года, не пропустив, таким образом, установленного 10-летнего срока после смерти титулованного родственника. Препятствием к получению А.А. Корсаковым имущества в «порядке охранительного судопроизводства» служило то, что Старорусская дворянская опека ещё в 1887 году учинила от своего имени вызов наследников. Подобное действие было вдвойне неправильным: во-первых, производить вызов непосредственно опекам не разрешалось и, во-вторых, никоим образом не допускался такой вызов к имуществу лица, находящемуся в живых. Предъявляя иск к Новгород-

Портрет князя
Алексея Васильевича Голицына

скому дворянству на сумму в 65 000 рублей, равную капиталу, вырученному от продажи земли и доходов, полученных от имения за 10 лет, Жилинский просил признать судебный орган его прошлое определение 1897 года, равно как и совершенные дворянством купчие крепости, «ничтожными» (то есть не имеющими законных оснований) и возвратить во владение А.А. Корсакова всё имущество А.В. Голицына. Ещё до подачи иска в суд Жилинский обратился к П.П. Голицыну напрямую с предложением обсудить дело и добровольно пойти

на соглашение. Однако предводитель дворянства посчитал себя не вправе совершать такой шаг, не имея документов, подтверждающих право А.А. Корсакова на получение наследства. Им была выдана доверенность вести дела в судебных инстанциях от его имени присяжному поверенному А.П. Шумейко.

Встревоженное неприятным известием дворянство старалось себя всячески успокоить и убедить в том, что оно, введенное в заблуждение, получив имение по выморочному праву, в произошедшем казусе никак не виновно. По словам князя П.П. Голицына, юристы уверяли его, что Корсакову будет очень трудно доказать своё родство с А.В. Голицыным. Впрочем, на всякий случай, губернский предводитель попросил у собрания дать ему полномочия вести это дело во всех судебных инстанциях. Речи выступавших следом депутатов сводились, главным образом, к тому, чтобы *«добровольно не отдавать такого жирного куша, случайно упавшего с неба в дворянский оскудельный депозит»*.

Депутат от Кирилловского уезда Игорь Матвеевич Тютрюмов, действительный статский советник, обер-прокурор II департамента Сената (и, между прочим, приват-доцент Санкт-Петербургского университета по кафедре гражданского права и судопроизводства) доказывал, что прежняя публикация о вызове наследников в «Сенатских ведомостях» не может считаться действительной и законной, ввиду того, что нельзя искать наследников к живому лицу. Сановник полагал, что теперь было бы правильным и необходимым дать новую публикацию с поиском на-

следников, и только если через 10 лет таковые не объявятся, права новгородского дворянства будут гарантированы. В противном же случае наследники, появившись они даже через 25—30 лет, смогут начать оспаривать наследство, а покуда с Корсаковым И.М. Тютрюмов советовал вести дело судебным порядком. (Примечательно, что И.М. Тютрюмов являлся составителем многотомного труда «Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов», в 3-й книге которого о выморочном имуществе дворян, в частности, говорилось следующее: *«Недвижимые имущества потомственных дворян, как записанных, так и не записанных в дворянские родословные книги, обращаются в пользу дворянства той губернии, в пределах которых имущества эти находятся»* — А. К.).

С обер-прокурором был не согласен граф Эммануил Павлович Беннигсен, состоявший членом Государственной думы. Он указал, что со времени утверждения имущества А.В. Голицына за дворянством уже прошла десятилетняя давность и потому нет надобности делать публикацию нового известия и опять разыскивать «на свою голову» наследников. По мнению графа, в случае появления таковых, пусть те сами доказывают и отстаивают свои права на имение по их усмотрению. Беннигсен был твердо убеждён, что местное дворянство завладело княжеским имуществом на вполне законном основании.

Сенатор, действительный тайный советник Николай Александрович Тройницкий (обратим внимание на уровень знатности и влияния собрав-

шихся в зале Дворянского собрания лиц! — А. К.), являвшийся землевладельцем Валдайского уезда, в целом поддерживая взгляд И.М. Тютрюмова, одновременно предлагал детальнее выяснить все обстоятельства дела, высказав сомнение, что так не вовремя «оживший» князь действительно есть тот самый А.В. Голицын, о чьём имуществе идёт разговор. Впрочем, губернский предводитель рассеял всякие сомнения и уверенно подтвердил сей «прискорбный» факт, сославшись на родословное древо князей Голицыных, к одной из ветвей которого сам принадлежал. (Не этот ли случай вскоре подтолкнул сына вышеупомянутого сенатора, искусствоведа Сергея Николаевича Троицкого, в будущем директора Эрмитажа, обратиться к геральдическим изысканиям, связанным с родом Голицыных, результатом которых стала выпущенная им в 1910 году в Петербурге брошюра «Заметка о гербах князей Голицыных»? — А. К.).

Следующие ораторы в основном касались различных юридических сторон и тонкостей. Прения завершило выступление земского деятеля, действительного статского советника Александра Григорьевича Лутовинова, по замечанию которого, мнения таких «компетентных лиц», как сенатор и прокурор Сената, «должны быть приняты к надлежащему руководству».

В результате собрание приняло следующее постановление: поручить П.П. Голицыну вести судебное дело по имению А.В. Голицына и до присуждения того судом в пользу Корсакова вырученных от продажи сумм не возвращать. Предводителю дворянства было предложено

воспользоваться указаниями И.М. Тютрюмова по поводу новой публикации о вызове наследников.

Дело перешло в судебные инстанции. В январе 1909 года Новгородский окружной суд оставил без рассмотрения иск А.А. Корсакова *«как заключающий в себе недопускаемое законом смешение исков[ых] требований о разных предметах»*. Однако впоследствии это определение суда было отменено Санкт-Петербургской судебной палатой с представлением Окружному суду войти в обсуждение иска Корсакова по существу. В 1910 году Новгородским дворянством было получено от нового доверенного лица Корсакова, присяжного поверенного Герцвельда, заявление с предложением окончить дело миром с уплатой Корсакову 49 000 рублей. Эта сумма бралась из расчёта, что губернское дворянство выручило за земли А.В. Голицына около 37 000 рублей, плюс сумма начисленных за десятилетний срок процентов (из расчёта 6 % годовых) — около 22 000 рублей. При этом в целях миролюбивого окончания дела Корсаков изъявлял готовность уступить 10 000 рублей. Основанием для такого «щедрого» предложения послужило желание последнего не затягивать дело на продолжительное время и его «намерение облегчить» Новгородскому дворянству выход из создавшегося затруднительного положения. В противном случае, по убеждению Корсакова, его обоснованный иск будет удовлетворён полностью и дворянству придётся дополнительно возместить материальный ущерб пострадавшим лицам, а тогда общая исковая сумма может достигнуть

100 000 рублей. Если же дворянство отклонит сделанное им предложение, Корсаков намеревался отстаивать в суде первоначальные требования.

После рассмотрения представленных Корсаковым суду документов присяжный поверенный А.П. Шумейко пришёл к заключению, что истец по существу доказал своё право наследования имущества А.В. Голицына и его иск возможно оспаривать лишь по формальным основаниям. Во избежание неблагоприятного для дворянства окончательного исхода дела, Шумейко советовал вступить в переговоры с А.А. Корсаковым об окончании дела миром. При этом, по его мнению, сумма отступных со стороны дворянства не должна была превышать 45 760 рублей, то есть суммы, полученной дворянством от продажи земель, и процентов, начисленных лишь с 1907 года. Слушание дела по иску в суде было назначено на 7 декабря 1910 года, и вопрос о мировой сделке следовало разрешить

до этого числа. На очередном собрании губернского дворянства 1 декабря 1910 года все присутствующие, согласившись с позицией, выраженной в докладе Собрания предводителей и депутатов, постановили: уполномочить губернского предводителя дворянства войти в переговоры с поверенным А.А. Корсакова об окончании дела миром на условиях, какие будут признаны губернским предводителем приемлемыми в интересах новгородского дворянства. Предлагалось продолжать участие в судебном процессе, если требования противной стороны окажутся чрезмерными.

Вот такая удивительная и довольно курьёзная история с выморочным княжеским именем, наделавшая немало шума в новгородских аристократических кругах, приключилась с местным дворянским обществом.

Между тем, чем и когда окончательно разрешился данный вопрос, осталось неизвестным.

Андрей Игнатьев

ПОЭТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА МИХАИЛ КУЗМИН

Окуловский дневник 1907—1911

В «Путеводителе по Окуловскому району», изданном в 2000 году, сообщается, что в окрестностях железнодорожной станции Окуловка и примыкающего к ней посёлка писчебумажной фабрики Парахино бывали, и иногда подолгу, знаменитости из Петербурга. В частности, на правом берегу реки Перетны, *«чуть ниже плотины (где трансформаторная подстанция) был дом старшего лесничего, учёного лесовода Мошкова, женатого на Варваре Алексеевне, в первом браке Ауслендер. Её брат Михаил Алексеевич Кузмин был известным поэтом серебряного века, дружил с Гумилёвым, Блоком, Ахматовой. Сын Варвары Алексеевны Сергей Ауслендер и Николай Гумилёв нередко бывали в этом доме»*¹.

Долгое время обстоятельства пребывания столичных писателей были неизвестны и ограничивались преимущественно сведениями, которые сообщила Эдуарду Бриккеру — автору путеводителя, Александра Фёдоровна Шац, бывавшая в Парахине в начале XX века. В середине 2000-х годов трудами Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина был подготовлен к изданию и опубликован «Дневник» М.А. Кузмина 1905—

1915 годов. Знакомство с ним позволяет узнать ближе обитателей некоторых окуловских усадеб и открывает малоизвестные страницы жизни одной из крупнейших фигур Серебряного века, чья судьба оказалась связана с историей небольшой станции Николаевской железной дороги.

В начале 1907 года Прокопий Степанович Мошков переехал с семьёй в Парахино Заозерской волости Крестецкого уезда, где ему предложили должность старшего лесовода на писчебумажной фабрике братьев В.П. и С.П. Рябушинских. Возможно, уже в начале мая Кузмин знал, что проведёт несколько летних месяцев в окрестностях станции Окуловка, поскольку 14 мая 1907 года сообщал в письме В.Ф. Нувелю, члену редакции журнала «Мир искусства»: *«Самая неприятная новость — это то, что, вероятно, я уеду в Окуловку вместе с нашими, т. е. числа 21—24 мая, так что может случиться, что мы не увидимся до середины июля, когда я вернусь. Я бы, конечно, предпочел пробыть июнь и уехать на июль, август, но force majeure — мои финансы меня принуждают поступать не совсем сообразно своим желаниям»*² (илл. 1).

Кузмин выехал из Петербурга в Окуловку 26 мая 1907 года. *«Приятность ехать в 3-х экипажах на своих, огромный дом, свое молоко, расторопная Вера, большой сад — все было очень приятно и почти заставляло забывать фабрику и прочие невзгоды»*, — записал он в своём дневнике³. Спустя несколько дней, 31 мая, в письме В. Нувелю сообщает: *«Живу как полагается, пью молоко, катаемся, читаю, скучаю, играю в крокет,*

только три: «Тихие воды прудов фабричных», «Мы проехали деревню, отвели нам отвода» и «Свистков призыв, визг круглых пил». Однако можно заметить след «фабричной» темы и в таких стихах, как *«При взгляде на весенние цветы»* и *«Мальчик верхом едет в куртке зеленой»*.

29 мая приехали из столицы племянник Кузмина, студент Петербургского университета Сергей Ауслендер, и неза-

Илл. 1. Писчебумажная фабрика и дом, где жила семья Мошковых. Фотография. 1909 г.

*пишу письма. Пишу «Алексея» и цикл стихов «На фабрике», написал 2. Кланяйтесь и целуйте всех. Адрес: Окуловка Николаевской железной дороги, контора Пасбург»*⁴.

Здесь Кузминым были написаны шесть стихотворений, составивших цикл «На фабрике», частично опубликованных в десятом номере журнала «Перевал» за 1907 год. Из них сохранились, по мнению исследователей его творче-

мужняя сестра зятя — Лидия Степановна Мошкова. Известно, что первые недели лета 1907 года Мошковы жили ещё в старом доме, а с середины июня переселились в новое жильё, поближе к плотине. Кузмин записывает в дневнике:

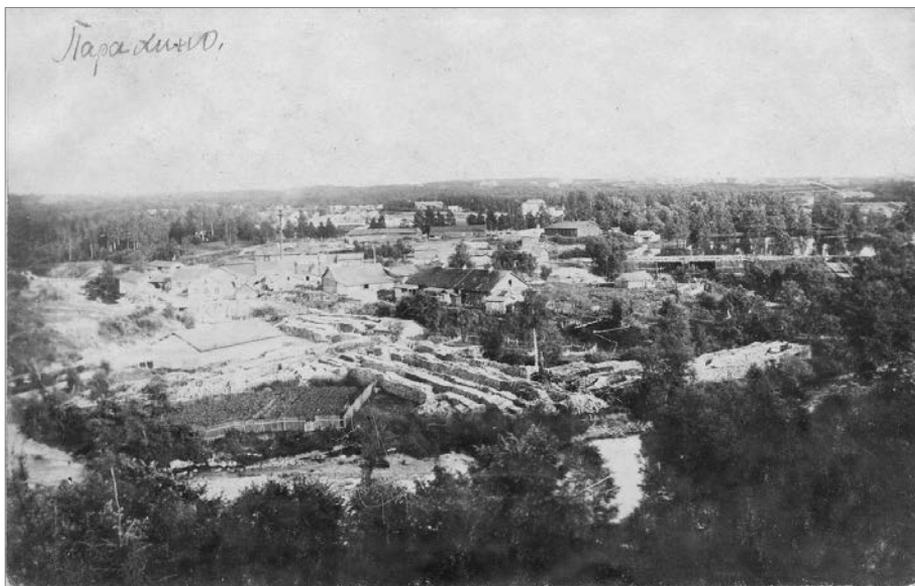
20 июня. *«День переезда. То дождь, то солнце. Последний раз обедали в старом доме; писем не было. Очень быстро устроились на новый лад; вид оживлённый на пруды, где ловят дрова, на про-*

езжую дорогу, на цветник, на огород. Целый день развала...»⁵.

22 июня. «начал "Филлиду", Сережа кончил "Шарлотту"»⁶.

24 июня. «Писал "Филлиду". Александрия меня снова охватывает, и даже в лесу я о ней думал, в лесу с цветочными лужайками, лесными озерцами, болотами и холмами»⁷.

несмотря на молодость, литератор, в это лето работал над повестью «Некоторые достойные внимания случаи из жизни Луки Бедо». В его письме Чулкову, датированном 13 августа 1907 года, он сообщал: «В октябре кончу большую повесть, из которой написал восемь глав: в ней будет французская революция, гильотины, маркизы, тайные общества и проч.

Илл. 2. Посёлок Парахино. Открытка. Начало XX века.

Как можно видеть, во второй половине июня, то есть в первые дни на новом месте, дядя и племянник переживали творческий подъём. «Мы теперь в новом доме. У нас окна на огород и солнце, а дальше за прудом большая дорога. Пишем в четыре руки. Кузмин опять занялся Александрией»⁸, — писал Ауслендер Г.И. Чулкову 24 июня 1907 года. Сам Сергей Абрамович, уже известный,

и проч.»⁹. При издании эта повесть была помечена не только датой — «1907», но и местом создания — «Парахино» (илл. 2).

В первое «окуловское» лето дядя и племянник большую часть времени проводили в обществе фабричного служащего Вилли Бене, его супруги Екатерины Ивановны и их многочисленных знакомых. Михаил Алексеевич

сделал такую запись в дневнике 4 июня 1907 года: «*Вечером потащили нас к Венедиктовым. Там были все те же, публика скучала и расходилась, было адски скучно, это не должно входить в обычай*»¹⁰.

Упомянутые в дневнике Венедиктовы станут Кузмину ближайшим окружением вплоть до 1911 года. Иван Васильевич — один из административных работников фабрики, был, скорее всего, приезжий. Его супруга Екатерина Ивановна, родом из Москвы, участвующая во многих творческих проектах фабричных служащих, как и сестра Кузмина, — учительница народной школы. В числе других окуловских знакомых — семьи Солюс и Ревипер. Известно, что фейерверк, устроенный в имении Солюсов, вдохновил Кузмина на поэтический цикл «Ракеты». Из дневника за 6 июля 1907 года следовало: «...у Солюс был фейерверк жалкий, но самый факт его меня восторг и поднял необыкновенно, любовь к радугам и фейерверкам, к мелочам техники милых вещей, причесок, мод, камней, "сомовщина" мною овладела»¹¹. Заметим, что Кузмин близко знал художника Константина Сомова, с которым познакомился на «Вечерах современной музыки» в 1905 году. Ему была близка художественная манера этого художника, о чём он сообщал в одном из писем В.В. Руслову: «В живописи люблю старые миньютюры, Боттичелли, Бердслей, живопись XVIII в. <...> люблю Сомова и частью Бенуа...» (9 декабря 1907 года)¹².

В дальнейшем Сомов станет иллюстратором нескольких изданий Кузмина и автором его самого известного

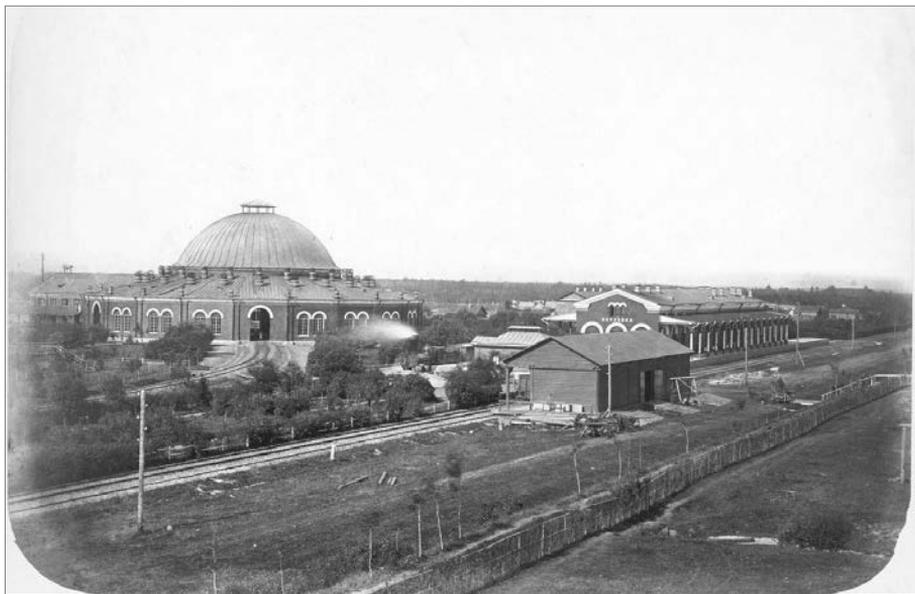
портрета. Несмотря на то, что цикл «Ракеты» должен был как-то озвучить его живопись, художнику новые стихи Кузмина, опубликованные во втором номере журнала «Весы» в 1908 году, не понравились.

В это же лето Михаил Алексеевич написал несколько рассказов («Кушетка тети Сони», «Тень Филлиды» и др.), «Комедию о Мартиниане», а также ряд музыкальных композиций к своим драматическим произведениям и два романа на стихи Валерия Брюсова, с которым вёл активную переписку как с редактором журнала «Весы», где регулярно печатал свои произведения.

Постоянно возвращающийся мыслями в недавнее прошлое, связанное с летними впечатлениями прошлых лет, поездками в Египет и в Италию, а также к недавно начавшейся светской жизни в Петербурге, Кузмин пишет и получает письма от Вальтера Нувеля, Вячеслава Иванова, издателей М.Ф. Ликиардопуло и Г.И. Чулкова, а также давнего друга Г.В. Чичерина. В одном из писем к Чичерину от 16 июня 1906 года он сообщал о своих планах напечатать книгу, в которую должны были войти три «комедии» о святых: «*Евдокию*» поставят у Коммисаржевской в костюмах XVIII в. <...> Я кончил более резкую, более Раვენнскую *Комедию об Алексее, человеке Божьем* с хорошими и занятными стихами <...> и кончу третьей, короткой *"о Мартиньяне"* или беда от женщин, где отшельник в полтора года обежавший 162 города, спасаясь от дам, не избег их и на необитаемом острове, куда выбросило девицу кораблекрушением. Тогда он сам ввергся в море...»¹³.

Сам процесс получения корреспонденции из столицы представляет для Кузмина — как это можно видеть из дневника — сложный, но обычно радостный ритуал поездки на станцию — за две версты, с посещением магазинов, парикмахера, портного... (илл. 3).

В следующее лето Кузмин снова поехал на Новгородчину. Дневниковые записи, посвящённые Окуловке, начинаются с 1 июля и с небольшими перерывами, когда Кузмин возвращался в столицу, продолжаются до 17 ноября. Знакомый с местностью и обычаями, поэт отмечает

Илл. 3. Станция Окуловка. Фотография. Начало XX века

Поездки с зятем Мошковым по делам лесного хозяйства — отдельная страница в жизни Кузмина, которую он включает в свой дневник с возможными подробностями и комментариями... А в остальное время — прогулки в соседние деревни, посещение Никольской церкви в Полищах, хождение по лесам в поисках грибов и ягод, лодочные пикники на озере, вечерние проводы гостей с неизменным созерцанием фабрики, окрестностей и неба...

перемены в окуловских усадьбах и её обитателях. *«Есть впечатления запущення этот (год): не катаются, не держат бонны, нет сторожевых татар, пруд спускают, фабрика становится, хотя в бане и завели тазы и зеркало»* — записал он в дневнике 5 июля 1908 года¹⁴.

В это лето Кузмин почти не видится с семьей Бене, которые только в августе ненадолго приезжали на похороны отца Екатерины Ивановны, старого служащего писчебумажной фабрики. Теперь он

чаще бывает у Натальи Александровны Розиной, родственницей семейства Шац из ус. Новинка, и у Венедиктовых. Сергей Ауслендер в это лето вернулся полный впечатлений из Италии, куда совершил весной путешествие в обществе Нины Петровской, в которую одно время были влюблены такие знаменитости, как Константин Бальмонт, Валерий Брюсов и Андрей Белый. Обстоятель-

ке, Рябушинских... По дневнику можно проследить день за днём его творческие занятия: «переписывал Газэлы», «писал с трудом "Всадника"», «кончил рассказ "Флор и разбойник"», «переписывал "Комедию о Мартиниане"»...

Именно в это лето были задуманы роман «Нежный Иосиф» и поэма «Новый Ролла», написана комическая опера «Забава дев», начаты и закончены

Илл. 4. Плотина на р. Перетна. Открытка. Начало XX века

ства этой поездки станут впоследствии основой романа С. Ауслендера «Последний спутник» (1913), где найдётся место и для окуловских впечатлений (илл. 4).

Из дневника Михаила Кузмина мы узнаём о том, что он берёт книги и ноты у Натальи Александровны Розиной, которую в дневнике упорно называет «Шотц», изредка встречает в окрестностях богачей Вонлярлярских, Фран-

повесть об Александре Македонском и «Двойной наперстник».

Среди впечатлений — поездки в подтопленные деревни на озеро Боровно, ярмарка в Полищах, лесной пожар, катание на лодке... (илл. 4).

В августе все дачники и гости разъехались по столицам, а Кузмин остался, с целью экономии средств, в Парахи-не. Племянницы писателя, Варя и Катя

Мошковы, уехали на учёбу в женскую гимназию, в ближайший уездный город Боровичи, откуда приезжали на выходные, полные впечатлений и рассказов.

10 сентября Кузмин поехал в Петербург, а уже 24 числа, вместе с племянником Сергеем, вернулся в Окуловку. В эти осенние дни он был плотно занят работой над романом «Нежный Иосиф» и комической оперой «Забава дев». В дневнике, среди событий, крестьянские приготовления к празднику Покрова, несение иконы Иверской Божьей Матери, поездки в Домовичи, Зуево («разбойничью деревушку»), Хорино, Перетенку... Как глоток воздуха — поездки на станцию: «Ездили на станцию, покупал сапоги, заказывал куртку, шапку на зиму...» (14 октября 1908)¹⁵.

С 19 по 26 октября Кузмин снова уезжал в Петербург. В начале ноября к нему приехал близкий друг, начинающий молодой писатель Сергей Позняков, а 16-го ноября, накануне возвращения в столицу, они съездили вдвоём в Полицскую церковь. О посещении этой церкви сохранились такие строки в дневнике: «Для одних нас служили молебен о начале дела Михаила и Сергея. Очень хорошо было возвращаться...»¹⁶. Сергею Познякову был посвящён поэтический цикл «Осенние озёра», впервые опубликованные в третьем номере журнала «Весь» в 1909 году, а несколько позже, в 1912, в книге «Осенние озёра». Некоторые стихи из этого цикла вдохновлены осенним пейзажем окуловских лесов и деревень.

В середине февраля Кузмин снова оказался в Окуловке. Здесь, уже без перерывов, он прожил до начала июля. В этот

приезд он погрузился в теперь полюбившуюся ему сельскую жизнь: чтение книг, поездки в ближайшие церкви — Полицскую и на станцию Окуловку, прогулки в окрестности, чаще всего — к Новинкам и на Чепуху, поездки с зятем Мошковым по деревням Горушка, Раменье, Кузнечевичи, Хорино. После одной из таких поездок в дневнике от 10 марта 1909 года Кузмин записал: «Ездили в Хорино: я люблю семью Григория. Поехали еще с зятем на лесосеки и угольные ямы. Кормили нас жареной рыбой и чаем»¹⁷.

Вячеславу Иванову поэт писал 8 мая 1909 года из Окуловки: «Отсюда я вряд ли скоро уеду — и мое здоровье, и перспектива жить одному, и мое состояние духа не позволят мне этого. Я очень долго не писал ничего и только последние дни снова принялся за "Иосифа". Чувствую себя покойно и хорошо, несмотря на однообразие жизни. Я занимаюсь английским с англичанином, очень плохо говорящим по-французски, владеющим кроме английского только испанским языком, прожив больше года в Испании. На уроках только английский. Он веселый простой молодой человек, любящий прогулки и т. д. Занимаюсь еще теорией музыки с одним из конторщиков, большим энтузиастом вроде "Якова Пасынкова". Потом я теперь режиссирую "На бойком месте" Островского. Это приятно — все так стараются, все люди молодые, простые, относятся отлично»¹⁸ (илл. 4).

В клубе служащими фабрики был создан театральный кружок, в котором участвовали племянница Кузмина — Варя Мошкова, и многие знакомые, среди которых — Е.И. Венедиктова, Н.А. Розина, Ю.В. Степанова, К.П. Сорокин и другие.

Илл. 5. Константин Сомов.
Портрет Михаила Кузмина. 1909 г.

Кузмин, который поначалу не принимал всерьёз доморощенных актёров, участвуя изредка в театральной жизни советами и в качестве гримёра, постепенно увлёкся, и, как он сам отметил в дневнике 5 апреля 1909 года, «записался в кружок».

То и дело Михаил Алексеевич записывает в дневнике о присылке ему корректур с его стихами и прозой, а также о посланных ему журналах «Руно», «Весь», сопровождаемых письмами издателей. Среди его дачных знакомых — новые фамилии — Ирмшер, Лауденбах, Колобовы и ряд фабричных конторщиков, среди которых особое место отведено Феодосию Игнатьевичу Годунову, участнику театрального кружка. Ему Кузмин

посвятит цикл «Трое», где фигурируют в качестве трёх главных героев, помимо автора, его племянница Варя и Годунов.

В письме В. Иванову от 5 мая 1909 года Михаил Алексеевич сообщил: *«Потом у меня есть еще занятие. Это — моя старшая племянница, сделавшаяся из девочки девушкой; у нее вдруг отнялись ноги на нервной почве, и хотя она теперь и бродит с палкой, но занимаю ее я; вывожу на балкон, читаю, учу с ней Глинку и Даргомыжского, так как у нее есть голос нежный и сладкий, большая любовь к музыке и музыкальность, служу наперсником ее первого романа и очень с ней подружился»*¹⁹ (илл. 5).

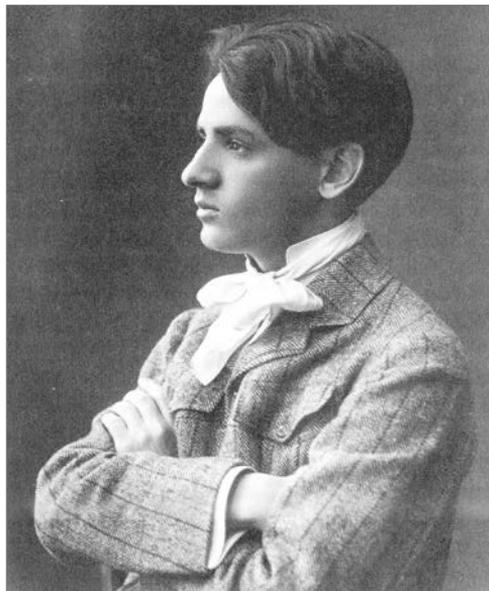
Как можно видеть из дневниковых записей, «нежная дружба» втроем (Кузмин, Варя и Годунов) привела окуловскую идиллию к полному краху. У поэта были уже размолвки с сестрой, не одобрявшей личную жизнь Михаила Алексеевича, но в этот раз, в первых числах июля 1909 года, Кузмину было решительно отказано находиться в доме Мошковых. Он будет продолжать общаться с родными и приедет не раз в Парахино — на пару недель в 1910-м и почти на два месяца в 1911-м — но прежней открытости и увлечённости страницы его «окуловского дневника» будут лишены.

В «Путеводителе по Окуловскому району» сообщалось, что в селе Полици, согласно Писцовой книге Деревской пятины, ещё в конце XV века стояла деревянная церковь архангела Михаила. В 1766 году на месте прежнего храма была освящена церковь святого Николая Чудотворца, которая в начале XX века была опять перестроена: *«Каменная*

церковь Николая Чудотворца выстроена в 1908 году стараниями земства и владельца стекольного завода и усадьбы Приволье П.П. Шатъко»²⁰.

Именно в этом новоотстроенном Никольском храме неоднократно бывали Михаил Кузмин и его родственники, и в нём же, 22 августа 1910 года, состоялось венчание «сына потомственно-го почётного гражданина, студента Историко-филологического факультета С -Петербургского Университета Сергея Абрамовича Ауслендера, 23 лет, православного вероисповедания, первым браком; и дочери дворянина Надежды Александровны Зноско-Боровской, православного вероисповедания, первым браком». Запись об этом событии приводится по Метрической книге Полищенской церкви за 1910 год. Шафером на венчании, по свидетельству Анны Ахматовой, был Николай Гумилёв, а поручителями со стороны жениха были «потомственный дворянин Михаил Алексеевич Кузмин и потомственный дворянин Александр Васильевич Рахманов. Со стороны невесты: потомственный дворянин Константин Александрович Зноско-Боровской и титулярный советник Евгений Александрович Зноско-Боровской»²¹.

Об обстоятельствах венчания в Полищах Кузмин оставил обрывочные записи: «Свадьба была в Окуловке. Я и Женя были шаферами <...> Свадьба была якобы с деревенскими обычаями, но так как сестра моя по своему прежнему нигилизму все обычаи перезабыла, то было довольно смешно. Заправляла всем сестра зятя, и я все ждал, что она будет обходить столы, приговаривая: "Поелозьте, мои гости, поелозьте, дорогие",

Илл. 6. Сергей Ауслендер.
Фотография. 1910-е гг.

на что и должны отвечать: "То и знаем, надвигаем — наелозились". Впрочем, к Ауслендеру быт русских царей Забелина не очень бы и подходил» (6 июля. Дневник 1934 г.)²² (илл. 6).

Это было самое короткое «окуловское лето» 1910 года в жизни Кузмина. Подробности происходящего в те августовские дни узнаём из его дневника:

20 августа. «Писал несколько; серо, не выходил. Приходил Годунов и Квасинин меня смотреть. Поехал встречать Женю и Гумми. Ехал назад с Женей. Звезды. У нас была зажжена лампа и сидели Екатерина Ивановна, Годунов и Квасинин. Читали еще мой рассказ. Обсуждали. Поместился с Женей в кабинете»²³.

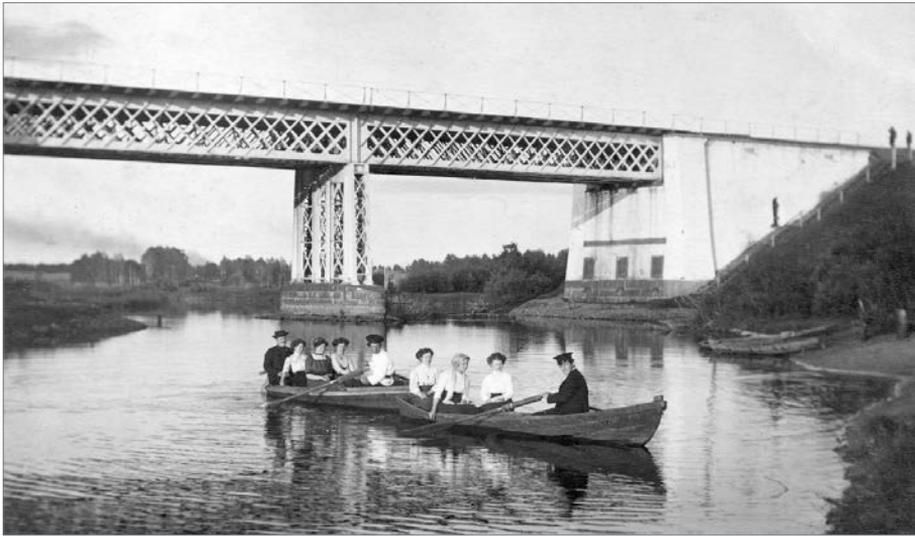
21 августа. «Болит голова, переписываю рассказ. Женя правит корректуры

или бегают по саду. Почти до одурения играли в карты. Под вечер гуляли с Женей до Новинок и потом по саду, говоря о его пьесе. Гумми в темноте беседовал с Сережей, жалуясь на мою холодность. Вечером приехали девочки. Все обсуждали церемониал завтрашнего дня»²⁴.

«Поехали с Женей на станцию встречать Наденьку. Подали лучшие экипажи,

Несмотря на то, что «окуловский дневник» 1910 года вместил в себя не более двух недель, Михаил Алексеевич привёз в Петербург новый рассказ «Высокое искусство», который посвятил Николаю Гумилёву — один из лучших рассказов на тему современного общества.

24 июня 1911 года Кузмин снова поехал в Окуловку. Дневник 1911 года

Илл. 7. Железнодорожный мост через р. Перетна.
Открытие. Начало XX в.

торжественно и волнующе, отвезли нас в приезжую. Сережа с невестой до венца не видались. Поминутные рейсы между домами, я оставался с Сережей. Ехал я с Женей на линейке. Мы незадолго приехали до невесты, так что, пока делался обыск у диакона, Наденька уже прошла к священнику на дом. <...> Было торжественно и трогательно. Присутствовали Екатерина Ивановна, Шотц, доктор, Годунов и Квасинин...» (22.08.1910)²⁵.

заметно отличается от дневника 1907—1908 годов, и особенно от дневника 1909-го. Короткие, иногда туманные сообщения:

29 июня. «То дождь, то солнце. Детский спектакль. Не важно. Вечером были разные люди, играли в карты и лото. Пишу маловато»²⁶.

1 июля. «Был в бане; что еще? Не помню. Приехала Алексеевская. Вечером много было народа. Играли в карты» (01.07.1911.)²⁷.

Или ещё короче: 2 июля. *«Не помню, что было»*²⁸ (илл. 7).

Дачные утомительные будни: редкие поездки на станцию, прогулки на Лихую кручу, на Обреченскую фабрику, вечера в клубе, лото, карты... В этот приезд Сергей Ауслендер привёз главы своего нового романа «Последний спутник», которые читал в клубе. Сам же Михаил Алексеевич работал над опереттой «Женская верность, или Возвращение Одиссея». В эти же самые дни в Петербурге шла, без особенного успеха, его комическая опера «Забава дев».

Как и в прежние годы, Кузмин писал и получал письма от друзей, издателей. *«Телеграмма, что "Забава" идет плохо, денег нет. Сапунов пропал. Ходили за грибами на Окуловское озеро. Хорошо. Дела меня не особенно устраивают. Когда-то поеду? Переводил Бирдслей. Нужно добывать как-нибудь деньги-то. Очень нужно, чтобы "Пенелопа" имела успех»*, — записал он 20 августа 1911 года²⁹. А спустя несколько дней, 25 августа, оставил такие строки в дневнике: *«Ездил к генералу Березкину. Обратная дорога через Заозерье очень*

*хороша. Неустройство с хором. Вечером зашли Малиновские и КПС. Сережа как-то жалко уехал один. Что-то будет, придет ли Глаголин денег?»*³⁰.

Это была последняя запись в дневнике Михаила Алексеевича, связанная с его пребыванием в Окуловке. Следующая появится только 13 сентября, уже в Петербурге. Известно, что 8 сентября в театре Литературно-художественного общества состоялась премьера оперетты «Женская верность, или Возвращение Одиссея». Вероятно, Кузмин присутствовал на ней. Согласно дневнику, он больше никогда не вернётся на берега Перетны.

В общей сложности он написал здесь около пяти десятков стихотворений, две поэмы, четыре рассказа, три повести, одну комедию, две оперетты и несколько романсов — то есть полноценный том, со стихами, прозой, театром и нотами. Но не меньшую ценность представляют страницы его «окуловского дневника», знакомящие нас с навсегда ушедшим миром глубинки — провинциальной уездной жизни начала XX века — глазами поэта.

¹ Бриккер Л.Э. Путеводитель по Окуловскому району. Окуловка, 2007. С. 5.

² Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 252.

³ Кузмин М.А. Дневник 1905—1907. СПб., 2000. С. 366.

⁴ Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 254.

⁵ Кузмин М.А. Дневник 1905—1907. СПб., 2000. С. 372.

⁶ Там же. С. 373.

⁷ Там же. С. 374.

⁸ Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 307.

⁹ Там же. С. 307.

¹⁰ Там же. С. 368.

¹¹ Там же. С. 378.

- ¹² Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 210.
- ¹³ Михаил Кузмин. Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 447.
- ¹⁴ Кузмин М. Дневник 1908—1915. СПб., 2009. С. 45.
- ¹⁵ Там же. С. 80.
- ¹⁶ Там же. С. 89.
- ¹⁷ Там же. С. 115.
- ¹⁸ Михаил Кузмин. Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 264–265.
- ¹⁹ Там же. С. 265.
- ²⁰ Бриккер Л.Э. Путеводитель по Окуловскому району. Окуловка, 2007. С. 7.
- ²¹ Там же. С. 8.
- ²² Кузмин М.А. Дневник 1934 г. СПб., 2011. С. 55. В данном пассаже поэт припоминает труд историка И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей (М., 1863).
- ²³ Кузмин М.А. Дневник 1908—1915. СПб., 2009. С. 233.
- ²⁴ Там же. С. 234.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 291.
- ²⁷ Там же. С. 292.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 298.
- ²⁰ Там же.

Дарья Терешкина

Много слов сказано о красоте русского языка. Начиная с М.В. Ломоносова, впервые наиболее внятно высказавшего мысль о превосходстве русского языка над всеми остальными в великолепии, богатстве, изяществе, точности и прочих качествах. Далее А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, А.Н. Толстым, К.Д. Ушинским, К.Г. Паустовским и многими другими мастерами слова выражена идея об уникальности и поражающей воображение поэтичности русского языка. Словно и нет необходимости ещё раз возвращаться к констатации очевидного.

Следует, однако, заметить, что всё, что касается богатства русского языка, обычным его носителем соотносится, прежде всего, с великой русской литературой, с творчеством известных мастеров слова — писателей и поэтов. Тем временем именно они говорили как раз не о себе, а о живом русском языке «простого» народа — то есть обывденной русской речи, русском языке вообще как языке нации, а не отдельных её представителей. Это в полной мере было явлено в самом, пожалуй, известном лексикографическом труде XIX века — «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, впервые так объёмно показавшего красоту народной русской речи.

Сейчас, когда прошло более полутора веков со времени выхода словаря В.И. Даля, до сих пор являющегося непререкаемым авторитетом в русской лексикографической науке, когда русский народ пережил несколько глобальных потрясений и, казалось бы, утратил всё то, что ещё недавно было его культурным национальным богатством, необходимо вновь вернуться к вопросу о народной речи. Сделать это позволяет обращение к региональным словарям русских говоров — диалектов, распространённых на территории современной России. Это осуществляется в последнее время очень активно на материале сибирских, севернорусских, среднерусских, южнорусских говоров, обширна научная литература о богатстве русской народной речи разных территорий, сохранившей исконные пласты общерусской и диалектной лексики. Мы будем говорить о новгородском диалекте, отражённом в многолетнем труде новгородских учёных нескольких поколений — Новгородском областном словаре.

«КАЖДОЕ СЛОВО-ТО В СЕРДЦЕ ВОЗЛАГАЕТСЯ»

*К вопросу о поэтичности народного языка
(по данным Новгородского областного словаря)*

*...имея такой язык, как русский,
мы должны понимать: поэзия неизбежна.
И пока существует этот язык,
будет происходить нечто замечательное.*

И.А. Бродский

Новгородский областной словарь, публиковавшийся отдельными выпусками с 1992 по 1999 годы¹ и изданный одним томом в 2010 году², давно оценён исследователями как один из наиболее полных и ценных дифференциальных диалектных словарей говоров Северо-Запада России. Новгородский областной словарь содержит, кроме 25 000 диалектных слов и 2600 фразеологизмов, огромный иллюстративный материал: в словарь внесены слова и примеры их употребления, записанные в Волховском и Тихвинском районах нынешней Ленинградской области, ранее территорий бывшей Новгородской губернии.

Обратимся к поэтике русской народной речи — тем её свойствам, которые напрямую отразили художественность устного народного слова, многообразные приёмы облечения высказывания

в форму, отличающую обыденное слово от слова в его поэтическом употреблении.

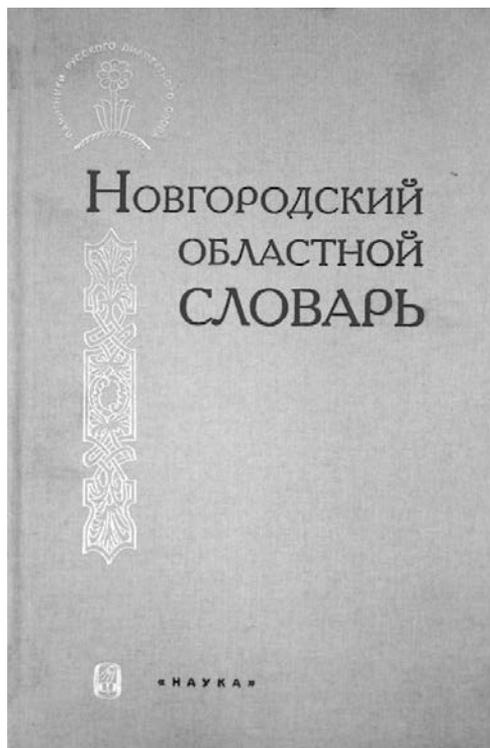
В предлагаемом материале отсутствуют собственно слова новгородского диалекта, фактически каждое слово диалектного словаря поэтично, равно как и записи фольклорных текстов — песен, частушек, ведь в них поэтичность является необходимым признаком, выделяя фольклор из повседневной речи. Иллюстративная часть словаря — запись непосредственных высказываний (фраз, предложений и целых текстов), содержащих то или иное диалектное слово, содержит наиболее показательный материал, свидетельствующий о безграничной поэтичности народной речи. Всего в нашу подборку вошло более 400 примеров-иллюстраций.

Отбор иллюстративного материала для исследования происходил в про-

цессе сплошного чтения всего корпуса словаря. Помимо исследовательских задач, этот процесс преследует сугубо личную эстетическую цель: читать Новгородский областной словарь, как любой диалектный словарь иных регионов России, — великое удовольствие. Об этом в своей недавней статье писала ведущий диалектолог и лексикограф нашего времени Светлана Михайловна Толстая: «...я лично, как и многие другие, очень люблю просто читать диалектные словари подряд»³. Это «чтение подряд» даёт возможность представить всю широту красочного полотна народного русского языка в его новгородском диалекте. И сделать выводы о том, в чём конкретно проявляется поэзия народной речи.

Прежде всего отметим самую яркую черту народной речи: эмоциональность. Всё, что попадает в поле говорящего, сразу оценивается им. В словаре фактически нет просто констатации факта или явления — сообщение об этих фактах и явлениях обязательно сопровождается той или иной эмоцией, а зачастую и экспрессией.

Выражается это прежде всего в чрезвычайном обилии и многообразии уменьшительно-ласкательных или увеличительных суффиксов. Да овчонок вячит (блеет) там⁴; Нютушкины глазки с глядельцем, красивые гораз, на полях растут («глядельце» — сердцевина анютиных глазок, отличающаяся по цвету); Тут было гнездечко, уж оны носили детям-то, самка и сам (о выращивании птицами птенцов); Сеночи така гроза была, громушко как громыхнёт; Вот хороший телятко, сосит и сосит молочко; Рано соскочит (взойдёт) солнце, будет

вёдрышко; Взяла в руки цыплёнка, малехоненький такой комочек; Ваня косил и пять зайченёнков и выловил; Теленчишка по спине не гладь, захилеет; Всё же дождь захватывает сенцо; Раньше травку заваривали: земляничничек да малинник. Зачастую в одной фразе используется несколько лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами: Загони животинку на ночь в клевец; Божий барашек, как ягнёночек, блеёт. Это маленькая птюшка (речь идет о бекасе); А бяшутками ласковая хозяйюшка своих овечек называла — бяшутки мои, бяшеньки. Эмоциональное отношение наблюдается при констатации фактов обыденной современной жизни, причём

А

Абакáниха. > Участок леса. Бор.
Аверья́н, -я, м. То же, что **аверья́новка.** Ст.

Аверья́нка, -и, ж. Валерьяновые напид. *Давно это аверьянку, с Новгородки привезли.* Кр. + Новг.

Аверья́новка, -и, ж. Лечебная трава валерьяна. *Вот валерьяновка, люди говорят, потом напидовали.* Сол. Мы с тобой всё хотели собрать аверьяновку, правильно-но овалерьяновка называется. Ст. + Валд., Кр., Мар., Новг., Пест.

Агáниха. > Участок леса. Ок.
Агрóнмика, -и, ж. Липо женского пола, спешащие по агрономии. *Сын агрономову был.* Под.

Ажно (ажнеу), совоз. Следствие. Так что. *Она жила однажды шааринила, ажно ишери с глаз поспалили.* Новг. До чего замурилась соседка, ажно сердечко пригасит. Валд. + Вол., Моль, Мош., Пест., Под., Полав. Ст., Тихв., Уторг., Чуд. *Чагаев, эриш, воляки вина, ажнеу не мариш.* Уторг.

Ажно, част. 4. Усилит. Давно. *Оно несомно, ажно каричное.* Чуд. *Ажно суди мне, как слажу я на тебя.* Валд. + Бат., Вол., Дем., Мал., Мош., Новг., Ок., Пест., Сол., Ст., Тихв., 2. Отриц. Только Ажно дали 30 %, как прожить. Мал. 3. Вопросит. Разве, нуужели. Употребляется в риторическом вопросе, представляющего отрицательный ответ. *Да и ты-то ажно така была, ковои я кишчала?* Мош.

Ажнуть, част. Усилит. Давно. *Ажнуть чирки с нас сокосаиват.* Люб.
Аиньки, медвед. Восклицание, выражающее удивление, восхищение. *Пришли в лес. Аиньки! Все баровки в лесод.* Вол.

Ай, совоз. 1. Радует. Или. *Дай пруд ай намено, пруды баровки.* Пест. + Новг., Тихв., 2. Вопросит. В начале вопросительного предложения с отглагольным предположением. *Ты чего на меня глаза обдулила? Ай вперёд говори?* Оп. Ай и двирце сина всё потерялось? Хв.

Айдá, медвед. Употребляется как название игры, сопровождающейся окриком айда, попер. *Играли в айда, а релешки бор.*

Александровское. > Место в лесу. Бор.

Алёк, -я, м. Комнатное растение с розовыми цветками. *Вот у меня на окне стоит алёк, розовым цветет.* Ст.

Алёчек, -я, м. Ум.-ласк. и **алёк.** *Лёбло алёчек, на окне смотрит.* Ст.

Али (аль), совоз. 1. Радует. Или. *Пон спрашивает: по любви желается али нет.* Чуд. + Бат., Бор., Валд., Вол., Дем., Др., Кр., Люб., Мал., Моль, Мош., Новг., Ок., Оп., Парф., Пест., Под., Тихв. *Честере дожила аль три.* Уторг. *По слому аль по человеку устави надо.* Мош. + Валд., Мал., Ок., Пест., Хв., Холм., Шим. 2. Повинит. Соответствует по значению словам то есть, иначе. *Варежки шерстены, али динки. Разделись, али сдишись, ковои приходишь в дом.* Чуд.

Али (аль), част. Вопросит. Разве, нуужели. *Али забыла, как в сапог вошла?* Кр. + Пест. | 3. Отглагольным предположением. *Аль это Минька пришла? Пест. Ну чего же стоишь-то? Аль делать нечего? Новг. Что ж ты заделае посте гриппа? Аль не оше годил.* Под. + Мал., Шим.

Алты́шино. > **Алты́шино Второе.** Алты́шино Пёрвое. Сенокосные угодья. *Покосы-то у нас есть: Валент, Ленивская Полюса, Алты́шино Пёрвое, Алты́шино Второе, Вранцево.* Хв.

Ально, част. Усилит. Давно. *Третьего дня ально гласило было.* Мал. *Там раскочило, болело, ально красит она.* Хв.

Амбару́ха, -и, ж. Хозяйственная деревянная постройка; сарай. *Пущика — така амбарука, мякину ступали, делали из дров, голый край.* Кр.

Амбару́шечка, -и, ж. Ум.-ласк. и **амбару́шка.** *Была амбарушечка у нас.* Новг.

Амбару́шка, -и, ж. То же, что **амбару́ха.** *Оклевуха, а там амбарушка, за амбарушкой и речка. У вожинной*

лись; Ну и свельнуло! (о молнии); Молния свилик только да трах, а я и без памяти упала и лежу.

Один из наиболее частотных приёмов в народной устной речи — наделение неодушевлённых предметов и явлений чертами и свойствами живого существа. Причём олицетворение это не простое. Например, в литературном языке река имеет исток и устье, а если говорят «бежит река», это уже олицетворение. А вот читата из Новгородского областного словаря: *В реки хвост — это когда она в озеро входит, кончается значит, а голова — это откуда река течет. Если ехать по течению, поедем в хвост говорится, а против течения — в голову.* Река здесь вся представляется как живой организм, располагающийся на земле, подобно большой рыбе или змее, и человек относится к ней соответствующе, понимая, что, находясь на реке или около неё, он вторгается в пределы бытования живого существа. Это олицетворение гораздо более высокого уровня — олицетворение образное. Из того же ряда: *Э, туча-то пыжилась, пыжилась да и напыжилась, дождь пошёл.*

Ещё примеры олицетворения в речи: *А мы теперь уж не можем работать: годы наши ушли; Ступни сплетут с лык с голенищем, с головяшкам. Такой носок толстой, так что ножка-то как куколка. Идешь по дорогам бывало да так легко (рассказ идёт о лаптях); Когда кукушка на голый лес кукует, то голодный год будет, а нонечь не куковала, покуль не распыркался лес (распыркался — быстро покрылся зеленью); Погода-то сбилась (испортилась), не таким тоном поёт; Сеночи (прошедшей ночью) така*

уменьшительно-ласкательные суффиксы зачастую относятся к неодушевленным предметам: *Сено в машинушке повезли, ни одной сениночки не осталось*; а подобному именованию, вкупе с глаголами, относящимися к одушевлённым предметам, удаётся и смерть: *Топеря пожила б, да смерёдушка скоро придёт.*

Описание эмоций даётся в прямых именовании эмоциональных состояний: *Засинело так, потом как грымнуло, опешили мы; Страхота была, я потом в нерв вошла (в возбужденное состояние); Она, медведица, как заревит худым голосом, у меня волосы шапкой подня-*

гроза была, громушко как громыхнёт. Я думала, и избёнка моя кувыркнётся; В деревни первый дом споткнувши (наклонился набок).

Ещё одна частотная фигура народной речи — сравнение. Простое, развёрнутое, отрицательное сравнение — широка палитра примеров сравнений, применяемых носителями диалектного языка. Вот примеры: *Осиновы-то дрова худые, не гаркие*; потому и говорят: *худая любовь хуже осиновых дров; Смотри, кума, платье-то до чего красивое, так горьмя горит* (выделяется красотой, нарядностью); *Вот палка идёт и столько-то тут вот грабелек, звёзды как грабельки. Грабельцы видны, настановятся звёздочка к звёздочке подрядовочку, вот и грабельцы* (речь идёт о созвездии Ориона); *Лёгкие, как игрушки, грабельцы* (о деревянных граблях для сена); *Повесила бельё, оно бело-бело, как снегу ком; Бывало, как ветер подыметя там, буй да юр такой, как черти будто пляшут; Сено, как малина, хоть сам ешь; Сено в том стоге было — хоть чай заваривай; Сколько горя она перенесла. Сейчас вон ходит, как тень загробная; Как свечка топиться перед Богом; У него мальчонка, как топор за поясом, всегда помогает отцу.* Очень часто сравнение применяется в сочетании с эпитетом (ярким определением предмета, лица или явления): *Говорит, как топором по шее рубит, до того резкий парень; Ветер густой, как шубой покрывает, оттепель будет; Конфеты-то какие жёстокие, не разгрызть, что каменьё*; а также в сочетании с фразеологическим оборотом: *Вот и расселся он за председательским столом, как журав на сосне* (на не свой-

ственном кому-либо месте), *хлопает бестолковыми глазищами; Вот сегодня день-то стоит как в лукошке, ни ветриночки, ни колнет; как в лукошке погода стоит.* Примечательно, что в сравнительном обороте реалии нового времени могут быть тем, с чем сравниваются реалии природного мира, а не наоборот: *Крылья, что у ероплана, стрелкам зовут, длинные таки стрелки-то* (информант описывает стрекозу).

Диалектная речь полна огромным числом самых разнообразных фразеологизмов, причём их палитра гораздо более широка, чем в современном нам литературном языке (как известно, обеднение разговорной речи современного человека происходит прежде всего в виде исчезновения из речи фразеологических оборотов). Встречаются в новгородском диалекте как варианты известных общелитературных фразеологизмов, так и уникальные, зачастую с высокой долей экспрессии: *Без судьбы и волос не гинет; Лучшие буду глотать солнце* (бездельничать), *чем пойду на работу; Работы до глотки мне было* (много), *да уж мы хорошо и пожили; Когда освободили нашу местность, стали жить на голом камешке* (на пустом месте) (речь о Великой Отечественной войне); *Целые каникулы слонов по деревне гоняли* (бездельничали); *Жили, горе возили; Он увёз отсюда ва тёщу, чтоб люди не граяли, зубы не точили об ей* (не говорили). Наблюдается сочетание фразеологизмов в одном высказывании: *Хоть пол грызи — никак было не успокоиться, всю ночь клубком каталась* (речь идёт о сильной перенесённой боли); *А на поле-то работают теперь два полных, третий не целый*

(мало людей); *Две капли дворянской крови* (о человеке, который кичится благородным происхождением); *Я уже другой век живу* (долго); *А живём как лапти плетём, всё есть, дети большие, хорошо живём*; *А мы что — живём как нарочно, жаловаться грех*; *Пётр-то живёт, как со смолы тянется, и всё болеет*; *С мужем жила меж обедней и заутреней* (недолго); *Соломы накачено на адамовы века* (собрано столько, что надолго хватит); *Не верь ты этому балабану, наговорит, наобещает воз до небёс*; *Он тожо такой просмешиливый человек, на зубках носит людей*; *Это теперь не танцуют, а беса в ступе толкут* (топчутся на одном месте); *Деревенька маленькая, ворон костей не носит, глушь*; *А мне вчера и в рот не въехало спросить* (не догадалась); *Что выставил зубы на просушку?* (смеёшься); *Так он, бедный, напугался, что прибежал и полбуквы не сказать*; *На неделе дед копытца сложил* (умер); *Фамилия мимо рта суётся* (не вспоминается); *Пришёл мой мужёнок пьяный да рваный, как черти тискали*. Лишним будет указывать, что в высшей степени экспрессивные фразеологизмы соседствуют с не менее выразительными глаголами и прилагательными, дополняются экспрессивным синтаксисом и интонацией, мало передаваемой записанным текстом и лишь восстанавливаемой согласно предполагаемой речевой ситуации.

Уже упоминавшиеся эпитеты часто становятся важнейшим приёмом в высказывании: *Снег ночью, это живой снег, не зима, растает* (живой — недолговечный, непрочный); *Ах, какая туча выползла белохребтая*; *Белузговатая* (серовато-белая, светлая) *туча*

сердитая; *Севечор* (прошедшим вечером) *заря калёная была*. Эпитеты могут преобразовываться в существительные: *Вон белынь* (белая туча) *какая ползёт, бойко*; *День хороший, самокат* (солнечный день).

Фигуры речи представлены в новгородском диалекте так же широко, как тропы.

Частым поэтическим приёмом становятся в народной речи повторы, также нередко в сочетании с выразительными лексемами и экспрессивными фразеологическими оборотами: *Если комары гущу толкут — кучкой собравши и милидят-милидят, то завтра будет вёдро*; *Мушки такие толкачи, толкачи небольшие, закулемесились толкачи, как сикаши, только побольше, толкачи завертелись, к дождю завертелись*; наблюдаются повторы, употребляемые в фольклорных текстах: *Кругом, куды ни глянь, ямы да жёлоба, кручи да ложбины*. Применяются риторические вопросы, хотя сама речевая ситуация как будто их не предполагает: *Ох и репя* (репа) *у тебя выросла, аж завидки берут. Где только такие семена люди берут?* Используются антитезы: *Бегала в поту, а есть одному коту* (мало сделать при большом усилии); *Век прожить — всяко наживеешься, худо проживеши и хорошо, и середненько и бенненько*.

Разнообразны в диалекте многочисленные онимы — именованья людей, топографических единиц, животных, насекомых: *Тихоню называли гмыра*; *слова не добыть от него, а сам ядовитый* («гмыра» — угрюмый, молчаливый человек); *Лежи, гнилотьё; болеет, а поливать пойду* (говорящий обращается к тяжело

больному человеку, порывающемуся работать); *Последний на толоку придет и скажем «головешка»*; *Он такой жом, что ничего не даст. Таких жомов свет не видывал* (жом — жадный, скупой); *В миня внучка есть, букахой зовут, что малинька больно*; *Такой-то старбень* (старик), *а туда же — жениться*; *Смотри-ка, опять фитиль приехал* (долговязый человек). Информанты сами объясняют обилие именованных людей по разным признакам: *Раньше у нас и прозвищ много было, чёго только друг на дружку не налаживали*.

Интересное явление народной речи — обращение к событиям текущей жизни, часто с оценочным оттенком: *Обещали по радиву безветерье, опять жарница будет*; *Увалился ероплан, горячее на них, так и засопотали* (затрещали); *Приезжал ко мне внук на мотоцикле, так на ём так и прискакивает человек. Кабы затряхнул-то он до смерти, а то останется калекой*; *У Гагарина зубы всегда на просушке* (улыбчивый); *А теперь вон кукуруза сам сама не родит, королева-то полей* (кукурузу называли «королевой полей» в период так называемой «кукурузной кампании», когда Н.С. Хрущёв с середины 1950-х годов пытался распространить эту культуру на всей территории страны; инициатива оказалась провальной; *сам сама не родит*) — значит не даёт в приросте даже тот объём, что посажен изначально).

Очень занимательны в речи жителей Новгородчины упоминания местных реалий. *Этот Клопский монастырь сладутный* (известный), *его все знают*; *Город Киев, он сладутный, как и Новгород*; *Старинный ваш город Нов-то город,*

остался город из-за воды, а то татаровье рассадили бы его (на самом деле, Новгород, как известно, от нашествия монголо-татар спасли непроходимые чащи и болота новгородских лесов). Примечательны подмеченные в речи новгородских жителей характерные особенности местных рукотворных сооружений: *Сиверсов канал восемь километров, как кнутом стёгнут, Московская-то* (улица) *как кнутом стёгнута: всё видно от начала и до конца, прямая*. Яркий фразеологизм «как кнутом стёгнут» обозначает прямую линию, которую действительно представляет собой и Сиверсов канал, соединяющий Мсту и Волхов, и Московская улица Великого Новгорода. Местные реалии отразились ещё в одном фразеологизме — «*Русса и Ладога*» — многое, всё: *Шветова Лена, она наговорила Руссу и Ладогу*; *Чего мы только в жизни не видели, как говорят, Руссу и Ладогу обошли*.

Чрезвычайно интересны отражённые в Новгородском словаре примеры осмысления собственного речевого поведения. Это один из признаков особого отношения говорящих к речи, определения места языка в жизни народа, своей собственной. *Да ведь это как сдумается, раз так скажешь, а другой раз — другая-ко*; *Чего ты димостишься?* «*Димостишься*» — *нехорошее слово, надб бы сказать, чего ты делаешь* («димоститься» — бесноваться); *Душу в ад посадила, покуль лён трепала; уйма костыги с него так в глаза и летит, и не хошь матюгаться, да будешь*; *Бывало, пойдёшь боронить, как запоешь песни, только гулы по лесу идут*; *Каждое слово-то в сердце возлагается*; *Самотышка, так раньше*

называли велосипед; Больно страшно называть змей, я всё погаником и называю. Говорящие точно понимают, какие слова уже на момент речи воспринимаются как «старые», отживающие: *Это старокоренное слово-то вёдро-то*; указывают, что то или иное слово уже в их «слое» (поколении) не употребляется: *Баской (красивый) — постановный, раньше звали, всё больше парней. В моем слою уже не звали, слышала от стариков.*

Иллюстративный материал Новгородского областного словаря демонстрирует важнейшую характеристику особенности народной речи: абсолютную открытость человека миру, включённость в текущую жизнь, вовлечение существующей на момент речи действительности в своё поле как коммуникативной личности. Это может быть непосредственное обращение к кому-то рядом: *Рубахи стираешь, что ли? Беленько тебе, Анисьюшка!*; *Девка-то наша от смеху, смотрите, кулем валяется; Сватья с крутым сердцем (грозовая туча) подходит, шевелитесь, лентяи, эн забегали как у сена-то; Сераз (на этот раз, сегодня) вовремя справились почивать, тушите свет; Ну что ты схиврилась (расстроилась, огорчилась)! Ежели из-за пустяка так убиваться, так и до старости не доживешь; Мама, для чего ты их соблюдаешь, письма-то? (хранишь); Пора укрываться, глаза закрывать (умирать), птюшечки родные; Оленька, смотри, как сикашки (муравьи) свой домик строят; Пойдём, послушаем мужиков, они опять байки травят.* Это может быть просто реакция на кого-то из сельчан, попавших в поле зрения говорящего (причём ре-

акция заинтересованная, снабжённая целой гаммой эмоций): *Пойдём, заглянем на середоуху, что там у них (середоуха — вечернее собрание подростков); Бежит беговиной, только грязь разлетается в разные стороны, спешит гораз куды-то Лидка-то; Вон уж куда покатила, только платок смеlegaет (мелькает); Откуль Вовка-то выскочит и сучит сзади на велосипеде.* Эмоциональные высказывания сопровождают ситуации, так или иначе вызвавшие речевую реакцию говорящего — позитивную или негативную: *Куда он, гадина, собрядился (спрятался)? (о спрятавшемся мальчике); Это на каждое письмо квитанцию будете писать, сгазнешь здесь (устанешь до изнеможения) (о долгом оформлении документов на почте); А что это за собинник? Его можно пропустить без очереди, а остальных нет? (об «особенном» человеке, которого где-то пропустили без очереди по не понятным людям причине); Фу, кака страшила идёт, Ой, какой страхолюдина пошёл (о проходящем мимо некрасивом человеке); До небес скарабались звёзды посмотреть (об освоении человеком космоса); Сплакали там на кине (о чувствительном фильме, показанном в колхозном клубе); Теперь танцуют, сцепятся друг с дружкой и ходют, шмыкают ногами, а мы так кружком танцевали, по две штуки (о впечатлениях от современной молодёжной дискотеке); А я уж сгадала, о чем он толкует, а виду не подаю, жду, что дальше будет (о «психологическом эксперименте», проведённом автором высказывания с кем-то из своих собеседников); Ижно хирург заплакал, весь сгоревше я был (о перенесённом горе*

и реакции на него другого человека); *Что там за шум? — Да бабы чего-то у магазина хлопочут; Эво, носится, как черт на ходулях; Дяденька, чигни (подкинь ногой) мячик, а то бежать за ним далеко; Машины-то чиркают мимо; Вон кака-то баба на пруду бельё зыбаёт; Внучок и зыбаётся, передраживает меня; Я думаю, что у ей за туфли, а у ей мои подиоканы, поддедюлила и пошла (о соседке, присвоившей туфли говорящей). В поле заинтересованного внимания говорящего попадает вся окружающая его природа — цветы, ветер, туча, дождь, насекомые, домашние животные: Хорошие цветульки; Чернина эта (чёрная туча) куды-то ушла, эво уж светлина кака-то проявилась; Ветер откуль-то взявше, да такой могутной; Дождь-то мокрый какой, проливной; Кумарам-то хвост поджануло: дожди да дожди всё; По подлавам как начали стрелять котятта-то; Мышь в подпечье сиганула; Пройдет туда туча в поза-речье (место за рекой). Наконец, внимание может быть обращено на самого себя, словно воспринимающего говорящего со стороны партнёра по общению: *Не фотографируй нас, мы зрящие (непривлекательные), нехорошо одеты.**

Примечательно, что годы советской власти не вытравили из сознания носителей новгородского диалекта счёт времени по церковным праздникам: *Так трескат (о громе) в Антоний. Антоний — сердитый праздник (16 августа — память Антония Римлянина); Иванов день — Тыквенник, Ивану постному в сентябре и Александру Невскому на второй день (церковный праздник 11 сентября); Самый клон лета с Пе-*

*трова дня (12 июля). С Петрова дня лето меняет направление, идёт под уклон, к осени. Примечателен рассказ о дне памяти новгородского святого Михаила Клопского, в котором вольно пересказан эпизод из жития святого, которое рассказывающий, видимо, знал: *Прихоженье было тут на днях, шестого июля; ешишо Прихоженье есть зимой, четырнадцатого февраля. Ведь Клопский-то два раза к нам приходил, не ладилось что-то с народом, невзлюбили его, он и ушёл, а потом вернулся; видно, что-то тянуло его сюда.* Прихоженье — церковный праздник, память Михаилу Клопскому, празднуется 11 января и в третью неделю по Пятидесятнице.*

В нашу подборку не попали те интересные высказывания жителей Новгородчины, в которых подробно описываются реалии их жизни, в особенности те, которые постепенно уходят в небытие, забываются. Однако некоторые из таких рассказов поразительны. В статье под словом «самоклажа (самоклада)» со значением «общая могила» приводится такой иллюстративный материал: *Самокража, а было самокрада: вымирал народ, сам клал себя в гроб, раньше ложился в гроб, на доску, чтоб потом скатиться в яму. Самоклада, самокража.* Разъясняя слово, говорящий раскрыл ужасающие подробности обстоятельств вымирания в эпидемии целых населённых пунктов, когда уже и хоронить умиравших было некому; людям приходилось самим заботиться о своём захоронении после смерти.

При этом в любом, самом, казалось бы, обычном высказывании обнаруживается великая глубина мысли народа,

его прочная философия бытия. *Не приходится утакивать* (загадывать, строить планы на будущее): *думаешь, так будешь жить, а оно иначе оборачивается*; *И у кошки свой обряд* (повадки); *Лёгости стыдно просить у Бога* (облегчения); *Людей, милая, не чужайся, люди добрые, они помогут завсегда*.

Полна речь простых людей и эстетики жизни — чувства прекрасного, которое не оправдывается практическими задачами и потребностями: *Часиков (полевых гвоздик) в букетик добавить, и оживёт всё*; *Чуешь, как лес-то шумит?*; *Я зель (зелень, растительность) люблю до страсти, ничего мне не надо, было б всё в зели*; *Вон клинец какой в поле врезался, а корчевать жалко: уж больно красивые берёзки там*; *Погодка-то ныне лепота*; *Прокатило красно летушко*.

Есть в словаре тематические группы, которые отличаются наибольшим разнообразием словоформ. Можно лишь предполагать, что это те явления жизни, которые ближе всего человеку, окружают его непосредственно или напрямую влияют на его деятельность, самочувствие, а иногда на саму жизнь.

Во-первых, это состояние природы, погода, причём в её важных для сельского жителя состояниях. Особенно — непогода. Гроза, буря, тучи, дождь, ветер — всё это находится в области пристального внимания человека, именуется множеством лексем. Так, тучи в их номинациях в новгородском диалекте различаются по цвету, объёму, форме, расположению на небе, наличию отличающихся по цвету краёв и т. д. Дождь приобретает множество оттенков общего значения «атмосферные осадки

в виде струй или капель воды» и различается в диалектных именовании по интенсивности, протяжённости, чередованию с солнечными периодами, производимому эффекту (гниение сена, появление грибов). Так, один только мелкий затяжной дождь имеет следующие именовании: *морокось, морокун, мороса, моросейка, моросиян, морось, моросня, моросун, моросуха, морошан*.

В тематические группы наиболее представительных рядов именовании входят животные — коровы, телята, овцы, ягнята, кошки, котята (*котёнок*, например, — ещё и *котенёнок, котёнчишко, коток, коточек*); рыба (она различается по размеру, жизненным периодам (перезимовавший молодняк, однолетки, двухлетние и т. д.), муравьи (муравей — он *муракиш, мурах, мураш, мурашек, мурашок, сикаш* и т. д.). Из растений почему-то чаще всего и с тёплыми чувствами упоминается трава «*кукушкины слёзки*». И, несомненно, главное внимание в народной речи отводится человеку: его внешнему виду, характеру, привычкам, способу взаимоотношения с миром и другими людьми, его жизни как череде радостных и печальных событий.

Иллюстративный материал Новгородского областного словаря даёт такой богатый языковой материал, такое многообразие речевых ситуаций, что при чтении его как книги складывается широкое, многомерное и красочное полотно жизни обитателей Новгородского края, а через него — всего русского народа, неутомимого труженика и вдумчивого, сметливого народного мыслителя и поэта, ни к чему не относящегося равнодушно, включающего в свой мир

всё окружающее — природу, людей, самого себя, иронично и здраво, просто и глубоко осмысливающего всё происходящее в этом мире, данном человеку Богом. Всё, что поименовано народом, освоено им. В это «всё» входит простое и сложное, маленькое и большое, родное и чужое, далёкое и близкое, горе и радость, красота и уродство, здоровье и болезнь, любовь и вражда, счастье и испытания, война и мир, голод и довольство — и прочее всё, что входит в окружающий человека мир. Язык становится своего рода системой координат, при помощи которой человек ориентируется в пространстве и времени, понимает окружающих и себя самого, замечает новое и оставляет как уже знакомым.

Эта картина мира сложна по своему составу, как весь мир, в котором страдание соседствует с наслаждением жизнью. Невозможно назвать эту картину мира «пессимистической»⁵, ибо всё, что происходит в жизни трагичного, народ не боится именовать и принимать как часть жизни; нельзя также сказать, что эта картина мира представляет собой одну радость и приятие. Однако совершенно определённо можно отметить следующее: обилие поэзии в языке, изображающем картину мира народа, на нём говорящего, не может не представлять и жизнь как поэзию. А в ней — как в любой высокой поэзии — всегда есть ода и элегия, дума и лирическая песня, плач и гимн человеку и Богу, «сведущу тайная». Недаром как будто случайно высказана кем-то из жителей Новгородчины сокровенная мысль: *Каждое слово-то в сердце возлагается.*

Я

Я. Δ Как и не Я. Такой же и хуже меня. Она как и не Я, любить все стала. Мал. **Подо мной.** Младше меня. Дел было, люди мной сестра приятю не прощай была. Новгород.
Яблоко, -я, ср. 1. Клубень картофеля. Яблоко же больше на мой стороне. Хв. 2. Плод на стебле картофельной ботвы. Во же скоро яблоки картофельные привезли. Хв.
Яблонца, -я, ж. Юмют из яблок.
Яблонный, -ая, -ое. Яблонный. Листья яблонки заваривается, и пьют от горла. Новгород.
Яблочьши, -я, м. Пренебр. Яблочьшишником так и жидок, продают. Отлично все яблочьши жидкостями от. Ох. Яблочьшиство все избравши.
Мал.
Яблочник, -а, м. Пирог из картофеля. Баранчик - яблоко, а пирога - яблочник. Пест.
Яблочница (Яблонница), -я, ж. Похвалба из тушеного картофеля. Каша яблонница, каша картошница, она жидкая похвалба, ерде сры на картошники, кашки похвалит ошениой, сори и яблочница. Мош. Яблонница — сры, в котором похвалит картофелем и кашей. Пест.
Ягловка, -я, ж. Вид растения. Листья в стеблях ягловки имеют треугольную форму. Сал.
Ягленочка, -я, ж. Овечка. У её стебля ложбинкой, желтиной овечка. Бат.
Ягненчшко, -а, м. Пренебр. Ягненчшко, Волк овечьими в повороте, слышны зрелищныя. Ох.
Ягница, -я, ж. Суточная овца. У яглиц сейчас же овечьи яглицы нет. Чуд.
Ягнаться, негов. Родиться. О змеех. А змеега-то ягнаться, рожен в огнью. «Каким змеега?» — «Гибель забирется на дерево, она (змея) и с собою поведет». Кур.
Ягода. Δ **Винная Ягода.** Пира. В саду растуща у меня сейчас кромешника ягода, смородина, крыжовник. Винная ягода или коринкой называют. Хв.
Медвежи ягоды. Полукустарник с несъедобными плодами. Медвежи ягоды были; она растут также в лесных, там кривые и черные ягоды. Мур.
Потухобы (потушынные) Ягоды. Плоды шиповника. Ст. + Ох. Хв. **Пьяная Ягода.** Малина. Малина у нас пьяной ягодой зовется. Хв.
Ягодина¹, -я, ж. Ягода. Земляника — первая ягодина, черная смородина. В это время жидкая ягодина поестши. И за ягодина за сорок, за сорок за сорок. Мош. Ягодина да ягодица — всё седи да ягодица. Сал. + Люб. Милы. Тихв. Холм.
Ягодина², -я, общ. Любимый человек. Ягодина — дурман, дьявол. Дем. Давидко, срыл парте в бочку, шидит сры и зовут: «Вот мой любимый человек». Под. Малюго зовут ягодина, зрыл, и рывале жиди шире. Мош. + Бат. Бор. Вал. Мст. Новгород. Ох. Пест. Сал. Ст. Хв.
Ягодина³, -я, ж. Ласк. и ягодина⁴. Неудачно так зовется сорок. Ох. + Новгород.
Ягодичочка, -я, общ. Ласк. и ягодина². Гудило и рывети, квалеры медовики, криштка, ягодишочка, ягленка. Погодите, не слышите, бегеж сменяшочка, проты на Ягнера присиди ливка ягодишочка. Мош. Ягодишочка с ягодица, я в него кабылался. Хв. + Бат. Бор. Вал. Дем. Люб. Мал. Новгород. Ох. Ох. Поляв. Сал. Ст. Холм. Шем.
Ягодичьши, -я, м. Пренебр. Ягодичьшишником бы кашки набрала. Ох.
Ягодка, -я, общ. Любимый человек. До того было срыче, похвалит, слышны слыши. Пичу, слы не окриво — брыл ягодица ягодица. Бат.
Ягодник, -а, м. 1. Вогрушка с начинкой из ягод. Валх. + Тихв. 2. Борозна для выд. Под.
Ягодница, -я, ж. Малювая корзиночка для ягод. Изборщина, ягодица зовут, едят малювую корзинку. Ох. + Дем.

«Русский язык! Тысячелетия создавал народ это гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое, умное поэтическое <...> орудие своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого будущего <...> Дивной вязью плел народ невидимую сеть русского языка: ярко, как радуга вслед весеннему дождю, метко, как стрелы, душевного, как песня над колыбелью, певучего <...> Дремуший мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь» (А.Н. Толстой).

Это осознание сопричастности каждого человека всему народу, всей России выражено в уникальном высказывании,

зафиксированном в Новгородском областном словаре. *Уж 80 годов, как она на Русь вышедши, а сроду не баливала* — говорит о соседке кто-то из жителей деревни Старорусского района. «*Выйти на Русь — родиться*», — буднично толкуют составители словаря этот фразеологизм.

Формально это верно. А если смотреть на слово, как на именованье основополагающих для человека реалий бытия, выражение «*выйти на Русь*» означает с рождения стать сопричастным великому народу и его великой поэтической речи. И соответствовать им.

¹ Новгородский областной словарь / Авторы-сост. А.В. Клевцова и В.П. Строгова при участии Л.Я. Петровой (в трех выпусках) и А.В. Никитина (в одном выпуске); отв. ред. В.П. Строгова; научный конс. А.С. Герд. Вып. 1—12. Новгород, 1992—1995. Дополнительный выпуск: Новгородский областной словарь. Вып. 13 / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; [авт.-сост. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова; отв. ред. В.П. Строгова]. Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та, 2000.

² Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников; [авт.-сост.: А.В. Клевцова и др.]. СПб: Наука, 2010. (Памятники русского диалектного слова / Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед., Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого).

³ Толстая С.М. Заметки на полях «Новгородского областного словаря» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2017. № 3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zametki-na-polyah-novgorodskogo-oblastnogo-slovarya> (дата обращения: 21.07.2022).

⁴ Цитаты указаны по изданию Новгородского областного словаря в 13 томах (выпусках). В иллюстративной части Новгородского областного словаря, как в большинстве диалектных словарей, сохранены фонетические особенности разговорной диалектной речи.

⁵ Овчинникова Л.Н. утверждает, что в диалектной картине мира отражён пессимистический и бескомпромиссный взгляд на мир (см.: Овчинникова Л.Н. Диалектная языковая картина мира в социально-культурном аспекте (на примере глагольных метафор русских народных говоров Среднего Урала) // Политическая лингвистика. 2006. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektnaya-yazykovaya-kartina-mira-v-sotsialno-kulturnom-aspekte-na-primere-glagolnyh-metafor-russkih-narodnyh-govorov-srednego-urala> (дата обращения: 28.07.2022). Исследователь делала вывод на основе анализа не всего корпуса словаря русских народных говоров Среднего Урала, а лишь на глагольных формах, что, вероятно, не отражает всей картины мира диалектоносителей.

«Русское народное искусство, как и искусство любого народа, — это, прежде всего, мир особого отношения человека к своему труду, к своей деятельности вообще и жизни в целом. Мировоззрением народа является его трудовая деятельность, быт, его обряды. И предметы народного искусства — все без исключения — всегда были в употреблении; ими работали, они помогали человеку даже тогда, когда служили празднику, ибо крестьянский праздник, как и всякий народный отдых, — часть трудового быта...»

Народное искусство радостно, и радостно потому, что труд доставляет радость», — писал академик Д.С. Лихачёв¹.

Владимир Ярыш БЕРЕСТЯНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Берестяное ремесло в Новгородской губернии характерно своей утилитарностью. Берестяной промысел, как, например, Северодвинский (конец XVIII — начало XX века), Шемогодский в окрестностях Великого Устюга (середина XIX века) или Нижнетагильский (конец XVIII — начало XX века) в Новгородской губернии не сложился. На самом деле, традиционные народные промыслы появляются там, где сходятся несколько обстоятельств. Искусствовед Мария Александровна Некрасова пишет, что такие промыслы развиваются стихийно и зародиться они могут по инициативе одного-двух мастеров, что в деревенской среде всегда есть потенциальная возможность зарождения промысла и толчком может послужить

Корпус туюска
с внутренним цилиндром из листа бересты,
сшитым внахлест, оплетённым корпусом.
XIII в. Ø 8 × h 6 см. КП 25295

¹ Лихачёв Д.С. Предисловие // Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры: теория и практика. М., 1983. С. 5–6.

Крышка туеска
с циркульным орнаментом
и угловой плетённой, выполненной шилом.
Вторая половина XIV — начало XV в.
Ø 12 см. КП 38647

неурожайный год, наличие торговых путей, необходимость в дополнительном заработке, внутренняя потребность мастера (двух мастеров, группы людей) в творчестве [3, с. 86–90]. Но всё же это не даёт объяснений, почему, например, в Нижегородской губернии зароди-

Фрагмент корпуса туеска
с орнаментом плетённой,
шилом и сквозной прорезкой ножом.
XV в. 40 × 6,5 см. КП 37583

лись несколько промыслов: городецкая, полховско-майданская, семёновская, хохломская росписи, жбанниковская глиняная игрушка, балахнинское кружево и другие, а в Новгородской губернии зародился только один — Крестецкая строчка. Неурожайных лет не было? Отсутствовали торговые пути? Не было необходимости в дополнительном заработке? Или внутренняя потребность мастеров в творчестве отсутствовала?

Всё это, очевидно, было. Фактически особенности берестяного ремесла в Новгородской области можно разделить на «археологический», городской период, датируемый XI—XV веками, и «этнографический», крестьянский, датируемый второй половиной XIX — XX веком. Эти две культуры, по сути, оказались разными: вторая никак не вытекает из первой. Между ними пропасть в четыре столетия. Первую мы узнали благодаря археологическим раскопкам последних десятилетий, вторую — по многочисленным музейным коллекциям. Первая культура, городская, рафинированная, конечно, взаимодействовала с сопредельными территориями: Балтией, Финляндией, Скандинавией, например. Вторая ничем не выделялась из контекста сопредельных российских территорий, которые порой были достаточно красочны. Наоборот, новгородская крестьянская традиция была скромна и функциональна, она избежала активного влияния извне, в том числе и ремесленных достижений древнего Новгорода.

Удел берестяного ремесла в «этнографический период» в Новгородской губернии — его равномерное распределение по деревням, где оно существова-

ло как необходимость в изготовлении домашней утвари. И, следовательно, не было в нём развёрнутой системы передачи ремесленного опыта, как это складывалось на промыслах — ремесленный опыт передавался, в основном, «от деда к внуку», от «соседа к соседу». Этот метод передачи ремесленного опыта не подразумевал отточенности в выделке отдельных изделий: люди делали предметы, в основном, для использования в быту, не тиражируя образцы. Об этом говорят музейные коллекции Новгородской области.

Какова же эта домашняя утварь, которую во множестве изготовляли мастера в крестьянской среде на просторах Новгородчины? Это обувь — лапти, ступни, сапоги; тусеса, корзины, лукошки, горлатки (бутылеобразные сосуды для хранения сухих продуктов), солонки, лопаточки (кошельки для косных брусков), ложкарницы, веретённицы, блюда для жерновов, заплечные короба, пастушьи рожки, шаркунки (детские погремушки) — никакого излишества, всё только то, что необходимо в домашнем хозяйстве [4, с. 425–427].

Берестяное ремесло крестьянского периода в Новгородской губернии ничем не выделяется среди других регионов. В Новгородской области, в нынешних границах, не найдено, например,

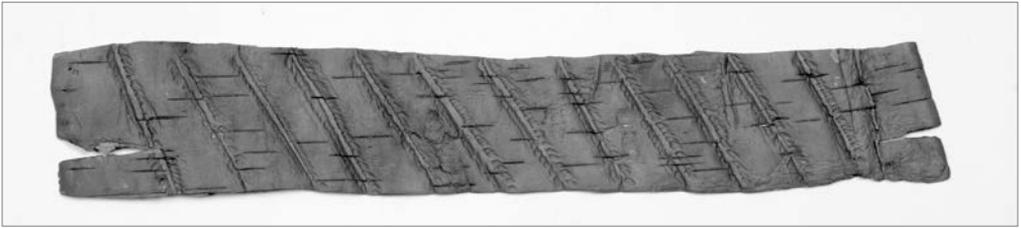

Крышка тусеса с циркульным орнаментом и угловой плетёнкой.
Первая половина XIII в. Ø 14,5 см. КП 38647

Фрагмент расписной бересты.
XIII в. 21,4 × 7,7 см. КП 38647

солонок или больших контейнеров для хранения сухих продуктов в виде водоплавающей птицы, как в Вологодской, Архангельской, Тверской областях, Предуралье. Не блещут разнообразием тусеса — не найдено ни одного расписного тусеса или тусеса с оплетённой рубашкой, как во множестве в Архангельской области. Не делали у нас набирушек из луба с берестяными дном и ручкой, как расписные на Северной Двине. В наших краях всё строго, чинно, исключительно утилитарно: минимум украшений, отсутствие излишества. Слово «скудно» не подходит, так как изделия

Полоска бересты с «покусанным» зубами орнаментом. XI в. 28,5 × 5 см. КП 38647

Крышка туеска из 4-х деталей:
две полосы сверху декорированы
методом «покусывания» зубами.
XIII в. Ø 9,2 см. НВ 22081

использовались в повседневном быту, где внешние эстетические признаки не играли существенной роли. Такого разнообразия форм и красок, какие наблюдались в Архангельской губернии, в Новгородской не обнаружено.

Основное богатство Новгородской земли — это тысячи фрагментов домашней берестяной утвари горожан-новгородцев, добытых археологами¹. Это не

удивительно: в Новгороде средневековым ремёсла процветали, и берестяное ремесло было на хорошем счету. В этот период в древнем Новгороде зародились (или были привнесены извне) основные техники внешнего украшения берестяных изделий, которые мастера используют и по сию пору: нанесение узоров и рисунков на берестяные плоскости изделий при помощи шила, циркуля с заострённым металлическим наконечником, сквозной прорезкой узоров ножом, росписью берестяных изделий красками. И существовал такой экзотический приём, как «покусывание» берестяных полосок зубами, который был развит в Сибири у манси и у северо-американских индейцев [7, с. 102–107]. Пока что нет точного ответа на вопрос, украшали ли берестяные изделия при помощи штампов.

В средневековом Новгороде, в отличие от деревенской среды, по оценкам археологов, по разным видам ремёсел было множество развитых мастерских, в которых ремесленный опыт передавался, судя по всему, профессионально [2, с. 129].

¹ Надо заметить, что в городе Старая Русса Новгородской области, где почва была идентична новгородской, также найдена не одна сотня берестяных фрагментов Средневековья.

Что и в каких техниках изготавливали в древнем Новгороде из бересты или с использованием бересты? Основные находки связаны с изделиями из пластовой бересты, чьи фрагменты многочисленны. Это — туеса, лукошки и достаточно большие короба из луба, сделанные с использованием бересты или обтянутые расписными берестя-

Крышка туеска с угловым орнаментом, выполненным шилом. Середина XIII в. 29,5 × 18,5 см. КП 32647

Корпус туеска с плетёным угловым орнаментом, выполненным шилом. XV в. 35,5 × 6,7 см. КП 38647

ными листами. Скреплялись части таких изделий при помощи внутренних волокон коры липы — мочала. В конструкции туесков склотни (полые берестяные цилиндры) отсутствовали. По крайней мере, до настоящего времени ни одного не обнаружено. Детали крышек туесков часто скреплялись при помощи тонкой распаренной в кипящей воде берестяной ленты.

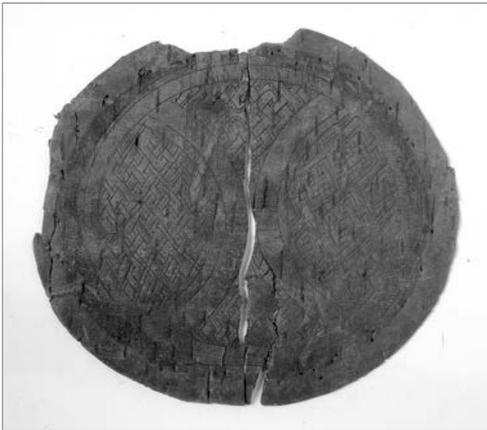
Крышка туеска с угловым орнаментом, выполненным шилом. XIV в. Ø 9 см. 38647

Фрагмент крышки туюска с угловым орнаментом, выполненным шилом. XI—XV вв. Ø 13 см. КП 38637

С некоторой осторожностью можно предположить, что плели в древнем Новгороде достаточно мало. Найдены плетёная ёмкость, напоминающая сумку, ещё один достаточно большой фрагмент плетения — нечто похожее на заплечный

Крышка туюска с циркульным и угловым орнаментом, выполненным шилом. XIV в. Ø 21 см. КП 38647

короб, полторы пары лаптей. Лапти XIII и XV веков по конструкции идентичны поздним крестьянским образцам — они могли быть сплетены в окрестных к Новгороду деревнях. Однако в раскопах были найдены кочедыки (металлические инструменты для плетения, и два из них сделаны с таким изяществом, что едва ли новгородская крестьянская эстетика могла бы такое выработать), клубки берестяных лент, остатки плетёных изделий (не в достаточно хорошем состоянии для атрибуции), а значит, плетение из бересты присутствовало в древнем Новгороде.

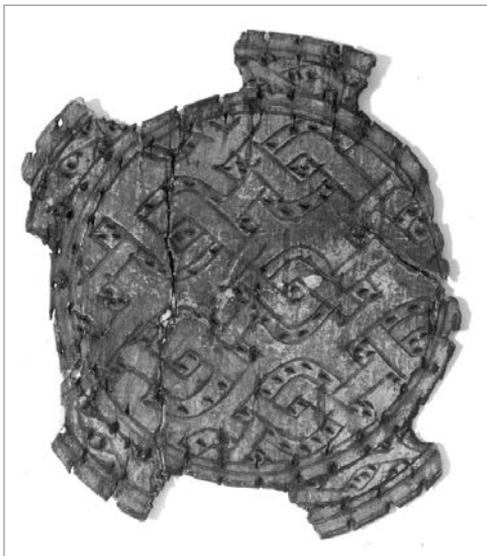
Изготавливали рыболовецкие грузила: речная галька крепилась к ободку из корня хвойных пород деревьев при помощи берестяных лент и того же корня. Поплавки — скрученные продолговатые полоски бересты или сшитые корнем толстые, подквадратные по форме, берестяные лоскутки.

К настоящему времени археологами исследовано в Великом Новгороде всего лишь незначительная часть городской площади, подлежащей археологическим раскопкам, но уже найдено так много берестяных изделий, что, кажется, дальнейшие находки едва ли изменят настоящую картину.

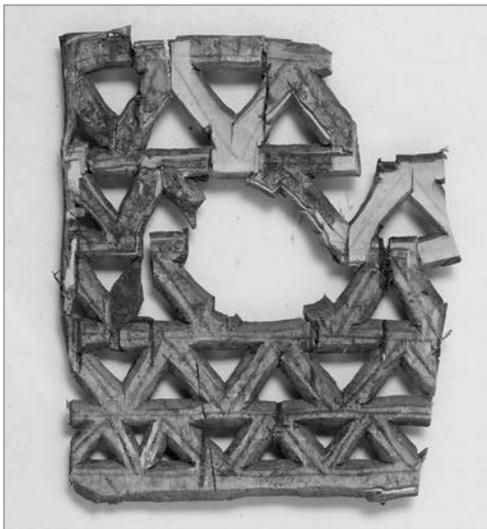
Этнографический период новгородского берестяного ремесла оставляет главный вопрос: куда девались удивительные завоевания развитого берестяного ремесла археологического периода? Почему не пошли в крестьянство? Казалось бы, достижения археологического периода, которые ярчайшим образом проявились в древнем Новгороде, могли бы сохраниться в позднейшие времена

где-то компактно в нашей области в виде промысла. Но лучшие достижения древних новгородцев в берестяном ремесле не перешли в крестьянство. Почему? Археолог Борис Колчин пишет, что на смену магической языческой символике с её фантастическими образами приходит новый принцип — эстетический, и на протяжении XII—XIV веков городское ремесло расслаивается: ремесленники начинают изготавливать два вида продукции — рядовой дешёвый товар без орнаментики для массового потребителя и высокохудожественные произведения для бояр, духовенства, купечества. И далее добавляет: *«Бытовое народное искусство в начале XIV века уходит в деревню с её более натуральным хозяйством и застойным укладом жизни. В деревне это искусство сохраняется вплоть до XX в.»* [1, с. 61]. Видимо, поэтому в новгородское крестьянство изысканные городские приёмы в художественной обработке бересты не проникли. Крестьянам не нужна была эстетика развитой городской среды. Для сиюминутного использования им нужны были изделия простые, надёжные, прочные и не требующие больших временных затрат на изготовление.

Возможно, мог бы сформироваться берестяной промысел к середине XIX века и в новгородских краях, если бы, например, у крестьян конца XVIII — начала XIX века, когда зарождались основные российские промыслы в других территориях, был обеспечен доступ к технологичным и эстетическим находкам берестяного ремесла древнего Новгорода. Но этого не произошло: археологические раскопки не велись,

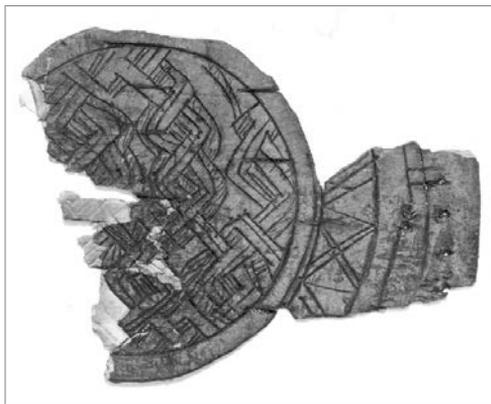
Крышка туеска с циркульным и волнистой плетённым орнаментом, выполненным шилом. XIV в. Ø 9 см. КП 38647

Фрагмент, выполненный методом сквозной прорезки ножом. XV в. 7,7 × 6,5 см. КП 38647

Фрагмент с плетёным орнаментом,
выполненный шилом.
XI—XV вв. 9,3 × 6 см. КП 38647

Фрагмент крышки туюска с циркульным
и плетёным орнаментом, выполненным
шилом. XI—XV вв. Ø 13 см. КП 38647

музеев ещё не было. Археологический период в Новгороде датируется XI—XV веками, а первый музей в Новгороде появился в 1865 году. Как «вели себя» берестяные изделия в течение четырёх столетий «пустоты», мы только можем гадать: их ведь никто не собирал и не хранил, что могло бы способствовать передаче традиции. Исчезновению берестяных изделий способствовали и многочисленные пожары, которые уничтожали весь домашний скарб. Увы, мы не имеем возможности проследить путь развития берестяного ремесла в период с XV по XIX века на Новгородской земле. Сравнивая археологические образцы с этнографическими (второй половины XIX века), опираясь на берестяное творчество сопредельных территорий России или ближнего зарубежья (например, Балтийских стран, Финляндии и Скандинавии), где берестяное ремесло этнографического периода сохранилось лучше, можем только предполагать, как оно развивалось.

Отсутствие берестяного промысла на Новгородчине говорит о том, что, видимо, не сложились предпосылки для появления такого промысла в нынешних границах Новгородской области.

Тем не менее, около двухсот лет назад зародился прихотливый берестяной промысел в окрестностях Великого Устюга — шегогодская прорезная береста, основанный на изготовлении изделий из пластовой бересты в технике сквозной прорезки ножом. Интересно, что эта техника присутствовала в древнем Новгороде. И не ясно пока, каким образом она проникла в Вологодскую область и стала основной на шегогод-

Фрагмент корпуса туюска с орнаментом плетёной, выполненным шилом.
Вторая половина XIV в. 11 × 3 см. КП 38647

ском промысле после четырёхсотлетнего «перерыва». Наверное, эта техника всё же как-то сохранялась локально.

Сопоставляя комплексы основных форм, технических приёмов, внешних украшений берестяных изделий древненовгородской городской берестяной культуры с последующей крестьянской традицией, мы можем увидеть существенную картину берестяного ремесла в Новгородской области, не претендуя на исчерпывающую полноту информации.

Берестяное ремесло Новгородской земли «археологического» (XI—XV вв.) и «этнографического» (XIX—XX вв.) периодов имеет как целый ряд совпадений, так и существенные отличия. К первым можно отнести технику изготовления лаптей, туюсов из цельного пласта с деревянными дном и верхней частью крышки, плетёных сумок и заплечных коробов, поплавок-скруток из длинного толстого листа бересты. Совпадения имеют место в технике обмотки треснувших глиняных горшков длинными берестяными лентами для дальнейшего их использования, прошивке верхних краёв корпуса туюсов

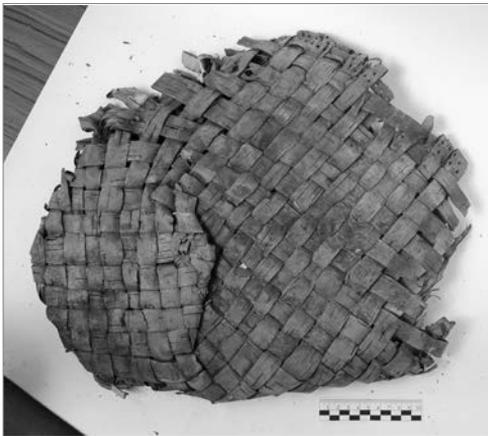
рельефом «пирамидка». Здесь же стоит упомянуть грузила с использованием речной гальки, прикреплённой к окружности из корня при помощи берестяных лент, и, конечно, детские игрушки — плетёные шаркунки.

Рисунок коня, выполненный шилом.
Вторая половина XIII — начало XIV в.
5,5 × 4,4 см. КП 38647

Рисунок воина, выполненный шилом.
Конец XIII — первая половина XIV в.
3,6 × 1,7 см. КП 38647

Фрагмент плетёной сумки
(запличного короба?).
Сплетена из липового лыка
и оплетена берестяными лентами.
Ширина ленты 1,2—2,5 см.
XI—XV вв. 40 × 35 см. НВ 22596

В «этнографическом» периоде отсутствует целый ряд технических приёмов. Сюда относится мастерство крепления доньев к корпусам туесов, лукошек, коробов, выполненные различными системами швов из мочала, да и в целом мочало как сшивной материал частей берестяных изделий (туесов, лукошек, коробов) и техника «покусывания» зубами во внешнем оформлении изделий, а также использование длинной узкой ленты, распаренной в кипящей воде, для крепления верхних частей крышек. Отсутствуют и туеса из сшивных цельных пластов бересты с внешним оплетением корпусов берестяными лентами, и короба, изготовленные из луба с использованием бересты либо с последующей обтяжкой корпуса расписной берестой, и внешнее оформление изделий прочерчиванием шилом, росписью красками в виде плетёнок, ромбов, ломаных линий, при помощи сквозной прорезки ножом. Совсем не найдены в этот период берестяные грамоты, стельки и вкладыши в задники кожаной обуви, прослойки в кожаных ножнах, наборные ручки для ножей из толстых пластов бересты, коробочки из одного прямоугольного листа бересты, согнутого по длинным сторонам и скреплённого древесными прутиками. Не обнаружены также предметы рыбного промысла — грузила «кулёчек», когда речная галька заворачивается в лист бересты и прошивается, и поплавки из нескольких толстых плоских квадратных листиков бересты, прошитых корнем.

В свою очередь, в «археологическом» периоде не найдены плетёные сапоги и башмаки, горлатки, продолговатые

лукошки для переноски и сохранности стеклянных бутылей, солонки, ложкарницы, лопаточники, чехлы для косного бруска, веретеницы, широкие, низкие лукошки для жерновов, продолговатые лукошки-севалки с расширением кверху. Не обнаружены и такие предметы, как туеса, изготовленные с использованием полых цилиндров (сколотней), оплетённые для сохранности стеклянные бутылки, пастушьи рожки, коробочки из нескольких слоёв пластовой бересты, скреплённые деревянными гвоздями-шпильками, с деревянным дном и основой крышки и ручкой из кожи или металла и грузила из речной гальки, обмотанной (оплетённой) длинной берестяной лентой. Нет находок изделий, украшенных при помощи штампов.

Интересно, что в «археологическом» периоде корень хвойных пород деревьев используется только для изготовления берестяных грузил и поплавков с использованием бересты, а в «этнографическом» — это шивной материал для изготовления туесов.

В общемировом контексте берестяного ремесла особенно интересен именно новгородский «археологический» период, когда отмечается преимущественное изготовление изделий из пластовой бересты (плетёных не более 10%), в том числе её использование в обувном ремесле, во внешнем оформлении встречаются техники прочерчивания шилом, росписи красками, прорезки ножом, покусывания зубами. Используются различные швы для крепления доньев к корпусам, мочало (внутренние волокна коры липы) как шивной материал, особый способ крепления верхних частей крышек при

Грузило, изготовлено с использованием речной гальки, корня ели и бересты. XI—XV вв. 14,5 × 1,7 см. НВ 22596

Поплавок, изготовлен из толстых пластин бересты, прошитых корнем ели. XI—XV вв. 10 × 1,5 см. НВ 22596

Поплавки-скрутки. XI—XV вв. 5 × 2,5 см. НВ 22596

месла и смотрится свежо, равно как и замысловатые швы, выполненные мочалом, или крепление частей крышек распаренной берестяной лентой. Возрождение этих великолепных технических приёмов способно существенно украсить изделия современных мастеров по бересте.

помощи длинной узкой берестяной ленты, пропаренной в кипящей воде.

Если техники прочерчивания шилом, росписи красками, прорезки ножом стали применяться в последующие эпохи достаточно широко в различных областях России, то техники «покусывания зубами», крепления верхних частей крышек с помощью пропаренной в кипящей воде ленты, сшивание частей берестяных изделий мочалом, как и сами швы, не сохранились.

Реконструкторская работа автора статьи подтверждает, что приём «покусывания» бересты зубами вполне применим в современной практике берестяного ре-

Глиняный горшок, оплетённый берестяной лентой XI—XV вв. Ø 27 × h 16,8 см. КП 33560/472

Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971. 63 с.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981. 168 с.

Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры. М.: Изобразительное искусство, 1983. 344 с.

Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. Бытовые берестяные изделия в коллекции Новгородского Государственного объединённого музея-заповедника // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1981. С. 424–431.

Чернецов В.Н. Исчезнувшее искусство (Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // Советская этнография. 1964. № 3. С. 53–63.

Ярыш В.И. Красота создаётся зубами // Чело. 2002. № 1. С. 102–107.

Быт наших далёких предков напрямую был связан с их гармоничным образом жизни, который складывался сотни лет.

В очерках писателя-историка В.Г. Смирнова, в свойственной автору художественной манере, переплетается описание истории и быта в живописном представлении элементов повседневной культуры средневековых новгородцев.

Виктор Смирнов

НОВГОРОДСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Новгородская история — это непрерывная цепь увлекательных сюжетов, из которых, как из мозаики, складывается живая и пёстрая картина прошлого.

Как одевались новгородцы

Одежда может многое рассказать о том, кто её носит. Были ли отличия в новгородском костюме, по сравнению с другими русскими землями?

За триста лет татаро-монгольского владычества население большинства русских княжеств вольно или невольно испытало влияние Орды в обычаях, кухне, языке и одежде. В русском гардеробе появились епанча, армяк, тегилей, бешмет и прочие вещи татарского происхождения.

В непокорённом Новгороде такого влияния не ощущалось. Подражать степнякам здесь, видимо, считалось непристойным. Сельское население и беднота держались в одежде славянских традиций, состоятельные горожане подражали европейской моде, моделями которой

служили иностранные купцы. Индивидуализм новгородцев обнаруживал себя, в том числе и в манере одеваться. Чтобы обозначить своё «я», человек старался дополнить свой костюм какой-нибудь «особинкой» — деталью отделки, вышивкой, необычными пуговицами.

Праздничная одежда чётко отличалась от рабочей. Простая чадь носила в будни вотолу, прямоугольную накидку из грубой льняной ткани, накинутую на плечи. Среди крестьян в ходу была также грубошёрстная сермяга. Если будничной одежде полагалось быть удобной и опрятной, то праздничная должна была привлечь внимание к её обладателю. В эти дни надевали всё лучшее, увешивались украшениями, применяли весь арсенал тогдашней косметики.

В средневековом Новгороде не было униформы для того или иного сословия. Человек одевался сообразно личному вкусу и достатку. К сословным отличиям в одежде можно отнести лишь одежду духовенства. Бояре выделялись богатством костюма и правом ношения оружия в мирное время.

и красными отложными воротниками. Женщина на иконе одета примерно так же, как мужчины, только её одежда доходит до пят.

Вообще мода на «унисекс», то есть бесполоую одежду, вовсе не является современным изобретением. Мужская и женская одежда наших пращуров,

Фрагмент иконы «Деисусный чин. Молящиеся новгородцы». 1467 г.

Наглядное представление о том, как одевалась новгородская знать в XV веке, можно получить, глядя на икону «Деисусный чин. Молящиеся новгородцы» из собрания Новгородского музея-заповедника. Мужчины на ней одеты в некое подобие камзолов красного и зелёного цвета с поперечными нашивками. Из-под камзолов видны заправленные в высокие сапоги штаны чёрного и зелёного цвета. Поверх наброшены охабни — плащи с откидными рукавами

а также обувь и украшения различались не слишком сильно. В русском гардеробе существовал, между прочим, даже мужской сарафан.

Одежда сельских жителей была домашнего производства. Ткацкий станок был в каждом доме. Состоятельные люди могли себе позволить одежду из тканей, доставленных купцами из заграницы. Из привозных заморских особо ценились фламандские и английские сукна, любимым и самым дорогим цветом

считался красный и его оттенки — вишнёвый, бордовый, пунцовый.

Самой демократичной русской одеждой — и Новгород здесь не был исключением — были рубахи или сорочки. Их носили все — богатые и бедные, мужчины и женщины, старики и дети. Рубахи делились на верхние и исподние. Мужская рубаха была короткой, едва закрывая то место, где спина теряет своё благородное название,

женские рубахи доходили до щиколотки. Поверх рубахи женщина оборачивала бедра понёвой — куском цветной ткани. Праздничная женская рубаха имела длинные рукава, иногда доходящие до земли.

И мужские, и женские рубахи оснащались всевозможными дополнениями. Под мышками делались вставки из других тканей, нарядную рубаху по подолу и вороту украшали тесьмой, узором, а то и золотым шитьём. Ворот у таких рубах был стоячим, он пристёгивался к ней на пуговицах и назывался ожерельем.

Штаны — гачи, были короткими и узкими по типу французских кюлотов. Держались гачи с помощью гашника — шнурка, продёрнутого в верхний край, отсюда пошло выражение спрятать в загашнике. Право на ношение штанов было своего рода инициацией в мужчины, мальчики-подростки носили длинные рубахи, зато юноша, надевший штаны, считал себя взрослым.

Туфли ажурной фрагмент (верх). XIV в.
НГМ КП 25295/1931 А-15/487

Особый разговор о поясе. Дорогой пояс передавался по наследству. Он должен был быть не только красивым, но и прочным. Поскольку карманов не было, все нужные предметы — ключи, писало, гребень, кресало, нож, ложку, кошелёк — носили на поясе. Ремесленники привешивали сюда же свои рабочие инструменты, купцы — небольшие весы.

Холодный климат требовал тёплой одежды. Крестьяне зимой носили нагольные полушубки из овчины, то есть нынешние дублёнки. Состоятельные горожане облачались в енотовые, соболиные, куньи или беличьи шубы, покрытые сукном, атласом или бархатом. Кстати, название шуба (от татарского джубба) пришло уже в московские времена. В республиканском Новгороде тёплая верхняя одежда на меху называлась «мятель» — с намеком на погодные условия, её породившие.

Новгородские экскурсоводы
в средневековых костюмах

Обувь новгородцы носили исключительно кожаную. Даже городской плебс не опускался до лаптей, а носил поршни, сделанные из квадратного куска кожи, стянутого ремешками. Сапоги, полусапожки, туфли местной работы отличались высоким качеством и разнообразием фасонов. Криком моды считались зелёные сафьяновые сапоги на высоченных каблуках, с круто загнутыми носами, под которым можно было «прокатить яйцо». Кстати, новгородцы стали первыми шить правую и левую обувь, остальная Русь ходила в одинаковых сапогах, попеременно разношивая их, то на одну, то на другую ногу.

Венцом костюма в прямом и переносном смысле были головные уборы, которые отличались огромным разнообразием и различались в зависимости

от социального статуса их обладателя. Новгородские князья на иконах часто изображены в круглых шапочках с меховой опушкой. Высокая горлатная шапка, расширяющаяся сверху, сообщала прохожим, что им навстречу шествует боярин. Голову монаха покрывала скуфья чёрного сукна или бархата. Мастеровые носили налобные ремешки или повязки, чтобы волосы не лезли в глаза во время работы.

У всех слоёв населения в ходу были разнообразные колпаки — кожаные, суконные или войлочные. Зимой внутрь такого колпака вставлялась меховая подкладка с опушкой. Весьма популярны были треухи из меха разных животных. Считалось особым шиком, если меховая шапка спереди закрывала глаза, а сзади — шею.

Праздничный женский головной убор представлял собой сложное полуметровое сооружение. Его несущей конструкцией служил надетый на голову обруч, к которому прикреплялись различные украшения — височные кольца, монеты, подвески. Высокая передняя часть убора называлась кикой, задняя — подзатыльником. Повседневным женским головным убором служил убрус — вышитый платок, прикрывающий волосы.

В Новгороде, как и вообще на Руси, замужняя женщина не появлялась на людях с непокрытой головой. Отсюда пошло выражение опростоволоситься, то есть опозориться. За срывание платка с головы женщины полагался крупный штраф. Незамужние девушки обычно заплетали косу, украсив её лентой.

Уделяя своему внешнему облику большое внимание, наши предки умело сочетали в одежде красоту и практичность.

Красивым быть не запретишь

Археологические находки говорят о том, что новгородцы были весьма равнодушны ко всякого рода украшениям. На удовлетворение этого спроса работали не только купцы-поставщики, но и десятки местных ювелирных мастерских. Новгородскими мастерами были освоены все известные ювелирные технологии: чеканка, скань, зернь, золочение, перегородчатая эмаль.

При этом они не любили повторяться, каждое изделие было уникальным.

Менялась не только ювелирная техника, менялась мода. Языческие амулеты и обереги уступили место христианской символике, прежде всего крестам — от маленьких нательных до энколпионов — полых крестов, в которых хранились кусочки мощей и другие реликвии.

Металлические украшения. Перстни из собрания Новгородского музея.
НГМ КП 40585/975 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 141

Без увеличительных стёкол и микроскопов они плели тончайшие узоры из кручёной золотой нити, изображали на крохотной эмалевой раковинке затейливые сюжеты, гранили драгоценные камни.

Для того, чтобы выглядеть красивее, новгородцы использовали все детали одежды. Обыкновенную пуговицу можно было превратить в настоящее произведение искусства, если за дело брался

Привеска шумящая. XIII в. Металл цветной, литье. 4,2 × 7 см. НГМ КП 30975/65 А-70/65

первоклассный мастер. Той же цели служили пряжки, фибулы, застёжки плаща и т. д.

Самыми распространенными украшениями как у мужчин, так и у женщин, были перстни, серьги и кольца. Мужские перстни делались обычно с печатью и крупнее по размерам, чем женские. Многие мужчины носили в ухе серьгу. Богатые купцы цепляли на шею массивную золотую цепь, предвосхищая «новорусскую» моду.

Женщины, кроме всего прочего, носили на запястьях браслеты или зарукавья, а на шее — крестики, монеты и разнообразные привески. Некоторые из последних при ходьбе издавали тихий мелодичный шум. По языческим

понятиям, этим шумом отпугивали злых духов, но в действительности таким способом женщина просто хотела привлечь к себе внимание.

Особым спросом у новгородок пользовались жемчужные украшения — ожерелья, бусы, серьги, подвески. Их перламутровый блеск нежно подсвечивал женскую шею или розовую мочку уха. Лучший жемчуг везли с Востока, но как ни удивительно, имелся и новгородский жемчуг, добывавшийся на берегах Ильменя. Правда, местный жемчуг был мелкий и не такой красивый, как южный, зато он был доступнее и применялся не только в одежде, но и для украшения окладов икон и священных книг.

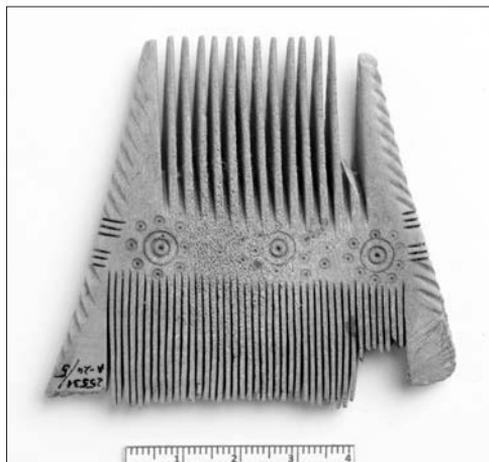
Наряду с ювелирными изделиями в ходу были дешёвые поделки из цветного стекла. Возле лавок с этой пёстрой бижутерией всегда толпилось простолюдинье, бойко раскупая простенькие колечки и бусы, которые теперь в изобилии находят археологи.

Многие иностранцы, побывавшие в России, с сожалением отмечали, что русские женщины, привлекательные от природы, буквально уродуют себя толстым слоем белил, свекольным румянцем и нарисованными углём бровями. Причём появление в обществе ненабеленной женщины считалось верхом неприличия.

Вполне вероятно, что и новгородские женщины стали бы жертвами этой моды, если бы не вмешалась Церковь. Новгородский владыка попросту запретил пускаться в церкви размалёванных женщин и тем уберёг щёки наших прапрапрабабушек от толстого слоя штукатурки.

Оправа зеркала. XIV—XV вв.
Литье, пайка. Ø 6,2 см. НГМ КП 37836 АЕ-93

Гребень. XI—XV вв. Кость. 6,3 × 7 см.
НГМ КП 25531/5 А-24/5

Умело пользовались новгородки таким мощным оружием, как запахи. Задолго до французов, которые изобрели духи для того, чтобы заглушить зловоние Лувра, они уже применяли так называемые «сухие духи». В специальные коробочки, привешенные к головному убору, новгородские женщины вкладывали ароматические смолы, щедро даря их аромат не только себе, но и окружающим.

Кстати, о причёсках. Средневековые новгородские франты брили голову сзади и с боков, оставляя клок волос на макушке наподобие казацкого оселедца. Этот клок они смазывали маслами и заплетали в косичку. Новгородские священники, напротив, выбривали на затылке круглую тонзуру. Но самой популярной причёской была стрижка «под ноль», что объяснялось соображениями гигиены. Иностранцы, бывавшие в Новгороде, с удивлением отмечали, что даже местные женщины, подобно мужчинам,

наголо брили головы. Впрочем, эта экстравагантная мода осуждалась Церковью и продержалась недолго.

Судя по огромному количеству гребней, находимых археологами, новгородцы тщательно ухаживали за своей растительностью. Мужские усы и бороды были короткими, тщательно постриженными. Длинная клочковатая борода считалась неприличной.

Детей обоего пола стригли наголо, и девочку от мальчика можно было отличить только по небольшим прядкам у висков. В знак печали женщины остригали себе волосы, мужчины, напротив, отращивали их.

Наши предки хотели быть красивыми не меньше, а возможно, даже больше, чем мы с вами. Это объяснялось не только желанием привлечь к себе внимание окружающих, но и извечным стремлением к совершенству, присущим человеку во все времена.

Новгородское застолье

Надо сказать, что новгородцы были большие любители поесть. До нас дошли больше сотни кулинарных рецептов, многие из которых дадут фору современным ресторанам. При этом наши предки ели не просто ради насыщения, а со смыслом. Трапеза была неторопливой, вдумчивой, она предварялась и завершалась молитвой.

в году составляло около двухсот (Великий, Петровский, Успенский, Рождественский), постными также считались среда и пятница. Баня и пост идеально очищали организм от накопившихся шлаков.

Конечно, стол ремесленника нельзя сравнивать со столом боярина. Тем не менее хороший хозяин обязан был сытно и разнообразно кормить всех, кто на него работал.

Рябушкин А.П. Новгородское застолье.
Из иллюстраций к былине «Василий Буслаев»

Меню было не только разнообразно, но, как сказал бы современный диетолог, хорошо сбалансировано по белкам, жирам и углеводам. Роль разгрузочных дней выполняли посты, чередовавшиеся с мясоедами. Общее число постных дней

Что же ели наши предки в будни и праздники?

Как и везде на Руси, основу рациона составляли хлеб и каша. Хлеб пекли из жита, то есть ржи, на неделю вперед. На праздники пекли ситный, то есть

из просеянной сквозь сито пшеничной привозной муки. На хорошо испечённый каравай можно было есть, после чего он восстанавливал прежнюю форму. Каши варили из овса, гречихи, пшени, ячменя, репы, гороха, моркови и даже из толчёной мелко рыбы.

Рыба в разных видах всегда была третьей составляющей новгородского стола. И сегодня в рыбацких деревнях можно отведать эти «экспонаты» народной кухни, приготовленные по старинным рецептам. Уха обычно готовилась из ершей и окуней, которых потом выбрасывали, а в кипящий бульон опускали крупного леща, сома или жереха. В рыбном меню фигурировали рыба в горшке, рыба с «похлебенькой», то есть с похлёбкой, рыба на латке (примерно то же, что жареная рыба на шкаре), заливное из окуней, медно-красные копчёные лещи чудовищных размеров (коптили непременно на ольховой стружке), сушёные снетки (удивительная рыбёшка размером с мизинец, пахнущая свежими огурцами)... и, наконец, гвоздь программы — пирог-рыбник из ржаной муки.

Что же касается мяса, то это был продукт сезонный. Скотину забивали только осенью, тем самым решались сразу две проблемы — сохранения убойины и экономии кормов. В «Домострое», где собраны советы, правила и наставления жизни, в том числе и хозяйственной, приводятся чёткие указания на этот счёт: «А свиной осенью забивать, полти (то есть половину туши) на год солить, а головы, и ноги, и желудки, и потроха, и спина — осенью и зимой пригодятся».

Миниатюра из
Жития Антония Сийского. XVII в.

Молоко и молочные продукты тоже считались повседневной пищей, коровы, козы были в каждом хозяйстве. Из овощей рекорд популярности держала репа, за ней шли лук, морковь, горох, чеснок, капуста.

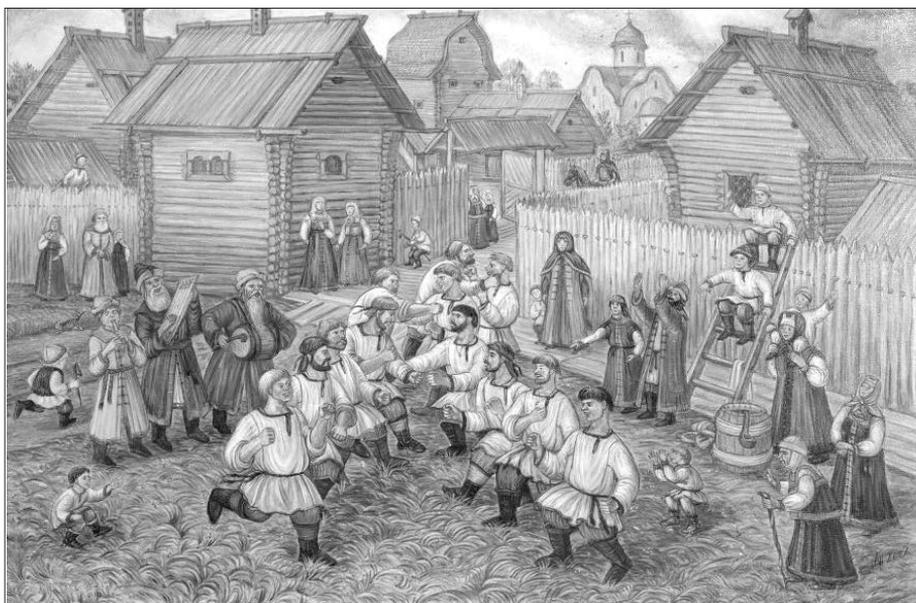
Что до десерта и лакомств, то эту нишу занимали местные фрукты — яблоки, груши, сливы, ягоды, лесные орехи, а также привозные грецкие, скорлупу которых археологи находят аж в слоях X века.

Из безалкогольных напитков доминировал квас — самый демократичный напиток, им утоляли жажду и деревенский мужик, и высокородный боярин. Рецептов кваса было великое множество, кроме простого, солодового, были квасы ягодные, житные, квас с хреном, квас на меду и прочие. Следом шли кисели, взвары, сбитни.

Кулачные забавы

Драчливость новгородцев вошла в поговорку. Летописи действительно изобилуют упоминаниями о массовых столкновениях на Великом мосту через Волхов. Нередко вечерние прения также перерастали в драки,

Подобные картины создают впечатление разгула анархии, но именно таким способом городу удавалось снять накопившееся напряжение, и уже на следующий день вчерашние противники возвращались к мирному сосуществованию.

Дунин Н.И. Кулачные бойцы. Из серии про мальчика Онфима. 2002 г.
Холст; масло. 59 × 90 см. НГМ КП 49243 СЖ-869

когда, исчерпав другие аргументы, вечники пускали в ход кулаки. Тут же орудовали так называемые «шильники», которые в момент голосования тыкали шилом в мягкие места впередистоящего «электората», невольные вопли которого засчитывались в пользу нужного решения.

В средневековом Новгороде практиковались судебные поединки. Это был тоже судебный процесс, и хотя прения сторон происходили довольно своеобразно, но зато в строгом соответствии с процедурой, за которой следили специальные приставы. Право вызова принадлежало истцу, и ответчик не мог от него

уклониться. Если по состоянию здоровья или по возрасту соперник не мог драться лично, разрешалось выставить наймита, то есть наёмного бойца. Тогда и противная сторона могла воспользоваться этим правом. Средневековые новгородки тоже отличались сильным характером и умели постоять за себя, многие из них владели оружием.

Поединок происходил при скоплении народа. Соперники выходили на бой в доспехах, вооружённые дубиной, мечом или топором. Для победы достаточно было сбить противника наземь, приставы не допускали смертельного исхода. Победитель получал не только удовлетворение своего исхода, но и доспехи поверженного.

Существовал настоящий культ удалого бойца, который отразился в фольклоре. Ярким примером может служить знаменитый новгородец Василий Буслаев, который однажды вызвал на кулачный бой весь Новгород. В другой былине о Садко описан знаменитый новгородский кастинг. Для того, чтобы попасть в его дружину, нужно было выпить ковш медовухи и выдержать удар оглоблей. Первоклассными бойцами были знаменитые новгородские ушкуйники, которые перед походом

Иллюстрация из книги:
Лебедев К.В. Сказка о Садке-Купце
и Ваське Буслаеве, удалом молодце. М., 1910

проходили специальные тренировки в лагере.

Бойцы создавали свои кулачные артели, в которых каждому отводилась своя роль. Особо злые и упорные звались расписными, мстители за погибших — резаками, самые языкатые, умевшие взбесить противника, — задирами. К драке приучали сызмальства. Самых младших, от семи до двенадцати лет, называли костыгами. Костыги обычно начинали со своими сверстниками драку, которую потом подхватывали взрослые. С двенадцати лет костыга становился подшалимом. Ему доверяли носить за бойцами

кистени и колья и прятать, в случае необходимости, ножи. Когда подшалимку исполнялось шестнадцать, атаман кулачной артели прилюдно накидывал ему на шею ременную уздечку в знак того, что тот становится полноправным членом артели. Опытные бойцы учили молодых драться «ульем», кучкуясь вокруг самого сильного.

Кулачные забавы сохранились в Новгороде и после падения вечевой республики. У каждой улицы были свои признанные мастера, которые устраивали показательные поединки. Долго сохранялись кулачные традиции и в новгородских деревнях, особенно в Поозерье. В престольные праздники парни состязались меж собой сначала в плясках и забористых частушках, а затем сходились в рукопашной. Драки обыкновенно вспыхивали из-за девок,

потому как уважающая себя девка не допускала парня, если он за неё не подерётся.

Драки были средством поддержания боевого духа, воспитывали умение постоять за себя и за свою землю. Эта древняя традиция переходила из поколения в поколение. Новгородцев охотно брали в самые боеспособные полки русской армии и флотские экипажи, командиры ценили их за отвагу и упорство в бою. Новгородцы участвовали во всех исторических сражениях русской армии, дрались с ливонскими рыцарями и шведами, турецкими янычарами и французскими гренадерами, с японскими самураями и отборными войсками СС. Заслуженным признанием их боевых заслуг перед Отечеством стало присвоение Великому Новгороду звания Города воинской славы.

Весёлое ремесло скоморохов

Берусь утверждать, что на Новгородской земле берут начало не только Русское государство, династия, рубль и нецензурная лексика, но также отечественный театр, цирк и эстрада, ибо в основании всего этого кроется древнее искусство скоморохов.

Скоморохи известны на Руси с языческих времён как непременные участники народных праздников, ярмарок, свадеб, но в XIII веке скоморошество на Руси пошло на убыль. Сказались татаро-монгольское разорение, а также

враждебное отношение к ним со стороны Церкви и княжеской власти, которые зачастую становились объектами насмешек народных сатириков. Вспомним скомороха из фильма «Андрей Рублёв» в гениальном исполнении Ролана Быкова — балагура, плясуна и охальника, которого жестоко избивают княжеские слуги.

Зато на Новгородской земле скоморошество расцвело пышным цветом, чему способствовали республиканские порядки и свободные нравы. Вечевая

республика жила широко и разгульно, поэтому весёлое искусство скоморохов всегда имело здесь устойчивый спрос. Кстати, знаменитый Садко был не кем иным, как скоморохом, потешавшим гостей на пирах и братчинах.

Новгородские скоморохи были великолепными музыкантами. Из струнных инструментов большой популярностью пользовались гусли и гудок, из духовых — сопели (это род флейты), свирели, деревянные трубы, пастушеские рога. Известна также русская волынка, или козица, — духовой языческий инструмент с воздушным резервуаром из кожи или бычьего пузыря. В процессе игры музыкант постоянно вдвухвал в мех воздух, так что волынка могла звучать без перерыва (отсюда произошли слова «волыннить» или «тянуть волынку»). Из ударных инструментов применялись бубны, а также бряцала — медные тарелки, напоминающие современные ударные, и накры — глиняные горшки с натянутой на них кожей, прототип литавр. Постепенно искусство новгородских скоморохов всё более усложнялось. Появились акробаты, актёры, жонглёры, дрессировщики, кукольники. Скоморохи не только веселили публику, но и высмеивали пороки. Особой популярностью в народе пользовалось представление о купце Терентии и его жене Авдотье.

Маска скомороха. XIII—XIV вв.
Кожа; крой. 20 × 13,5 см. НГМ КП 36697/2638 А-109/2638

По сюжету, старый купец Терентий пожаловался скоморохам на то, что жена отказывает ему в близости, ссылаясь на недуг. Скоморохи берутся вылечить супругу. Они спрятали купца в мешок и, принеся его в дом, оповестили супругу о том, что купец умер. Молодая жена на радостях устраивает пир, в разгар которого Терентий вылезает из мешка и «лечит» жену дубиной, а её «недуг» убегает в окно, оставив второпях одежду и деньги.

Особой известностью пользовались новгородские скоморохи с медведями. Средневековые дрессировщики покупали у охотников детёнышей убитых медведиц и годами обучали их всяким смешным штукам. Медведи изображали различных персонажей — купчих, монахов, бояр — кувыркались, плясали под музыку.

После присоединения Новгорода к Москве здесь тоже начались гонения на скоморохов со стороны властей, а также Церкви, которая видела в них продолжателей языческих традиций и угрозу нравственности. Действительно, такие народные праздники, как Ивана Купала, Масленица, где тон

леса. Когда в 1573 году Иван Грозный собрался в очередной раз жениться, на его свадьбу с дочерью новгородского купца Марфой Собакиной по всей округе отлавливали скоморохов с медведями. Кстати, Грозный был большим поклонником скоморошеских забав, на пирах он часто сам

Васнецов А.М. Скоморохи. 1904.
Акварель, уголь, белила, бумага. 44,1 × 59,2 см. ГТГ

задавали скоморохи, нередко заканчивались всеобщим пьянством, драками, а также *«падением мужей и отроков, осквернением замужних женщин и растлением девиц»*.

Но совсем запретить скоморошество так и не удалось. Спасаясь от преследований, «весёлые молодцы» уходили в глухие

плясал вместе с ними, рядился в их одежды и надевал шутовские маски.

Скоморохов можно с полным правом считать родоначальниками современной индустрии развлечений, которая, словно кривое зеркало, отражает то общество, в котором мы с вами живём.

Ирина Савинова

ЗАПИСКИ АРХИВИСТА

«Просто не верится, а между тем...»

Автор этого письма¹ на момент его написания был студентом Киевской Духовной Академии и направлялся паломником в Грецию, на Афон — будущий митрополит Новгородский и Старорусский Арсений. Его родители проживали в селе Комарово, что в Бессарабии, на молдавской окраине Российской империи. Представляете, сколько интереса проявили односельчане к такому посланию?!

«г. Константинополь, 1883 г., июль 1-го дня. Пантелеймоновское подворье.

Милые и дорогие родители, Папаша и Мамаша!

Вот уже несколько дней, как я в турецкой столице. Просто не верится, а между тем так на самом деле. 25-го числа, в 4 часа пополудни оставил Одессу пароход "Одесса". По знаку капитана тронулся и как птица полетел

в открытое море, окрыляясь парами и расстилая за собой волнующие облака дыма.

Тут на берегу машут нам платками, желая благополучия и счастливого возвращения. Вот на берегу плачет жена с маленькими детьми, по-видимому, еврейка, и провожает мужа своего куда-нибудь в Яффу, за гешефтами. Вот плачущая мать старается успокоить плачущих в свою очередь детей.

... Долго любовался я на убегающий от нас родственный край. Да, если мила Россия русскому, так она во сто раз милее для него в минуты грустного с нею расставания. Это испытал теперь я на себе. Вот один берег уже скрылся, другой еле-еле мелькает. Смотрю в морской бинокль — виднеется Днестровский лиман и Анкерман. Прощай, Россия! Прощай, дорогое Отечество! Дай, Бог, воротиться подобру-поздорову!

¹ Это письмо, равно как и следующее, хранится в личном фонде митрополита Новгородского и Старорусского Арсения в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Ф-550. Д. 493. Л. 1–7.

Митрополит Новгородский
и Старорусский Арсений

Люблю смотреть вообще на заходящее солнце, но в особенности на море. Ещё последние лучи солнца скользят по поверхности чёрно-зелёного моря. Вот красное солнце как бы уже тает, опускаясь в море, мигая последними лучами... Прелестная картина.

Уже совершенно свечерело. Море не шелохнётся, пароход идёт полным ходом и с шумом разрезает воды грозного Чёрного моря. Море как бы сердится и от ярости ревёт и испускает пену.

Я лёг на люк посреди моего соквартиранта в Одессе — купца

Трофима Наумыча и ещё одного богомольца. Я попользовался их постелью, так как у меня ничего нет. Часа два я смотрел на безоблачное небо, и Бог знает, о каких величественных проблемах я не думал. Наконец, предавши себя на волю Божию и волю капитана, который за всех нас бодрствует, я уснул.

На рассвете, ещё далеко до восхода, я проснулся, так как достаточно прозяб от холодного морского ветра. Пробудившись, я сначала не знал, где нахожусь. Смотрю — ничего не видно, кругом вода. Как будто не верится, что я плыву по морю. Хожу по пароходу взад и вперёд. Все спят, только матросы, лениво растягиваясь, нехотя встают.

Вот и солнце восходит. Боже мой, что за величественная картина! На горизонте вдаль виднеется дым. Смотрю в бинокль — пароход плывёт, вероятно, из Константинополя. Это, как оказалось, пароход "Цесаревич". На обоих пароходах — в знак приветствия — вывешены флаги. Пассажиры приветствуют друг друга маханием платков или же киданием шапок. "Кланяйтесь России!", "Поклон матушке России!" — кричат с нашего парохода... Наш пароход обогнал австрийский пароход, к видимой досаде немецкого капитана.

...Частью от холода, частью от голода, а частью от работы воображения над тем, что мне предстоит увидеть, я не спал ни одной минуты в эту ночь (перед заходом в Босфор — *ред.*) Около 3 часов утра 27 июня открылась перед нами Цареградская даль и туманный её берег. В 5 часов утра мы ле-

тели уже Босфором и, легко лавируя во множестве лёгких чалмоносных кайков, вступили в Золотой Рог, и Константинополь предстал пред нами во всей красе.

О сколько дум и чувств печали
Константинополь нам дарит.
И как о днях минувшей дали,
Он горько сердцу говорит.

Облокотившись на борт, я с наслаждением смотрел на чудные красоты природы и светлой мыслью переносился к минувшим событиям и к славе Константинополя, который раскрывался предо мною в очаровательных своих видах, с его султанскими дворцами и садами, с многочисленными мечетями.

...Попивши чайку, я пошёл пройтись по городу. Боже мой, что за безобразный город! Внутри он совершенная противоположность тому, что он представляет с виду. Улицы страшно узки, кривы, небрежно выложены диким камнем и засорены до бесконечности нечистота-

ми и положительно заняты собаками. Вы себе не можете представить, сколько здесь собак!

...При входе в Софию поражаешься колоссальностью всего. Такого величественного храма не было и не будет. В настоящее время её ободранные стены, с целью уничтожения святых изображений, производят жалкое и тягостное настроение. Во время нашего посещения внизу шла проповедь какого-то муллы, при этом мы замечали прелестные картины, свидетельствующие о флегматичности и бесчувственности турок: весьма малая часть слушала муллу, размахивающего руками и о чём-то с пылом говорящего, а большая часть преспокойно, по три-четыре вместе, разлёгшись, вели беседы... В Софии в особенности поражает то обстоятельство, что она, при всей своей колоссальности, в высшей степени светла...».

Стамбул. Галатский мост. Фото конца XIX в.

«Стреляли...»

Об убийстве Императора Александра II написаны тысячи страниц исторических исследований. Вам же предлагается историческое свидетельство эпохи — небольшая запись из личного дневника скромного преподавателя духовного училища в Единцах, что в Бессарабии, Авксентия Стадницкого¹. В те дни, когда писались приведённые строки, автор был учителем уездного училища, в 1917 году он станет митрополитом Новгородским и Старорусским Арсением.

«1881 год. 5-е марта, четверг.

Сегодня в конце первого урока в первом классе меня ученики с каким-то недоумением и боязнью спрашивают: "Правда ли, что нашего Императора убили?" Я, ничего не зная о совершившемся уже факте, пригрозил, чтобы они не занимались распространением подобных нелепостей, а лучше бы занимались своим делом.

Прихожу в учительскую и рассказываю учителям; они говорят, что и им подобные вопросы были заданы. Нам это казалось совершенно невероятным, и мы все смотрели на это как на выдумку, на утку, пущенную каким-то негодяем. Между тем слух об этом доходил до нас со всех сторон — ученики говорили, служители.

Пошли мы на почту тогда же, после первого урока — авось, узнаем что-нибудь. Ничего не узнали, так как там было

много людей, и мы побоялись спросить зрителя, всё-таки полагая, что это выдумка, за которую иногда можно заплатить. По дороге зашли в бакалейную лавочку, содержащую итальянцем, спросили его:

— Что нового?

— Ничего.

— Мы слышали, что стреляли в Императора.

— Да, — печально и как-то неохотно говорит он. — Стреляли, стреляли та и достреляли.

Этих слов достаточно было, чтобы мы более или менее удостоверились в подлинности факта. Но всё-таки сомнение брало верх. Наконец вечером мы прочли телеграммы в "Новороссийском телеграф", и тогда-то мы удостоверились в зверском факте и понурили вниз головы.

Страшно и подумать! Страшно и верить, просто не хочется верить, но что делать, факт совершён! Чудесно избавляем был от пяти покушений, но наконец злодеи достигли своего — отняли у нас отца и благодетеля, который своими благими действиями мешал их злой крамоле. В самом деле, насколько я знаю, история не представляет нам такого зверского поступка с императорами. Чтоб в столице Император, окружённый свитой, был убит взрывом бомбы, брошенной каким-то негодяем Русаковым! Да что ж это такое! Покоя не дают ни дома, ни на

¹ ГАРФ. Ф. 550. Д. 493. Л. 33–36.

ное; кто ещё знает, быть может, эти вопросы будут удалены на задний план, и возвратится опять прежнее тревожное время. Одним словом, грустно становится при мысли о таком зверстве, совершённом над одним из лучших царей.

улице — нигде; поистине трудное бремя власти, и именно здесь только Бог является покровителем и охранителем Царя.

Чего же достигли злоумышленники убийством этого благословенного Царя — 60-летнего старца? Ведь же не успел закрыть глаза почивший Император, как сейчас же заменил сын его. Если достигли чего, так это именно того, что затормозили развитие на пути реформ России. Как прекрасно начался этот 1881 год! Как прекрасно начался этот 1881 год! Как пресса при свободе, данной ей после прошедшего тревожного времени, дружно действовала, раскрывая наши больные стороны и содействуя на пути реформ! Какие вопросы теперь только не подняты: о возвращении свободы Малороссии, педагогические реформы, для чего создан был съезд попечителей, вопрос о допущении семинаристов в университеты и всё это ещё не конче-

Покушение на императора Александра II.

Рис. А. Бальдингер

Так он поистине является освободителем христиан и крестьян, а поэтому ещё и мучеником за правду.

Как ни важна эта новость, но мы её в Единцах услышали аж на пятый день. Вот что значит жить в захолустье. В других городах уже поприсягли новому Императору Александру III, а у нас еле-еле сегодня узнали. Слава Богу, к лету и в Единцах будет телеграф, тогда-то и мы будем получать известия, но не дай Бог получать такие печальные известия. Завтра, быть может, и мы будем присягать».

«Лейте свой керосин...»

На дворе стоит весна, первый её этап — по определению русского писателя М.М. Пришвина — весна света. Дни всё длиннее, солнце чаще сияет над нами, но тем не менее фонари всё ещё загораются на наших улицах и во дворах. Не может человек без света. А ведь были времена, когда жители выходили на улицу с фонарями, в которых трепетало пламя свечи...

В середине XIX века в обиход вошёл керосин, который на десятилетия стал верным спутником человека. В делах Новгородской городской управы мне встретились интересные документы, рассказывающие о работе городского освещения.

В 1881 году в Новгороде насчитывалось 340 светильников. Зажи-

гались они с 15 августа по 15 апреля следующего года. Время освещения менялось в соответствии с долготой дня: в августе — с 7 часов, в сентябре — с 6 часов, в октябре — с 5 часов и в ноябре — с 4 часов вечера. Далее расписание сдвигалось уже в обратную сторону. Загораться фонари должны были по сигналам на каланчах. Как следует из условий, *«подрядчик обязан до поднятия сигнала за час отправить фонарищиков к частям, откуда они по поднятию сигнала и отправляются немедленно к фонарям. Горение фонарей должно производиться до трёх часов пополуночи»*. Исключение предоставлялось фонарям возле дома губернатора, полицейской части водоподъёмного здания — здесь они должны были гореть до рассвета.

Кому же доверялось освещение города? Вопрос этот решался на торгах. Подрядчиком становился тот, кто запрашивал у городской управы меньшую цену за обслуживание осветительного хозяйства. Как следует из документов, несколько лет «заведывал фонарями» мещанин Явнер Стуринский. В 1880/81 годах за 325 фонарей ему

причиталось 18 рублей за ночь. На них он покупал керосин, стёкла для ламп, рассчитывался с фонарщиками, которые зажигали огни. Приходилось быть расчётливым, чтобы оставалась копейка и в свой карман. За освещением улиц следили участковые, брандмейстеры и назначенный член управы.

Сохранился рапорт — полицеймейстер доносил 18 августа 1881 года в управу, что «вчерашнего числа на Чудинской улице и вновь устроенному шоссе от Чудинской улицы к железной дороге фонари были зажжены лишь только в 11 часов вечера». Из управы немедленно последовало распоряжение: разобраться, «за сколько фонарей следует наложить штраф».

Дело же, по сообщению члена управы, оказалось в следующем: «...рабочий, зажигающий фонари на Чудинской улице и вновь устроенному шоссе, а также и на площади 1-й Софийской части, по случаю нанесённого ему извозчиком толчка упал, и несённые в корзине лампы рассыпались на дороге, из которых вылился керосин, почему он должен был возвратиться к подрядчику на дом и налить лампы вновь керосином. Извозчик скрылся...».

Поскольку случай оказался непредвиденным, штрафа на сей раз не наложили. Подряд на освещение фонарями с августа 1881 года по апрель 1882 в третий раз достался Стурин-

скому. Число фонарей увеличилось на 15, плата же возросла на 25 копеек. Трудно сказать, что стало далее с этим человеком, но в последующих документах он уже не значится. Вместо него появилось новое лицо — купец Виленкин.

Несколько документов за 1889 год сохранили жалобы и нарекания на плохое освещение улиц, но торги на следующий год выигрывает всё тот же Виленкин. В Новгороде в те годы насчитывалось уже 443 фонаря. И снова рапорты, жалобы, донесения.

«Большая часть фонарей, освещающих улицы города, очень плохо горят, а некоторые и совсем тухнут в половине ночи», — доносил участковый. Проверка 21 октября 1889 года в 2 часа ночи показала, что «на Петербургской улице, за исключением двух, все оказались потухшими, как равно и на площади, называемой Газоном, за исключением шести потушенных. На улицах Лучанской, Конюшенной, Забавской и Предтеченской — ни одного фонаря».

Но купец Виленкин не давал себя в обиду:

«Почему полиция, следя за правильным освещением, замечает негорящие фонари, а не замечает, как крадут лампы из фонарей и выбивают стёкла?», — пишет он в объяснительной записке. В другой раз добавляет: «Если хотите, чтоб до утра горели фонари, то лейте свой керосин...»

Первые электрические фонари загорелись в Новгороде в 1910 году, в кремле, и новое изобретение быстро пронизало всю человеческую жизнь. Сегодня в Великом Новгороде насчитывается 9100 современных светильников, которые ожидают очередной реконструкции.

Да будет свет!

Ямщик, погоняй лошадей!

Вы все, наверное, читали, видели в фильмах такой вид транспорта — дилижанс. Он был распространён в XIX веке, когда железные дороги ещё не покорили пространства. Ездили на дилижансах и новгородцы. В городе имелось две конторы, организующие эти поездки.

Одну контору содержал купец Прокопий Антонович Манев. Главным маршрутом был Новгород — Ям Чудово. Это и неудивительно. Ведь в Чудове происходила перевалка пассажиров: одни из дилижанса торопились на поезд Петербург — Москва, а другие, покинув вагоны, торопились в повозку, идущую в Новго-

Дилижанс на Петербурго-Московском шоссе.
Литография. 1830-е годы

род. Рейсы совершались ежедневно. Первый дилижанс уходил утром в 6 часов. Билет на посадку в карете стоил 1 рубль 50 копеек, место снаружи (наверху) — 1 рубль. Второй рейс отправлялся в пять часов вечера. Билет в карете стоил уже 2 рубля, снаружи — всё тот же рубль.

Был ещё один рейс у маневского дилижанса — в Старую Руссу. Отправлялся он еже-

дневно в 8 часов утра. Билеты были дорогие: за место внутри кареты платить приходилось 3 рубля, за место снаружи — два.

Вторая контора принадлежала купеческому сыну Ивану Николаевичу Кононову. Дилижанс выполнял всего один рейс: в 6 часов утра отправлялся в тот же

Ям Чудово. Цена билетов равнялась цене у конкурента.

Можно предположить, что в утренние часы через Чудово проходил наиболее удобный для новгородцев поезд. Дилижансы ходили, скорее всего, до 1871 года, когда вступила в строй узкоколейная дорога от Чудова до губернского центра.

Вот идёт пароход

Этот снимок невольно напоминает слова незатейливой песенки: «*Пароход белый-беленький, чёрный дым над трубой...*». Действительно, пароход белый, дым чёрный. Только пароход не отправляется, как написал издатель, а наоборот — причаливает к пристани на Торговой стороне. Почему именно

причаливает? Потому, что он идёт против течения, вверх по реке, т. е. прибыл с нижней части русла. А там, в нижней части, находилась главная станция маршрута — Соснинская Пристань (сейчас — ст. Волхов Мост).

Появлению этой пристани посодействовала железная дорога, соединившая в 1851 году Санкт-Петербург и Москву. Это детище технического прогресса сокрушило устоявшуюся жизнь новгородцев, и не в лучшую сторону. Дело в том, что «чугун-

ка» прошла мимо Новгорода. Вместе с чугункой ушёл большой поток товаров, который следовал по тракту через губернский город, не стало проезжавших путешественников, которые останавливались в местных гостиницах. Экономика города была существенно подорвана. Пострадали и горожане, отправлявшиеся в одну из столиц: нужно было добираться до Чудова, чтобы сесть там на поезд, или же, покинув вагон, искать лошадей до Новгорода. А каково-то после вполне удобного расположения

в поезде трястись на почтовых — в пыли или по грязи?

Лет через пять такого житья новгородские купцы братья Забелины решили облегчить участь пассажиров, а заодно наладить новое дело: они создали Общество «Пароходство по реке Волхов», которое было Высочайше утверждено. Пассажирам, направлявшимся в Новгород или в столицу, предлагалось преодолевать расстояние в 70 вёрст (74,6 км) на комфортном пароходе: ни тебе пыли, ни ухабов.

К июлю 1858 года неподалеку от Чудова, в удобной бухте на Волхове была сооружена пристань, получившая название Соснинская: с причалом, вокзалом и буфетом при нём. Здесь на берегу был построен и первый пароход компании с весёлым названием «Красотка». 8 июля 1858 года состоялся её технический осмотр.

В составленном акте отмечено: *«Пароход железный "Красотка" с машиною высокого давления в 60 сил, имеет длины 150 футов, ширины 16 футов, осадки в воде 3 фута при полном грузе в 6000 пудов. При пробном рейсе от Новгородской пристани вниз по течению Волхова пароход проплыл в 40 минут 14 вёрст, а вверх то же самое расстояние проплыл в 50 минут (скорость 19½ и 15½ в час)... Все части машины устроены в Санкт-Петербурге на заводе господина Нобеля.*

Машина действует равномерно, не обнаруживая никаких толчков. Гребные колёса устроены по системе Моргана, вращаются в минуту от

42 до 45 раз. Самое судно сделано прочно, а внутренняя его отделка — с большим старанием и вкусом».

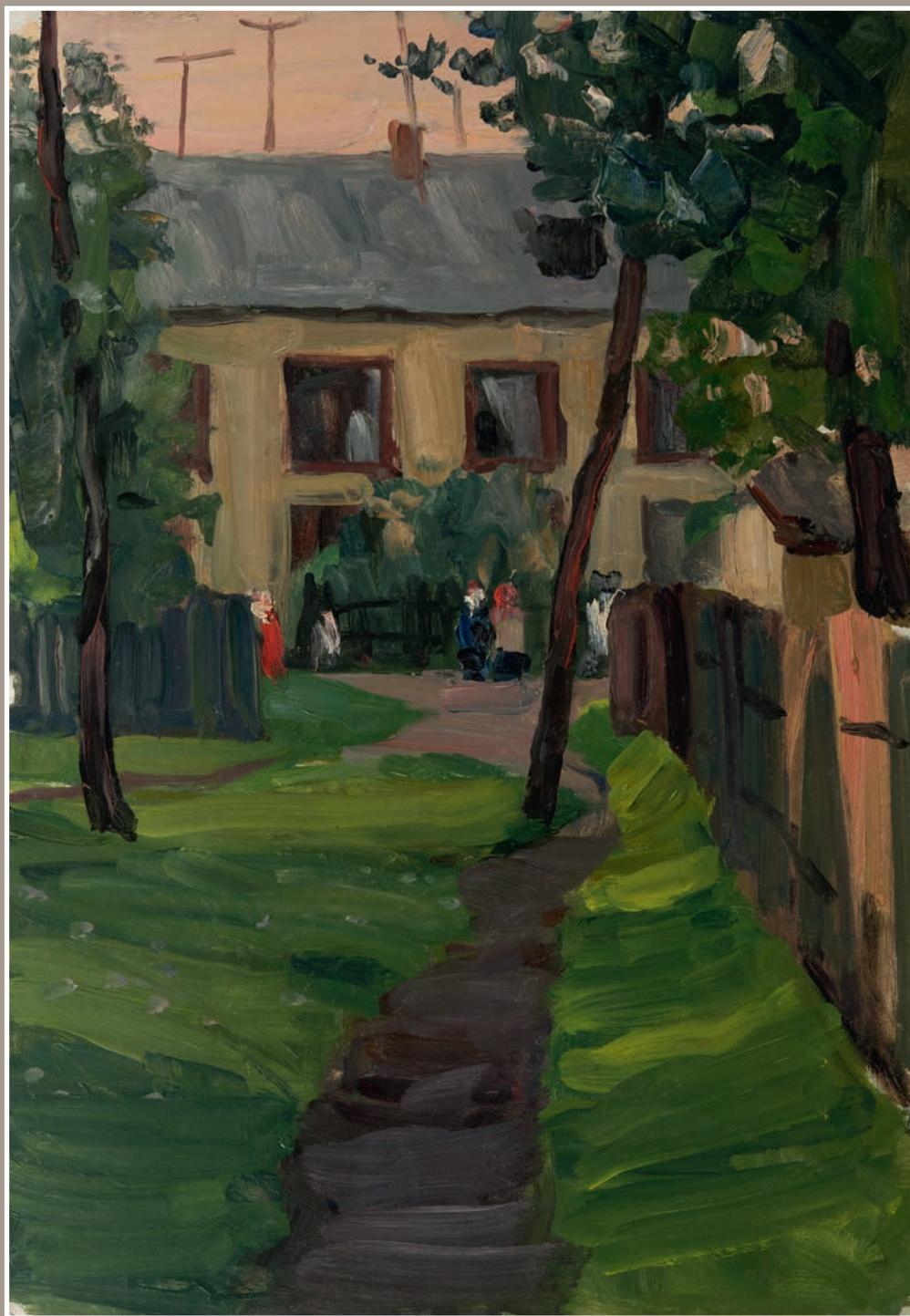
Фирма внимательно относилась к своим пассажирам. Если они прибывали в Чудово в ночное время, то могли занять места на стоящем у пристани пароходе и продолжить прерванный сон, так как пароход отправлялся в Новгород не ранее 6 часов утра, чтобы прибыть в город, когда уже открыты казённые и торговые учреждения, а на улицы выехали извозчики.

Место для пристани в городе было определено генерал-губернатором Филипповичем — против улицы Буяновской (буян, уст. — причал), на Торговой стороне, рядом с грузовой пристанью купца Ненюкова, на расстоянии 10 или 15 саженей друг от друга. Вот к этой-то пристани и направляется пароход.

Строения, которые стоят на первом плане, — это рыбные садки, хозяевам которых рыбаки сдавали свежий улов.

Новый вид общественного транспорта так полюбился новгородцам, что в скором времени в компании появился ещё один корабль с не менее выразительным названием — «Кокетка».

В.С. Рябов. УЛОЧКА, конец 1950-х гг.
Картон, масло, 49 × 34,5 см. НГМ КП 46836/12 СЖ-418

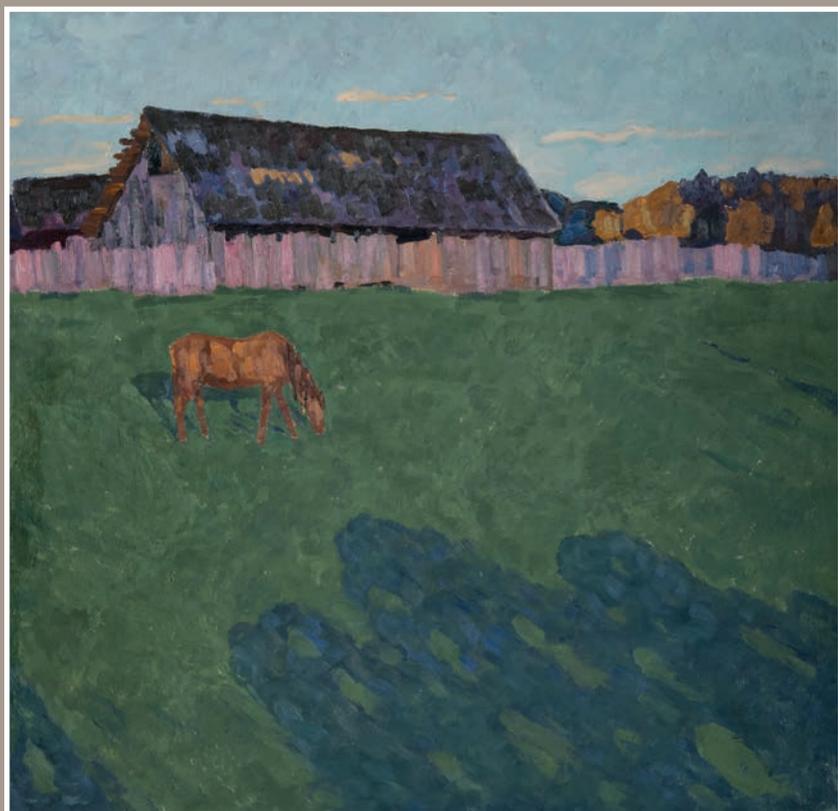

**В.С. Рябов. РАЗВАЛЕННАЯ ПОЛЕННИЦА, конец 1950-х гг.
Картон, масло, 34,5 × 49,7 см. НГМ КП 46836/8 СЖ-414**

**В.С. Рябов. НА ЛУГУ. СТОЖКИ. 1960-е гг.
Картон, масло, 41 × 65,5 см. НГМ КП 46836/19 СЖ-425**

В.С. Рябов. ЗЕЛЁНОЕ ПОЛЕ. 1963 г.
Холст, масло, 99 × 105 см. НГМ КП 17651

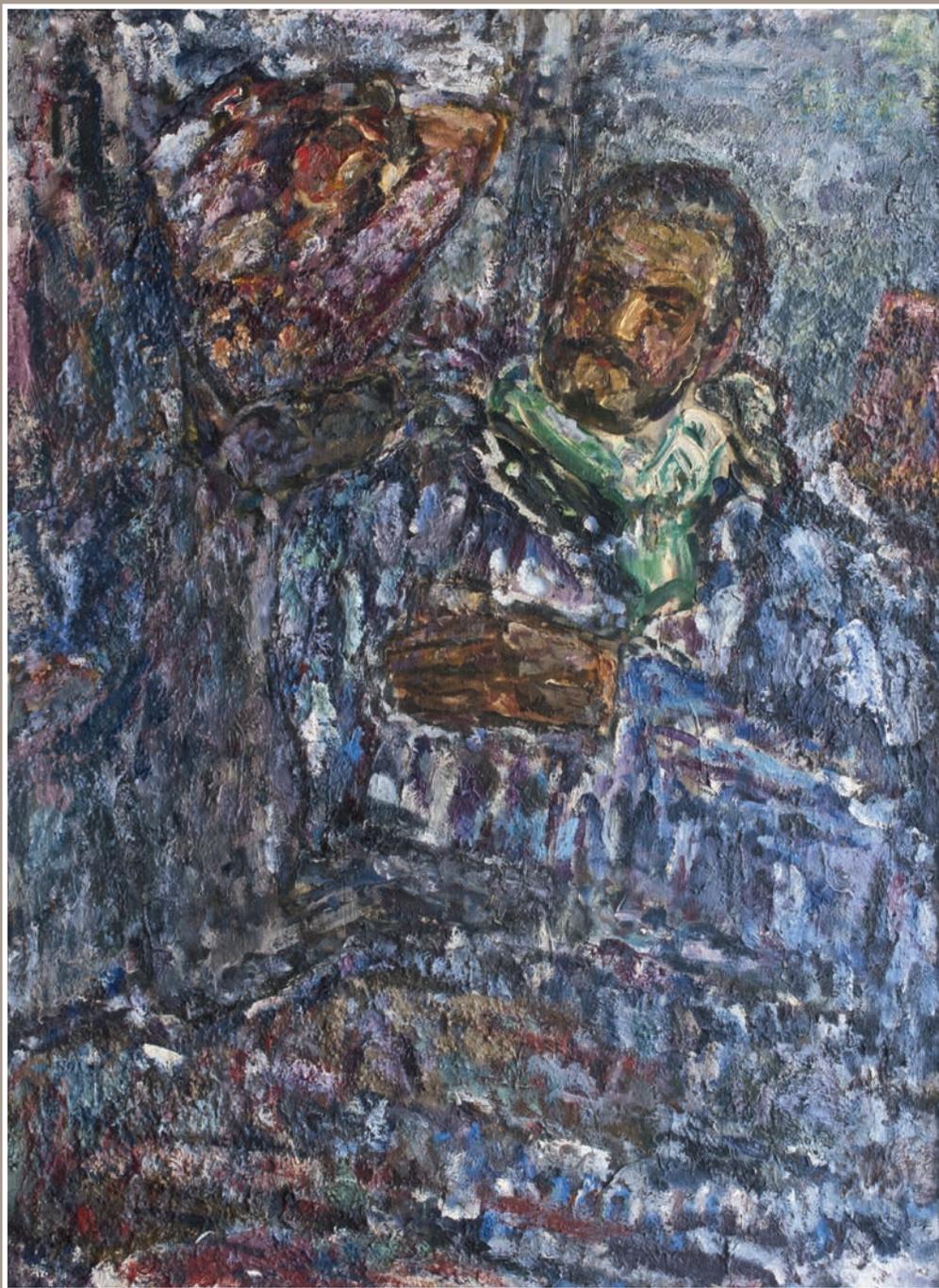

В.С. Рябов. ХУДОЖНИК НА ПЛЕНЕРЕ, 1980-е гг.
Холст, масло, 130 × 199,5 см. НГМ КП 37318 СЖ-228

В. С. Рябов. ОЛЪХИ, 1970-е гг.
Холст, масло, 110 × 105 см. НГМ КП 36248 СЖ-147

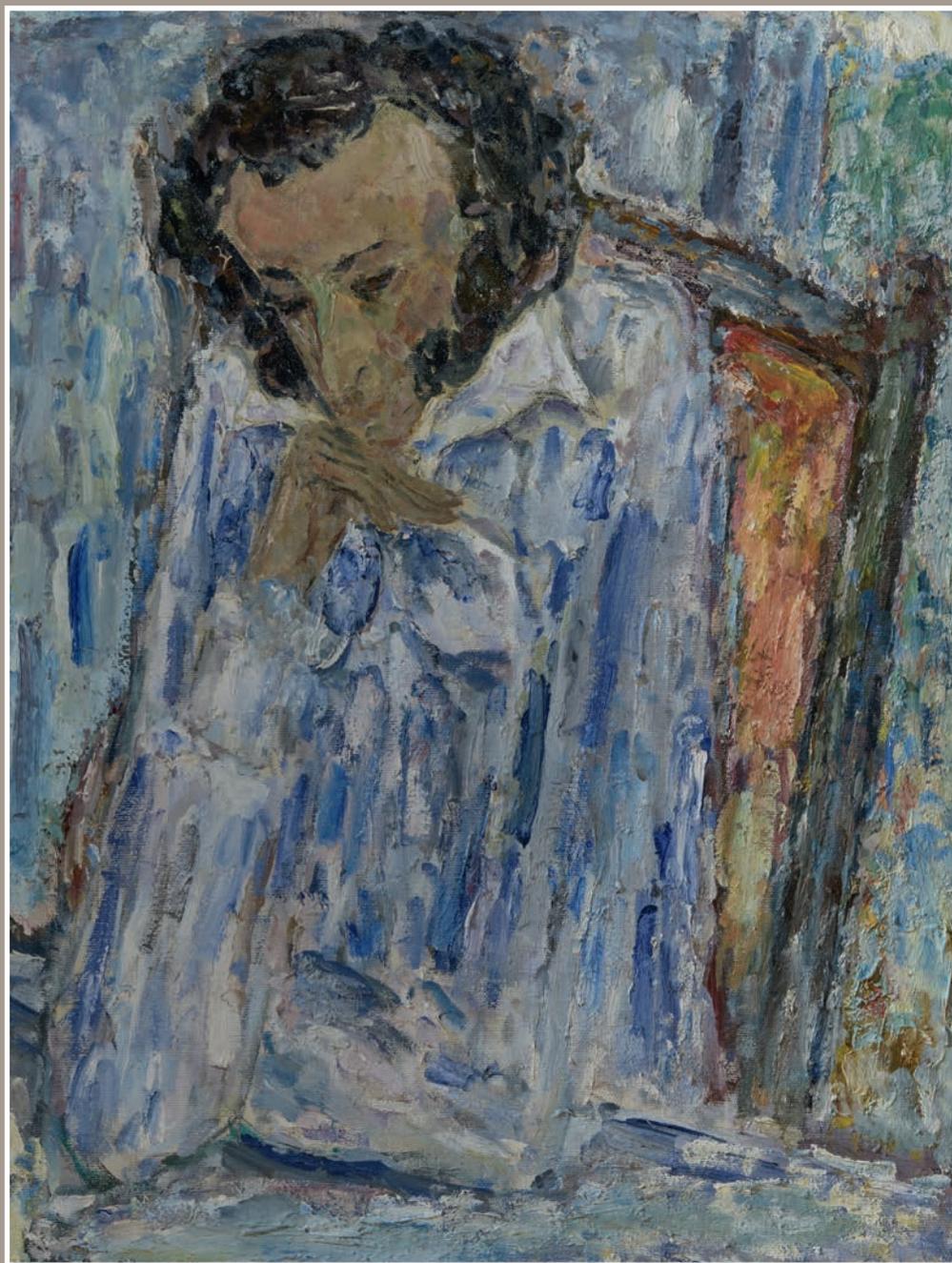
В. С. Рябов. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, 1980-е гг.
Холст, масло, 103 × 115 см. НГМ КП 36870

В.С. Рябов. БОЛЬНОЙ ХУДОЖНИК, 1980 г.
Холст, масло, 184 × 135 см. НГМ КП 37674 СЖ-231

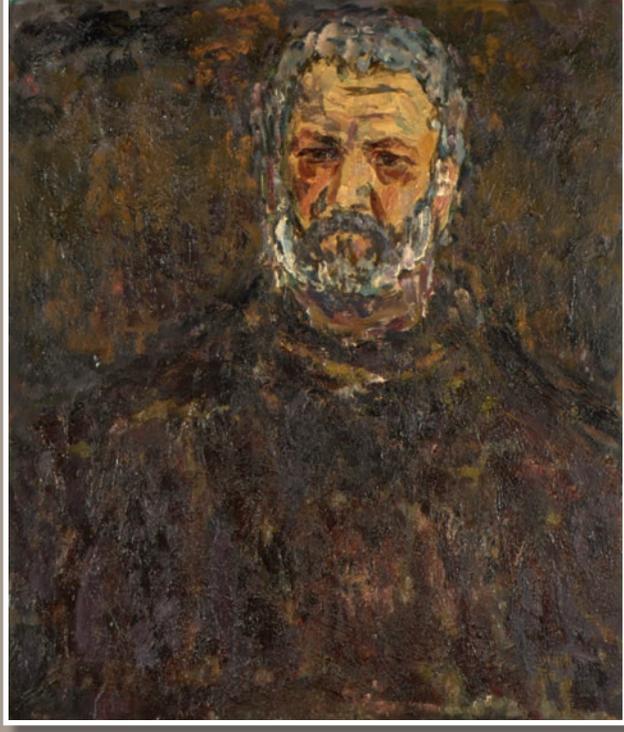

В.С. Рябов. ДЕВУШКА С КНИГОЙ, 1980-е гг.
Холст, масло, 100 × 78 см. НГМ КП 37325 СЖ-15

**В.С. Рябов. ЗА ОКНОМ ВЕСНА, АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН!
1987 г. Холст, масло, 130 × 100 см. НГМ КП 35165 СЖ-140**

В. С. Рябов. АВТОПОРТРЕТ, 1987 г.
Холст, масло, 89,5 × 77,5 см. НГМ КП 35192 СЖ-143

В. С. Рябов. АВТОПОРТРЕТ, 1989 г.
Холст, масло, 70 × 90 см. НГМ КП 35960

Ирина Васильева

ЖИВОПИСНАЯ ЭКСПРЕССИЯ ВЛАДИМИРА РЯБОВА

Владимир Степанович Рябов в новгородском изобразительном искусстве 1950—1990-х годов — личность легендарная. Пожалуй, с ним, более чем с кем-либо, напрямую соотносятся такие банальные, хотя и буквально точные фразы, как «яркая творческая индивидуальность», «своеобразная, щедро одарённая натура». В советской реальности он умел сохранять не только свою интонацию, но и свой голос, звучащий в полную силу.

Владимир Степанович был открытым и сильным человеком, свободным и незаурядным. Так сложилось, что мы воедино соединяем образ художника с его картинами. Личность и характер Владимира Степановича Рябова его произведения передают абсолютно точно. В сильных объёмных формах проступает мужественность, в мощном красочном звучании и динамике мазков — энергичность, в повторяющихся узнаваемых мотивах и силуэтах — любовь, восторг и смена глубоко личных

переживаний. За много лет Рябов сформировал своё понимание живописной среды как откровенного индивидуального пространства. В каждом новом произведении он мастерски наполнял эту среду интенсивностью и даже неистовством художественного языка. Его картины дышат XX столетием, непросто судьбой художника.

В детстве Рябов пережил войну, во многом определившую характер и воспитавшую его. Искусство вошло в его жизнь как счастливая награда за мужество и лишения, которые пришлось испытать. Он пришёл в живопись не простым путём, минуя обычные вехи профессионального обучения. Природная одарённость и сила личностного склада позволили выделиться из общего контекста. Первый опыт практической творческой деятельности в качестве художника-исполнителя В.С. Рябов получил на заводе «Красный фарфорист» в городе Чудово Новгородской области. Обретение «азбуки» изобразительных

В.С. Рябов. Морозный день. 1950-е гг., конец.
 Картон, масло, 49 × 69,2 см. НГМ КП 46836/15 СЖ-421

приёмов происходило на известной Академической даче им. И.Е. Репина неподалёку от Вышнего Волочка на берегу озера Мстино, куда съезжались на пленэр маститые и начинающие художники. Его творчество построено на природной первооснове, стремлении писать свободно, независимо, без оглядки.

Ранние живописные этюды Рябова открывают те основополагающие натурные искры и импульсы, которые дали начало большим экспрессивным произведениям последующего времени. В этюдах середины 1950 — начала 1960-х годов всё предельно лаконично — композиции ясные и обобщенные, взгляд художника охватывает большие пространства и стре-

мится за горизонт, колористическое решение нередко вторит землистой монохромной гамме с неярким освещением северо-западного дня. Но вместе с тем в отдельных пленэрных работах уже видны первые предвестия фантастического жара красок будущих картин. В середине 1960-х в творчестве Рябова произошла разительная трансформация живописного видения и претворения. Изменение было стремительным, изобразительный язык материализовался сразу, как будто на свободу выплеснулся весь огромный потенциал, находившийся внутри художника в годы становления.

Живописная экспрессия — вот основа, которая есть во всех произведе-

ниях Рябова. Плотные, сгущенные едва ли не до взрывной силы мазки являются одним из определяющих качеств его живописи. Глядя на работы, буквально ощущаешь, как кисть несёт тяжесть краски, щедро отдаёт её холсту, оставляя след душевного волнения художника, и тут же снова устремляется к палитре. Возникающее на полотне смешение крупных пастозных мазков превращается в «гул холста» — дышащую вибрирующую живописную фактуру. Рябов обладал даром подлинной колористической ворожбы, способностью говорить со зрителем не столько изображением предмета, сколько диалогом интенсивных цветовых пятен. Он использовал

контрасты открытых ярких цветов, смело вводил глубокий чёрный цвет, придающий соседним краскам ещё большую насыщенность и силу. На его полотнах цвета свободно перетекают и сливаются друг с другом, а красочная поверхность каждый раз создаёт свою особую ритмическую структуру.

Стихия красочного слоя, где ни одна краска не «называет» и не «описывает», а соотносится с бытием, порождая некую цепочку смыслов, всегда прочувствова-

В.С. Рябов. Влюблённая. 1980-е гг.
Холст, масло, 150 × 120,5 см. НГМ КП 36246 СЖ-212

на и верна. Иной раз кажется, что этот смысл рождается уже в процессе создания произведения. Но в творчестве Рябова стихийное живописное начало соединялось с ясной конструктивной логикой. Об этом свидетельствуют многочисленные карандашные зарисовки к картине «За окном весна. Александр Сергеевич Пушкин» (1987). Сохранившиеся наброски показывают, насколько художник хочет быть точен в выражении

В.С. Рябов. За окном весна, Александр Сергеевич. Эскиз № 4, № 5, 1987 г.
Бумага, карандаш, фломастер, 24,7 × 36,8 см. НГМ КП 46836/26 СГ-6184

собственного замысла, как прорабатывает возможности композиционного пространства, ищет соединении позы, силуэта, ракурса фигуры с жестом, мимикой, каждый раз выявляя новые возможности изобразительной формы и живого образа, осознаёт и формулирует их. И на картине бурная живопись, динамичная и мощная, сделанная как будто интуитивно, в порыве неистового волнения, оказывается вполне законченной, завершённой по силе и полноте высказывания.

В творческом восприятии Рябова доминировало одухотворенное восприятие человека и окружающего мира. Художник постоянно обращался к портретному жанру, показывая людей

крупным планом. Лучшим портретам свойственна композиционная простота с классическим «предстоянием» фигуры в пространстве. Точно найденная степень художественного обобщения, отодвигая мелкую конкретику, позволила сохранять индивидуальность персонажей. Парадоксально, как из ирреального и, на первый взгляд, хаотичного смешения красок, напластования объёмных фактурных слоёв возникает тончайшая мимика и душевное состояние персонажей. Поражает умение художника несколькими точно положенными акцентными мазками передать нюансы настроения и характера.

Психологически ёмкой формой, глубоким драматическим переживанием

и благородным достоинством отмечены автопортреты В.С. Рябова. Автопортрет — эквивалент эмоциональной жизни художника, личностный и профессиональный взгляд на самого себя. Одно из самых проникновенных психологических произведений В.С. Рябова «Автопортрет» (1987). Внутри образа заключено подлинное настроение чувствующей души, состояние человека, лишённого душевного спокойствия и глубоко переживаемое время. В автопортрете, написанном спустя два года, облик художника торжественно покоен, полон ясной суровой силы и даже без соответствующей атрибутики по эмоциональному воздействию производит впечатление парадного репрезентативного произведения. Замечательны образные решения в сюжетных автопортретах «Больной художник» (1980) и «Художник на пленэре» (1980-е годы). В первой композиции мощно вылепленный объём фигуры в предельно сжатом пространстве создаёт напряжённый драматичный накал. Чтобы создать такой сильный незабываемый образный характер, надо чувствовать и мыслить так, как мыслил, видел или даже интуитивно предвидел Рябов.

«Художник на пленэре» — абсолютно иная сущностная ипостась автора, ощущающего себя в природном окружении свободно и счастливо, словно в райском саду. В картине он сам творит свой Эдем, трансформируя живые органичные природные формы в фантастические дивные растения, делает их полупрозрачными и насыщает светом. Сплетает вокруг себя причудливые стебли, листья и цветы, порождая живописный мир, полный гармонии и красоты.

Живопись Рябова способна вместить любые тела, предметы и дать им разнообразную жизнь, которая возникает то из вселенского цветового месива, то из вибрирующих трепетных мазков. Один из прекрасных симбиозов реалий и фантазий художника — картина «Влюблённая» (1980-е годы). Восхищённо вглядываясь в натуру, он создаёт живописную ткань обнажённой плоти из сияющих красок, во взаимодействии которых рождается бесконечное множество цветовых комбинаций. Колористическое величие многослойного «одеяния» натуры и безграничное художественное воображение преображают живые формы, которые возникают в новом ярком обличье.

Природа на полотнах Рябова предстаёт в постоянной изменчивости состояний, разнообразии образов и буйстве красок. В пейзажах поражает жар заката, пламя осенней листвы, холодный вечерний сумрак. Затерявшаяся среди сплетений ветвей новгородская архитектура также выглядит частью природы, древние храмы словно «укоренены» в земле и неразрывно связаны с её ритмами. В пейзажах 1970—80-х годов нет дождей, размытых дорог, унылых облетевших деревьев. Будто художник живёт не на северо-западе с тусклыми серыми днями, а под южным сияющим солнцем. Вся царственная пышность природы, а это в полной мере относится и к зимним пейзажам с сияющими под солнцем снегами, найдена в сочетании красок.

Подлинный размах ощутим в натюрмортах художника, в их широкой, подчеркнута вещественной, даже браваурной живописи. Предметы изображены темпераментно и ярко, на грани

фигуративности, являя собой своеобразный одухотворенный фрагмент бытия. Таков натюрморт «День рождения» (1978), где формы предметов, едва успев возникнуть и воплотиться из щедрого потока густых красочных мазков, тут же становятся не материальными, акцентируя весомость форм и образную символику изображённой в центре вазы как своеобразной чаши жизни.

Каким нам запомнился сам Владимир Степанович Рябов? Высоким, с внимательным испытующим взглядом и громким голосом, густыми волосами и бородой, когда-то, ещё в начале 1970-х годов, в сопровождении великолепного немецкого дога Дивы. Всё, что он делал, делал с большим темпераментом. Эмоциональная насыщенность его монологов на самые разные темы поражала и захватывала окружающих. Довольно редко он говорил о военном детстве и родителях, чаще — о работе на Академической даче, красоте природы, повадках животных и всегда об искусстве.

Незабываемо чтение им стихов Бориса Пастернака, Марины Цветаевой, Николая Рубцова, окрашенное рокочущими голосовыми модуляциями и обилием неожиданных интонаций. Последнее десятилетие жизни художника не осталось за пределами активного творческого процесса даже из-за тяжелой прогрессирующей болезни. Краткое лечение в ноябре 1991 года в Норвегии, возможно, продлило жизнь Владимира Степановича, но не восстановило здоровье полностью. Он уже не смог выходить из дома.

Человек физически разрушался, но мастер продолжал жить. Творческая сила пережила в нём всё. Его одинокую жизнь в это время питали любовь к природе и новое познание её, музыка, литература и общение. Он словно не чувствовал никакой усталости и продолжал работать, постоянно требуя всё новые и новые чистые холсты. Но иной раз в эти прощальные приливы вдохновения тяжёлое внутреннее состояние мрачными красками накрывало начатые сияющие работы. В его картинах 1990-х годов, как и в реальной жизни, ограниченной стенами крошечной «хрущёвки», пространство сжато, спрессовано, он всё больше утрировал формы, которые, скорее, угадывались, чем узнавались. Но неизменно всё было сделано красиво и звучно.

Владимир Степанович Рябов — один из тех художников, о которых жалко заканчивать говорить, его искусство затягивает властно и серьёзно. Рябов — неординарный собеседник, его мысли далеки от обывательских, они меняют сознательные, чувственные, интуитивные и пространственные ориентиры.

Приближаясь вплотную к живописи Рябова, вглядываясь в её поверхность, где мазки хранят энергию его руки, соединяешь ушедшее и настоящее, так на выставке возникает пространство присутствия самого художника.

67 лет — недолгая жизнь. Но художник подарил нам великое чудо. Глядя на его картины, вновь видишь живого умного и ироничного Владимира Степановича Рябова.

Во втором выпуске альманаха мы продолжаем публикацию записок известного исследователя, публициста, писателя и издателя XIX века Павла Петровича Свинына о посещении Новгорода. Со страниц журнала «Отечественные записки» № 17 за 1821 год П.П. Свинын сообщает о своих «изысканиях» новгородских древностей, передаёт свои личные впечатления о древнейшем русском городе, его достопримечательностях, архитектурных памятниках, монастырях. Он пишет о Вечевой башне, «величавой и надменной» Марфе Посаднице, административном устройстве древнего города и его окрестностях. Описания и выводы относительно истории Новгорода и его древностей П.П. Свинына соответствуют представлениям исторической науки первой четверти XIX века.

Иванов М.М. Вид на Новгород со стороны Ильмень озера.
Акварель. 1785 г.

Павел Свиньин

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В НОВГОРОДЕ ВЕЛИКОМ

На Торговой стороне я ограничился следующими изысканиями: вечевой башни, дворца Ярослава I-го, дома Марфы Посадницы и пределов древнего Новгорода.

Кажется, не подлежит никакому сомнению, что развалины башни, приметной на берегу Волхова у стены купецких амбаров, суть развалины той знаменитой башни, на которой висел вечевой колокол, колебавший малейшим звуком своим тысячи народа, бывший столь долгое время залогом свободы гордых новгородцев и, наконец, погубивший их!

Место сие вероятно потому, что оно не далеко от главной площади и Дворища, на коем стоял дворец Ярослав, а еще вероятнее потому, что, кроме сей башни, не видно поблизости никаких подобных следов.

Существует предание, что царь Иван Васильевич, увезший в Москву вечевой колокол ⁽¹⁾ в числе трофеев, приказал сломать и самую башню, и что новгородцы в часы самого ужаса, наведенного гневом раздраженного на них монарха, не убоились при сем с поникшей главой, с растрепанными власами стекаться для

¹ Он снят с башни 13 янв. 1475 года.

последнего целования вечевого колокола, что самые жены и дети погребальным ходом провожали его далеко за город и оплакивали как самого ближнего, милого родного. Новгородцы чувствовали, что кончилось то время, когда со звуком колокола пробуждались в каждом гражданине новые мысли, новые силы на защиту и прославление отечества! Он спешил на Ярославову площадь, вслушивался в глас герольда, объявлявшего причину созывания, следовал за суждениями старцев, поражался истинами красноречия и любви к отечеству, соревновал в жертвованиях и великодушии, опровергал заблуждения или ошибки, поражал порок или злоумышление... Так действовали новгородцы на вече, доколе страсти не овладели ими, доколе суд народа, строгий, непоколебимый — яко Страшный Суд последнего часа — не превратился в борение и торжество властолюбия, хитрости и корысти. Вижу надменную, величавую Марфу, гордо восходящую на вече. Жертвуя пользами отечества — честолюбие, она предлагает войну царю московскому. В лстивых выражениях хитрая посадница исчисляет новгородцам их славу, их права на свободу; всеобщий ропот, всеобщее восстание знаменуют торжество посадницы, и се также последний торжественный звук вечевого колокола; скоро, после Шелонской битвы, новгородцы слышали его в последний раз извещавшим разбитие их дружин и падение великого Новгорода.

Ни один из историков, даже трудолюбивый Евгений, не показал нам,

кем было учреждено вече. Я надеялся что-нибудь найти о сем в надписи на вечевом колоколе, хранящемся в Московском арсенале; но узнал из нее только, что древний вечевой колокол перелит в нынешний в 1714 году.

Дворец Ярослава I-го был на Торговой стороне и стоял, говорят, на том месте, где ныне дом купца Седова. Он обращен был лицевой стороной к завороту Волхова так, что река сия с обоими мостами (из коих теперь остался только один) была перед глазами во всем своем величии. Мнение сие подкрепляет Пав[ел] Ив[анович] Сумароков⁽²⁾ многими вероятными соображениями, в том числе и тем, что место сие есть самое возвышенное и красивое в городе и на нем находится великое множество наносной земли. Рассматривая со вниманием сие положение, весьма явственно представляется перед дворцом широкая площадь, на которой, подобно кремлевским московским соборам, заметна купа из 7 церквей, из коих храм Николы Дворищенского принадлежал ко дворцу Ярославову в долгое время оставался собором. Площадь сия простиралась до самого Волхова, занимая все пространство от губернаторского дома вдоль по Московской улице, в том числе и нынешний дворец.

В линию с дворцом Ярославовым по площади находились: питейной дом, доныне стародворецким именуемый, монетный двор, немецкие лавки и мясные ряды. Гостиный двор был на том месте, где ныне губернаторский дом.

² История Новгорода рукописная.

На сей то площади собирались новгородцы для совещаний по звону вечего колокола. Князья из высоких теремов своих наблюдали волнение народа, и, извещаясь о предмете его совещаний, брали свои меры. Сзади по берегу Волхова до улицы Славной простирался обширный Княжеский сад; следы его можно доселе распознать, соображаясь с преданиями. Службы и двор прилегали к нему главной стороной, а другими выходили на улицы Нутную и Никольскую.

О великолепии дворца Ярослава, к сожалению, мы не имеем никаких других свидетельств, кроме слов Бильмарка, ⁽³⁾ шведского летописца, который повествует, что Ярослав построил себе столь великолепный дворец, что ни у одного иностранного государя не было ему подобного. В сем удостоверяет и слава его Двора, который служил убежищем многим северным князьям и владетелям. Олоф святой, король норвежский, лишенный трона, прибег под защиту российского монарха и был принят им с особенным дружелюбием. Дети мужественного короля английского Эдмунда, изгнанные Канутом — Эдвин и Эдвард, также принц венгерский Андрей, вместе с братом своим Левентом, нашли покровительство при Дворе Ярослава, который с таким же великодушием предложил у себя убежище князю варяжскому Симону и дал воспитание норвежскому принцу Гаральду ⁽⁴⁾. Если в XI столетии дворец княжеский был столь великолепен, то без сомнения он еще более украшался и увеличивался с приращением

богатства и славы Новгорода Великого.

Неизвестно, когда и кем разрушен Ярославов дворец, знаем только по преданиям, что в поздние времена существовал на его месте деревянный дворец, в котором жила потом наместники.

Кроме сего дворца в Новгороде и окрестностях его было еще несколько, в том числе самый древнейший Городищенский, в 1 версте от города на берегу Волхова, построенный Рюриком. Оба Иоанна Васильевича жили в нем подолгу, и при первом из них наведен был от сего дворца к Юрьеву монастырю через Волхов большой на судах мост итальянским архитектором Аристотелем. Петр I пожаловал его Меншикову, при коем еще находился в целости Княжий двор; теперь же остались от него едва приметные следы и обширный сад, простирающийся более чем на полверсты, а Городище составляет небольшую слободу, при коей сохранилась древняя церковь Благовещения, построенная в 1099 году.

Дворец в самом кремле у Покровской церкви. В нем жительствовавали наместники, потом стольники, воеводы и наконец коменданты. Ныне нет и признаков одного.

Ракома, загородный княжеский дом, в 8 верстах от Новгорода, ныне принадлежит помещику Семевскому.

С особенными чувствами приблизился я к дому Марфы Посадницы, и порадовался, найдя драгоценные остатки одного еще в таком виде, что достаточно могут убедить наблюдателя в сем приятном мечтании; убедить, что здесь жила

³ Разгов[оры] о древ[ностях] Новгорода, стр. 2.

⁴ Истор[ия] Рос[сийского] госуд[арства] Карамзина, Том 2, стр. 40.

знаменитая Борецкая, имеющая право на Историю, право блистать в числе немногих россиянок. Беспристрастный читатель достоинств смотрит не на последствия, не на успех предприятий человеческих, но на способы, им к тому избранные, на пружины его действий, остальное зависит от случая, от обстоятельств. Несколько часов жизни императрицы Елизаветы — и Фридрих II был бы лишен престола и, может быть, окончил жизнь свою в Петербурге; а для Истории он все бы остался великим полководцем, мудрым государем. Конец Марфы был самый плачевный ⁽⁵⁾, предприятия ее ниспроверженными, разрушенными; но все ж она осталась великой, необыкновенной женой!

Ныне в доме Марфы живет с семейством своим мещанин, купивший его лет двадцать пять назад, и в таком виде, в каком бы я желал видеть палаты славной посадницы: густой дремучий лес покрывал верхние своды его, огромная лестница заросла кустарником, ветер свистел в узкие окна и мхом подернуты были толстые стены. В этом состоянии мне хотелось бы видеть жилище сей бурной, пламенной души...

Мещанин отделал его по своему вкусу: покрыл низкой тесовой крышкой, отломал боярское крыльцо, сделал окошки шире. Обширные погреба Борецкой, некогда полные романеей и медами сахарными — превратились в пустые сараи и кузницу. К счастью, уцелело то, к чему кажется и сама рука времени не смела прикоснуться, несмотря на его

скудельность: по обеим внешним стенам остались еще в целости скульптурные украшения, кои носят печать великолепия XV столетия, и конечно немало способствовали современным писателям называть палаты боярыни Марфы чудными ⁽⁶⁾. Прибавя к тому узорочные, светлые терема, кои возвышались на острой чешуйчатой крышке, можно согласиться, что дом сей мог считаться пространнейшим и великолепнейшим в тогдешнее время, когда и царские чертоги были вообще в один ярус и большей частью деревянные. Богатство же и щедрость посадницы, подобные царским, не менее свидетельствуются историей, как и преданиями. В Николаевском монастыре находится подлинная грамота боярыни, доказывающая как сие, так и высокие ее чувства и мысли. Вот как изъясняется в ней знаменитая посадница:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа, се аз, раба Божия Марфа, списа сие рукописание при своем животе, поставила есми церковь храм Св. Николы в Корельском, на гробех детей своих, Антона да Филикса, а дала есми в дом Св. Николы куплю мужа своего Филиппа на Лавле острове село, да в Конечных два села и по Малокурье пожни и рыбные ловища, а по церковной стороне до Кудмы и вверх по Кудму и до озера, а в Неноксе место Засенки Полянка; а приказываю дом Св. Николы Господину своему деверю Федору Григорьевичу и его детям и Леонтию Аввакумовичу, и зятю своему Афромю Васильевичу, а на то Бог послух и отец мой духовный

⁵ Она казнена царем Иоанном Васильевичем.

⁶ Двинский летописец.

Игумен Василий Св. Спаса; а кто сие писание преступит, или порудит, а наши памяти залагут, сужуся с ним пред Богом в день Страшнаго Суда» (7).

Н.М. Карамзин первый ознакомил нас с Марфой Посадницей, обогатив вместе с тем отечественную словесность красноречивейшим образчиком исторического слога, но как он не имел, кажется, в предмете при изображении ее характера строгой истины, если, украсив ее героические добродетели вымыслом воображаемого совершенства, заставил многих принимать повествование о знаменитой посаднице скорее за вдохновенную поэму, чем за исторический отрывок, то не менее того достоверно, что Марфа Посадница, вопреки древним обычаям и нравам предков наших, кои удаляли жен от всякого участия в делах гражданских, действовала на поприще народного правления и действовала на умы и сердца сограждан своих велеречием и богатством; что она происходила из рода Ловинских, и в первом супружестве была за Филиппом, неизвестным в летописях Истории, во втором же за посадником Исааком Борецким, о коем упоминается, что в 1428 году при литовской осаде Порхова, он ходил из города с Григорием Кирилловичем в неприятельский стан, и с великим князем Витовтом заключил мирный договор; и наконец известно, что один из сыновей ее, Дмитрий Борецкий, был пожалован боярином московским, в знак уважения к могуществу его матери (8).

Издревле передается в преданиях, что палаты Марфы Посадницы стояли на Рогатице, и сей дом точно занимает оное урочище. Он недалеко от трактира и виден даже оттуда из окошек. Некоторые пристройки, сделанные в последние два года перед домом, переменяют несколько вид его, представленный здесь на картинке; впрочем он сделан с величайшей точностью.

Удовлетворив таким образом любопытство свое на счет трех описанных древностей Торговой стороны, мне весьма хотелось увериться собственными глазами и догадками о бывшем неимоверном пространстве Великого Новгорода и оживить тем в воображении известную пословицу: *«Кто может противу Бога и великаго Новагорода?»* И с добрым моим чичеронием, Петром Ивановичем, отправился отыскивать следы оногo.

Вокруг Кремля видны остатки земляного вала, который ограждал другой довольно обширный город, наподобие Китай-города в Москве. Есть старики, кои помнят частокол и высокие башни его, из коих некоторые недавно еще сломаны, а места их доселе очень явственны. Башен сих на Торговой стороне было 12, и каждая служила входом в особую улицу, кои все смыкались вместе на Торговой площади, так как в Петербурге сходятся главные улицы у Адмиралтейства. Видимые бастионы на Софийской стороне сделаны Петром Великим в 1700 г., после неудачного предприятия

⁷ Монастырь сей построен неутешной матерью в память двум сыновьям своим, Антону и Феликсу (от первого брака), кои потонули в море, осматривая обширные владения своей матери, и погребены на сем диком берегу.

⁸ Плутарх для прекрасного пола, или Галерея знаменитых Россиянок. Часть V, стр. 49.

под Нарвой, и сделаны, по свидетельству преосвященного Евгения, в несколько недель, ибо в работе их участвовали все жители новгородские без различия лиц и состояния, так что и сам престарелый митрополит Иов подавал в том собой почтенный пример. Далее — сиротствующие церкви среди полей, опустелые слободы, разбросанные колодцы и наносные возвышения указывают следы древнего города и рисуют весьма явно его округ; оный образуется следующими из них: упраздненными монастырями: Антониевским, Нередицким, Ситецким и Кирилловым, деревнями: Ожиговой, Шолоховой, упр[аздненным] Ковалевым монаст[ырем], селом Волоотовым, деревнями: Ущерско, Родионово, Запольем, упраз[дненным] монастырем Лисицким и наконец Хутынским, с его слободой. На Софийской стороне следы древнего города еще приметнее: с одной стороны, начиная с Холмков, весь берег Волхова усеян церквами, стоящими как бы в линию. Я насчитал их 16, а говорят, большая половина сломана. С другой стороны Антониев монастырь заключал его границу. Вот сколь огромен был древний Новгород! После сего можно поверить преданиям, что чиновники для объезда города имели подставных лошадей.

Если б пространство сие населено было по подобию нынешних европейских городов, то Новгород был бы многолюднейшим из всех на свете существующих и существовавших столиц. Но нет никакого сомнения, что построение его было ближе к азиатскому обыкновению, т. е. каждый дом заключал особенное владение, большое или малое, судя по

состоянию владельца и имел пространственные сады и огороды.

Со всем тем, по свидетельству некоторых писателей, Новгород мог выставить 100 тысяч человек своего войска. Он разделялся на пять концов, т. е. частей. В каждом из них была своя ратуша, своя общественная печать и свой староста или бургомистр, который заведовал расправой не только своего участка, но и принадлежавшего к его концу уезда или пятины. Каждая улица имела также своего частного старосту. Концы сии назывались: 1-й Славенским, 2-й Плотенским, 3-й Неровским, 4-й Загородским и 5-й Гончарским. *«Славенский, — пишет преосвященный Евгений, — был самый большой и древний конец. Он заключал в себе Ярославов дворец и всю верхнюю часть Торговой стороны до улиц Рогатицы и Буяной. Славенским назывался он потому, что сюда прежде всего переселились с озера Ильменя коренные Славяне. Плотенской конец начинался от улицы Рогатицы и Буяной, и продолжался вниз через Феодоровской ручей по Волхову до конца вала или до Борисоглебской нынешней церкви. Плотенским назван он от плотников, поселившихся здесь слободу для построения Новгорода. Третий конец — Неровский, был на Софиевской стороне и простирался от Кремля вниз по Волхову к Петербургской дороге и далее до улицы Легощи. Неровским назывался он от древней Новгородской дороги к Нарве, где Новогородцы имели складку своих товаров, отпускаемых за море. Четвертой конец Загородский был на Софийской стороне и простирался от улицы Легощи ко Псковской дороге до Прусской улицы. Загородским назывался*

он потому, что от Торговой стороны он лежал за Кремлем или городом. Пятой конец Гончарской также на Софийской стороне, и простирался от Кремля вверх по левому берегу Волхова до нынешней Ямской Троицкой слободы. Гончарским прозван от поселившейся там первоначально слободы горшечников, т. е. гончаров. После, когда город распространился за валовый большой окоп, то прибавились еще три конца, а именно: Неровский за городом, Петровский и Людин. Прочия загородския слободы назывались Запольями. В грамотах, писавшихся от имени целого конца, именовался он Господином, а Славенский сверх того назывался великим концом». ⁽⁹⁾

По числу первых пяти концов Новгорода, разделялась и вся Новгородская область на пять пятин, кои занимали почти третью часть Европейской России.

И Новгород, достигнув высочайшей степени богатства ⁽¹⁰⁾, могущества и славы, по непреложному закону, существующему в природе — пал почти в ничтожество. Он представляет ныне весьма посредственный городок, имеющий едва до 5000 жителей. Потрясения его начались с XV столетием, но самые ужаснейшие были следующее: моровая язва, истребившая в 1467 году 48,784 человека, а вместе с ближними уездами 250,650 ч. В след за сим, одним пожаром

превратились в пепел 4500 дворов. Потом гнев Иоанна Васильевича, при чем погибло до 30,000 обывателей, более 1000 знатнейших семейств перевезено в Москву, в Владимир и другие города; богатства в обителях и церквях описаны на казну и целые улицы опустели ⁽¹¹⁾. Мудрый царь Годунов призвал паки иностранную торговлю в Новгород, Ганза паки приняла его в союз свой, он начинал оживать, как грозное нашествие шведов, под предводительством Понтуса Делагарди в 1611 году довершило его падение ⁽¹²⁾, а основанием С.-Петербургского порта иссяк наконец и последний источник его благосостояния и надежд.

При объезде окрестностей Новгорода многие урочища останавливали особенно мое любопытство, так например:

Городище. Многие писатели полагают его местом знаменитого Славенска. Здесь также Рюрик основал свое пребывание, переехав из Ладоги в Новгород. Место прекрасное, возвышенное, и Рюрик мог видеть отсюда движения беспокойных новгородцев и брать свои меры.

Неподалеку отсюда лежит любопытное урочище Перынь, называемое по имени славного новгородского кумира Перуна, низвергнутого отсюда в Волхов при водворении христианства.

⁹ Принятые в исторической науке названия концов Великого Новгорода: Славенский, Плотницкий, Неревский, Загородский и Людин (Гончарский) (*прим. ред.*).

¹⁰ На Готланде, в г. Висби, они имели свои амбары, маклеров и свободное отправление богослужения, что в те времена было совсем необыкновенно. Купец Сырков построил своим иждивением 10 церквей и сверх того внес 30,000 талеров царю Иоанну Васильевичу.

¹¹ Истор[ия] Рос[сийского] госуд[арства], соч[инение] Карамзина, Том IX, стр. 251.

¹² Известно, что шведы были призваны в Россию на помощь в смутное царствование Шуйского, но обманом завладели Новгородом и многими его областями.

Наконец, знаменитое Волоотово или Богатырское поле, на котором погребались новгородские вельможи и богатыри и где возвышается гробница последнего славянского князя или посадника Гостомысла. Императрица Екатерина в записках своих почитает его сыном славного Буривая. Гостомысл, чувствуя, что новгородцы, ослабев от внутренних несогласий, угрожаются поработением варяг, на смертном одре своем дал им завещание — призвать начальствовать над собою трех князей из сего племени: Рюрика, Синава и Трувора. Новгородцы, любившие его искренне, приняли мудрый совет, и каждый из них принес на могилу его по горсти земли, от чего и составилась сей курган, имеющий более 4 аршин в вышину, 24 сажени в окружности снизу и 6 вверху.

На месте древней скудельни стоит небольшая, полуразвалившаяся церковь. Томное пение призывало меня в нее, никого не было из молящихся, тусклая свеча догорала. Этот храм построен в царствование Елизаветы фамилией Долгоруковых, над могилой их родственников, пострадавших в Новгороде от мщения лютого Бирона.

Слишком малое пребывание мое в Новгороде едва было достаточно, чтоб посетить здешние монастыри и заметить в них достопамятное.

Хутынский Варлаамиев монастырь лежит в 10 верстах от города, вниз по течению реки Волхова, недалеко от Московской дороги. В нем имеет постоянное свое пребывание викарий Санкт-Петербургского и Новгородского митрополи-

та; и, конечно, нельзя избрать приятнейшего и красивейшего обиталища! Стоя на возвышеннейшем месте из всех окрестностей — монастырь сей виден отовсюду; равномерно ни откуда и Новгород не представляется столь огромным и величественным как отсюда! Пустыри его закрываются садами и каменными стенами Кремля, монастырей и церквей. Картина сия особенно представляется из галереи или беседки, находящейся при Архиерейской келье. Она обращена на сторону Волхова, и весьма похожа на те, кои я некогда описывал в Киево-Печерской Лавре и Печерском Нижегородском монастыре, в коих я провел по нескольку часов в наслаждении всех чувств, созерцающая красоты природы и человеческих деяний.

Хутынская обитель основана в 1192 году преподобным Варлаамом, сыном богатого новгородского гражданина. В соборной церкви Преображения Господня покоятся святые его мощи. Богатая серебряная вызолоченная рака сделана иждивением некоего Мирона Тимофеевича Нахлопова, в царствование Михаила Федоровича. Здесь показывается любопытным зрителям трость царя Иоанна Васильевича¹³. Трость сия мерою 1½ аршина в длину, толщиною 1½ вершка, с хрустальным набалдашником. Здесь показывают и двери церковные, опалившиеся чудесным пламенем, исшедшим из гроба преподобного Варлаама. В ризнице я с благоговением приложился к жесткой власянице преподобного Варлаамия, весящей 18 фунтов, и веригам, коими святой изнурял плоть

¹³ Житие Св. Варлаамия.

свою. Здесь сохраняются также ризы его кофейного мухояра и оплечья вишневого атласа. С любопытством я рассматривал еще подлинную его грамоту, писанную полууставом на пергаменте. Величина ее 5½ вершков в длину 1¾ в ширину¹⁴. Из прочих церковных утварей достойны внимания: огромное Евангелие, обложенное чеканной серебряной оправой, весящее 2 пуда 5 фунтов; богатый напрестольный крест, украшенный жемчугами и драгоценными камнями; сосуды, принесенные в дар императрицей Анной Иоанновной, и водоосвященная чаша, вклада князя Ивана Шуйского 1637 года.

В большом саду на высоком холме посетите келью преподобного Варлаама, которая, как неким чудом, сохранилась до наших времен. В ней святой труженик провел остаток дней своих в угодность Божию, в пример соподвижников.

Обитель сия примечательна и многими другими событиями: например, в ней была главная квартира Понтуса Делагарди; она была посещена в 1656 году 1-го сентября св. патриархами Макарием Антиохийским и Гавриилом Сербским и Болгарским, приехавшими тогда в Новгород, причем они из уважения к чудотворному сему месту надели на архимандрита Евфимия клобук и шапку горы Афонской. Здесь учреждена Никоним типография в 1651 году и проч.

Наконец, славна обитель сия тем, что заключает у себя драгоценный прах бессмертного Державина. В одном из

приделов соборной церкви погребен Гаврила Романович. Порфиновый мавзолей, углубленный в стену, составляет скромный его памятник, и поздний странник, протекая уединенные берега Волхова, невольно завлечется на тихую могилу вдохновенного певца и повторит предания протекших веков: Державин был украшением трех царствований, был несравненный поэт, благотворный вельможа и добродетельный гражданин!

Антониевский монастырь лежит на противоположном берегу Волхова, в трех верстах от Кремля. Он есть самый древнейший, ибо основан преподобным Антонием, в 1106 году прибывшим к сему берегу из Рима по некоему чудному провидению в княжение Мстислава Владимировича Мономаха. Пр. Антоний тотчас же купил место сие от посадских новгородских детей за 100 рублей и построил сначала деревянную церковь, а потом каменную во имя Рождества Пресвятой Богородицы, которая и доселе существует и есть соборная. В ней почивают и мощи сего угодника: на раке в 7 кружках описана труженическая жизнь его и чудесное сюда прибытие. Лучшие из вещей, привезенных Антонием из Рима, как то: драгоценные онисовые и хрустальные потиры увезены Иоанном Васильевичем¹⁵ в Москву, но и оставшиеся здесь не менее драгоценны, как то: пять муссийных (мозаических) икон, крест каменный шести-

¹⁴ Сохранялся здесь долгое время и служебник, писанный на пергаменте и присланный пр. Варлааму из Царьграда от патриарха Никифора в знак его к нему уважения. Он находится ныне в Моск[овской] синодальной ризнице.

¹⁵ Они будут упомянуты при описании московского Благовещенского собора, где они доселе хранятся.

конечный, паникадило, колокол в 1 пуд и 10 фунт. (лит в 1084 году), две ризы кресчатые белые шелковые, и орарь, шитый золотом, и две или три пангии. Сюда принадлежит также ветвь морской травы, с кою изображается на иконах преп. Антоний.

Сверх того ризница здешняя особенно богата церковной утварью и одеждами. Большая часть из оных принесена в дар боярами, как то: стольником Иваном Самуйловичем Салтыковым, окольниковым Никитой Михайловичем Боборькиным, князем Иваном Шуйским и проч. Также многие из образов высокой греческой работы.

В здешнем монастыре помещается семинария, при коей находится богатая библиотека богословских книг, составившаяся большей частью завещаниями архиереев, из коих замечательнейшие по великолепию и редкости изданий суть из библиотек Феофана Прокоповича и Дмитрия Сеченова. Число книг простирается до 8000; многие из них украшены своеручными замечаниями сих ученых мужей.

Вообще обитель сия находится в цветущем состоянии, здания все каменные и окружены такой же стеной с башнями. Густая липовая роща осеняет ее с севера и придает не мало красоты, особливо с Петербургской дороги. Ах! сколько раз, завидя ее издали, я блуждал воображением в прохладной тени ее, между тем как зной палил меня на тряской мостовой!

Девичьи монастыри здешние: Десятинный и Духов, замечательны удивительным благоустройством и порядком, в них существующими. Первый находится внутри города, близ Псковской заставы, и построен в 1327 году великой княгиней, супругой Ярослава. Настоятельницаю в нем известная Шишкина, имеющая шифр и бриллиантовый жолованный крест. Я редко слышал столь согласный хор, как здесь, редко встречал такое благочиние, приветливость и вместе простоту, как в сей обители.

Духов монастырь находится в конце Великого Новгорода у С.-Петербургской заставы. Почтенная игуменья здешняя, мать Вриенна Лукина, много содействовала к приведению обители в цветущее состояние. Тщанием ее построены каменные часовни вне ограды, колокольня и прекрасная церковь в новом вкусе.

Нет сомнения, что наблюдатели отечественной старины и кроме сего найдут здесь много предметов достойных внимания, говорящих о славе и величии Новгорода¹⁶). Например, доселе еще женщины здешние одеваются весьма близко к старине; они донныне носят шелковые фережи без сборов с серебряными пуговицами, с самыми узкими рукавами, висящими позади, также кунтуши — род полушубков, обложенных бобровой опушкой; на голове же самый большой наряд состоит, как и в древности, в шапке (с понизкой из жемчуга), называемой кораблик, без которой

¹⁶ При рытье каналов находили нередко четыре ряда деревянной мостовой, из коих нижние в целости, и столь возвышенны одна над другой, что между ними отыскивали человеческие кости и гробы, а в одном месте нашли несколько тел, обернутых в бересту. Вот предмет для разысканий антиквариев.

девушки не венчались. Наконец, доселе ведется здесь прекрасная кровь новгородок, славимых за красоту; донны встретите часто Ксению с пламенными глазами, с большими ресницами. Веселый нрав немало увеличивает их прелести. Здесь существует между ними

обыкновение собираться партиями по вечерам и гулять с песнями по улицам. Гладкая дорога, проводимая из Петербурга, не мало облегчит способы любопытствующим узнать короче Великий Новгород.

П. С.

В публикации сохранена орфография и пунктуация автора

*Публикацию подготовили
Белоножка Э.Н., Данько Т.А.*

Луи Николя де Леспинас.
Вид города Новгорода. Париж. 1793 г.

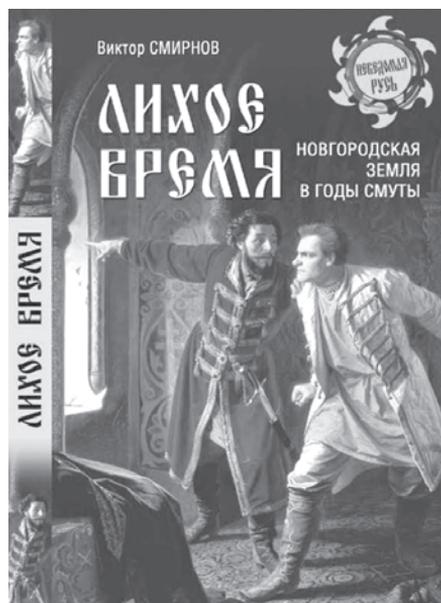
Наталья Морылёва
**ВОСЬМИЛЕТНИЙ КРИЗИС
 РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
 И ВСЕГО РУССКОГО МИРА**

*Да ведают потомки православных
 Земли родной минувшую судьбу...*

А.С. Пушкин. «Борис Годунов»

Виктор Григорьевич Смирнов и его книги — романы, повести, очерки, книги-энциклопедии, популяризирующие разные страницы истории Новгородской земли, широко известны не только в нашем регионе, но и за его пределами. Много лет он сотрудничает с московским издательством «Вече», выпуская книгу за книгой. И вот перед нами новое произведение: «Лихое время. Новгородская земля в годы Смуты».

Я увидела там маленькую рецензию, где, оценивая книгу, рецензент пишет, что, по её мнению, «ничтожно маленький список используемой литературы. Всего 12 источников, все они современные». Не могу согласиться с этим посылом. Так вышло, что, начиная чтение

книги Смирнова, я уже достаточно подробно была знакома не только с нашей историей начала XVII века, но и с историографией этого периода. Ранее делала обзор книг Замятина и Рабиновича для альманаха «Чело» и совсем недавно записывала обзор книг А.А. Селина для страницы научной библиотеки НовГУ на YouTube.

Да, все издания, которые приведены в списке используемой литературы, вышли в свет в последние годы, но это не значит, что они тогда же и написаны. Юхан Видекинд — шведский историк, историограф короля Густава II Адольфа родился в 1620 году, вскоре после описываемых в его книге «История шведско-московитской войны XVII века» событий. Николай Иванович Костомаров — русский историк XIX века. Сергей Фёдорович Платонов все свои основные исследования по Смуте написал в позапрошлом веке, лишь одну книгу очерков издал в 1923 году. Герман Андреевич Замятин создавал свой труд в 30-е годы XX века, другое дело, что долгие годы он хранился в рукописи и был напечатан только в 2008 году.

При обилии работ русских и зарубежных историков про Смуту в целом, история этого времени в Новгороде, как в дореволюционное время, так и советскими историками исследовалось не слишком охотно. Возможно, потому, что тема сотрудничества новгородцев с оккупационными войсками рассматривалась как новгородская измена, и эту страницу отечественной истории хотелось как можно скорее пролистнуть. А может, потому, что слишком мало исторических источников было доступ-

но исследователям. Ведь Новгородский оккупационный архив, включающий в себя огромное количество бумаг по делопроизводству Новгородской приказной избы за время шведской оккупации 1611—1617 годов, был вывезен Якобом Делагарди в Швецию и хранился в Государственном архиве, ожидая своих исследователей не одно столетие.

В первом номере альманаха «Новгородика» Элизабет Лёфstrand, профессор Стокгольмского университета, рассказывая об истории шведской русистики, довольно подробно повествует, о том, как началась работа по изучению этого архива, работа, в которой она сама принимала активное участие. Российские же учёные получили возможность исследовать этот крупнейший массив документов по Новгородской Смуте только в последние десятилетия. Результатом этих исследований и стали книги Г.М. Коваленко, А.А. Селина, Е.И. Кобзаревой, Я.Н. Рабиновича и их исследования не по общей картине Смуты, а именно по истории Новгородской земли в годы Смуты. И именно такой подзаголовок носит новая книга Виктора Григорьевича «Лихое время».

Так что, несмотря на то, что список невелик, он, несомненно, репрезентативен и показывает современную научную картину наших представлений о новгородской истории начала XVII века.

К тому же треть книги занимает приложение, в котором опубликованы нарративные источники и исторические документы, естественно, использованные автором в ходе написания своей книги. Среди них записки и сочинения иностранцев, бывших свидетелями опи-

сываемых в книге Смирнова событий, или посещавшие Новгородскую землю в первые десятилетия, после окончания Смуты, когда свидетели лихого времени были ещё живы. Немцы Матвей Шаум, Адам Олеарий, Пауль Флеминг, швед Пётр Петрей, голландец Антонис Хутерис — они были дипломатами, путешественниками, разведчиками, участниками оккупационного корпуса. В их сочинениях сведения и о многовековой истории Новгорода, и о его достопримечательностях, и о тяжелейшем положении новгородцев в последние годы оккупации. Когда от голода, разорения, морового поветрия вымирали целые селения и население городов. Во всех этих свидетельствах воспроизводятся жуткие истории разорения Новгорода Иваном IV Грозным (хотя в ту эпоху Грозным именовали Ивана III, а не его внука Ивана IV). Введением всех этих свидетельств в научный оборот мы обязаны многолетней работе по их сбору, переводу и комментариям Геннадия Михайловича Коваленко.

«Временник» дьяка Ивана Тимофеева, служившего в Новгороде с 1607 года до момента окончания оккупации, — уникальный литературный и исторический памятник Смуты, представлен двумя главами, посвящёнными личности князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

И, наконец, тексты русско-шведских договоров. Выборгский договор 1609 года, когда, по поручению царя Василия Шуйского, посланный в Новгород М. Скопин-Шуйский, назначенный главнокомандующим, заключил договор со шведской короной о предоставлении наёмного войска для участия в войне

против Польши. И по тайному протоколу шведское государство получало за эту помощь Корелу со всем Корельским уездом.

Договор Новгородского государства со шведским военачальником Делагарди 1611 года. Этот договор был подписан, когда союзничество перешло в оккупацию. Новгород был захвачен войском Делагарди. Именно в этом договоре официально зафиксирована уже существовавшая идея о приглашении на русский престол шведского принца Карла Филиппа, при условии принятия им православия. Но, когда я вчиталась в строки договора, у меня создалось впечатление, что это не совсем подписание капитуляции побеждённого перед победителем, а, скорее, некий альянс, в который новгородцы вступают, пусть под военным нажимом, но с надеждой преодолеть ту анархию, разброд и упадок, что принесли на русскую землю годы Смуты. Во всяком случае, в договоре утверждается неприкосновенность православия и его институтов, сохранение всех форм собственности и должностей, сохранение русской судебной системы, запрет на переселение, свобода торговли и передвижения для новгородцев купеческого звания и военного люда Московского государства, запрет держать слишком большой шведский гарнизон в Новгороде и разорять города. Новгородцы брали на себя обязательства подчиняться, при соблюдении всех этих условий, шведской короне в лице наместника Делагарди, пока в пределы Русского государства не прибудет шведский принц; содержать оккупационные войска, сообщать все сведения о своих доходах и припасах и верно

служить новой власти. От лица новгородцев договор подписали митрополит Исидор и новгородский воевода князь Иван Никитич Большой Одоевский.

Последний документ — Столбовский договор 1617 года, между Россией и Швецией, который завершил годы оккупации. К сожалению, Новгород потерял по этому договору многие свои земли. Потерял Ивангород, Яму, Орешек, Копорье. Вернул Великий Новгород, Старую Русу, Порхов, Ладогу, Гдов. Россия утратила выход к Балтийскому морю, который отвоевала только при Петре Великом, и выплатила огромную контрибуцию.

Стихотворный отрывок из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, приведённый в прологе книги, как нельзя лучше характеризуют эту эпоху:

«...Какая смесь одежд и лиц,
Племён, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стекались для стяжаний!
Здесь цель одна для всех сердец —
Живут без власти, без закона».

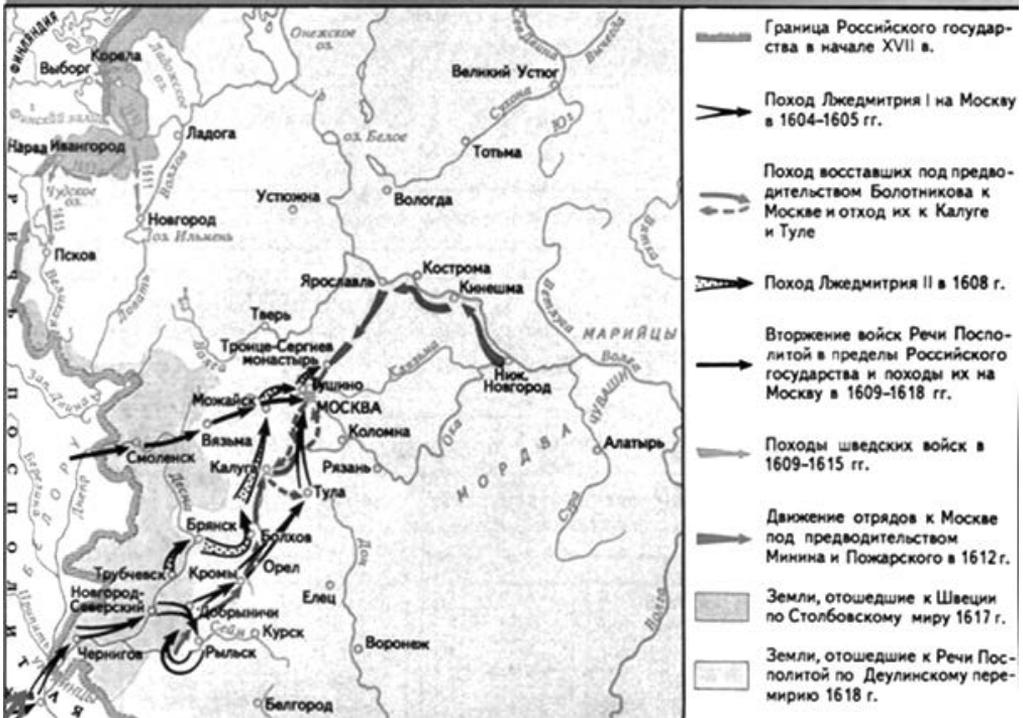
Прервалась династия, умер последний представитель прямой линии Рюриковичей. Произошла десакрализация власти. Все, кто рвался и прорывался к трону, уже в глазах и народа, и боярской верхушки не воспринимались, как помазанниками божьими, по праву занимающими престол. «Почему Годунов, Шуйский, а не я? У меня не меньше прав», — думал любой происходивший от Рюриковой ветви. Трёхлетний неурожай и голод, случившийся в конце царствования Годунова, свергнул народ

в разорение и озверение, а появление самозванца привело всю огромную страну в мощное хаотическое движение. Страна в целом и каждый человек в отдельности словно потеряли ориентиры, перестали различать, что есть добро, а что есть зло, из них словно выдернули некий стержень, который делал человека человеком, а территорию государством.

Когда прослеживаешь судьбы русских людей, участвовавших в восьмилетней Смуте, не устаёшь удивляться, какая «разруха в головах» была тогда в русском мире. Полная потеря ориентиров, целей, война всех против всех, непрекращающаяся цепь предательств. Например, Прокопий Ляпунов и его брат Захарий Ляпунов, рязанские дворяне сначала перешли на сторону Лжедмитрия I. После его убийства со своим отрядом присоединились к восстанию Ивана Болотникова. Во время осады Москвы войском Болотникова перешли на сторону Василия Шуйского. В 1607 году вместе с царскими войсками Ляпунов участвовал в осаде Тулы, где укрылся Болотников. В заговоре 1610 года помогал свергнуть Василия IV, приняв сторону Семибоярщины, которая, избрав царём польского королевича Владислава, впустила поляков в Москву. В апреле 1611 года Прокопий с князем Дмитрием Трубецким, казачьим атаманом Иваном Заруцким возглавил Первое народное ополчение, попытка которого изгнать польские войска из оккупированной Москвы окончилась неудачей...

Как прекрасный популяризатор Виктор Григорьевич довольно сухой и сложный, многоплановый исторический материал, содержащийся в научных ис-

СМУТНОЕ ВРЕМЯ в РОССИИ в НАЧАЛЕ XVII в.

следованиях, в своей книге преподносит читателю в художественной форме, образно и занимательно. Многие главные герои его повествования — Дмитрий Самозванец, Мария Мнишек, Василий Шуйский, Якоб Делагарди, Михаил Скопин-Шуйский, Сигизмунд Польский и Карл Шведский, патриарх Филарет, митрополит Исидор — перестают быть плоскими историческими персонажами, а превращаются в полнокровные человеческие личности со своими представлениями и расчётами, правдами и хитростями, честью и бесчестьем, героизмом и предательством, и проживают на страницах книги полнокровную жизнь во взаимодействии друг с другом, лютых схватках и смертельных столкновени-

ях, во взаимовыгодном союзничестве или вынужденных альянсах. К тому же богатейший иллюстративный материал, прекрасно подобранный, что вообще характерно для книг Смирнова, позволяет нам увидеть портреты главных действующих лиц повествования. Исторические полотна русских и иностранных художников, посвящённые узловым моментам Смуты, визуализируют драматические события 400-летней давности.

Снова возвращаюсь к маленькой рецензии в Интернете: «С одной стороны, написано достаточно легко, не перегружено невероятным количеством имен и дат, с другой стороны, словно не хватает конкретной последовательности событий». Не хочу спорить с последним

утверждением, но попытаюсь объяснить эти ощущения.

Сделав Новгородскую землю центром своего повествования, Смирнов, конечно же, не мог обойти молчанием развитие Смуты в целом на огромной территории Московского государства, простирающегося с юга на север от Астрахани до Валаама и от западных границ, вдоль которых Псков, Смоленск, Чернигов, Путивль. Белгород были точками, где разворачивались трагические события Смуты.

Лжедмитрий I, Тушинский вор, Лжедмитрий III были не единственными самозванцами в это Смутное время. На восточных рубежах при поддержке донских, терских, астраханских казаков и разбойничьих шаек подвизались и другие. Один из них «племянник» нового московского «государя» — «царевич Петр». Во время похода по Волге казаки во главе с «царевичем Петром» «всяких служилых людей побивали до смерти», грабили купцов, захватив Саратов, Самару. Царицын во время перипетий Смутного времени был сожжён и с 1608 по 1614 год являл собой пепелище.

Так что география Смуты была огромной и одновременно во всех этих точках что-то происходило. Новгородцы не оставались только в своём регионе, а принимали участие и в общерусских событиях. Всё это включает Виктор Григорьевич в единую картину своего повествования. Возможно, она выглядит несколько мозаично, рассыпаясь на события в разных уголках Русского государства, которые происходили не за один день и длились достаточно долгое время. Окончив свой рассказ об одном

из них, писатель обращается к событиям в другом регионе, порой возвращая читателей на несколько месяцев назад, чтобы представить всё происходившее уже на новом месте в полном объёме. Именно от этого создаётся подобное впечатление. Но, кстати, такой метод повествования, вероятно, позволит читателю лучше почувствовать ощущение человека той эпохи. Когда твой мир, твоё государство рассыпается на части, когда прерывается «связь времен», когда человек живет «без власти, без закона», когда всё колеблется, когда предательство уже не предательство, а «предвидение», и человека, словно щепку, бросает в водовороте событий от одного лагеря к другому.

Первые главы повествования ведут нас от момента смерти Ивана Грозного через недолгое царствование Фёдора к избранию Бориса Годунова, с характеристикой его деяний и началом экономического, а за ним социального и государственного кризиса. Появление Лжедмитрия. Его триумфальное шествие к Москве в сопровождении авантюристов и польско-литовских военных наёмников, в пределах России к нему присоединились отряды донских, терских, волжских казаков. Характеристика личности самозванца и торжества по поводу женитьбы на Марине Мнишек, закончившиеся удачным заговором Василия Шуйского и убийством Лжедмитрия. Кстати, этот заговор произошёл при участии новгородского дворянского ополчения. Избрание Шуйского царём и появление Лжедмитрия II (Тушинского вора) и осада тушинцами столицы.

В последующих главах появляется Новгородская земля и два главных героя

повествования. Это князь Михаил Скопин-Шуйский, которому царь Василий, осаждённый в Москве тушинцами, поручил, послав его в Новгород, заключить со шведской короной договор о предоставлении военной помощи, и Якоб Делагарди, возглавивший поход шведских наёмников в Россию (были там не только шведские войска, но и наёмники со всей Европы — французы, немцы, англичане, датчане). Автор знакомит читателей с многовековыми хитросплетениями новгородско-русско-шведских отношений. Со шведско-польским противостоянием и теми пружинами, что заставили эти два сопредельных государства вмешаться в Смуту, не только в попытке захватить русские земли и возвести на русский престол своих родственников, но и решить проблемы своих взаимоотношений.

К зиме 1609 года большая часть русской земли была под властью Лжедмитрия II, к нему присоединились и польские войска, и запорожские казаки. Шуйский в Москве в осаде, Ян Сапега, польский военачальник, осадил Троице-Сергиеву Лавру. Но непомерная жестокость, мародёрство, разорение, даже признавших власть самозванца городов, со стороны тушинских отрядов, убийства и надругательства над жителями, ещё больше разоряли многострадальную страну. Все участники этой вакханалии и не думали налаживать мирную жизнь. Города восставали, карательные отряды из тушинского лагеря действовали с остервенелой жестокостью. «Людей сбрасывали с городских башен, жарили на огне, разбивали младенцев об угол или втыкали колья...» — особой люто-

стью отличались запорожские и донские казаки. Люди тысячами спасались в лесах, селения пустели, пашни зарастали.

Удачное продвижение союзнических войск новгородцев под руководством Скопина-Шуйского вместе со шведским корпусом Делагарди с ликованием воспринималось русскими городами и к ним присоединялись всё новые отряды. Талант мудрого и расчётливого полководца вёл войско от победы к победе: Старая Русса, Торopez, Торжок, Тверь, Калязин, Переяславль, Александровская Слобода. Снятие блокады с уже изнемогающей Троице-Сергиевой Лавры, выдержавшей 15-месячную осаду. Торжественное вступление победителя в Москву 12 марта 1910 года... и смертельное отравление на пиру представителями клана Шуйских, испугавшихся популярности молодого полководца в народе и возможных его притязаний на трон.

И это несмотря на то, что польские войска Сигизмунда III уже более полугода осаждали Смоленск, и все понимали, что предстоит генеральная битва. В результате — переворот в Москве, смещение и постриг Шуйского, Семибоярщина, признающая права польского королевича Владислава Жигмонтовича на русский престол, его избрание на Земском соборе в сентябре 1610 года... Королевич в Москву не прибыл, православие не принял, и, следовательно, венчан на царство не был, но Москва оказалась под властью поляков.

Новгородской земле ещё предстояло пережить оккупацию. Шведский король Карл IX не мог позволить, чтоб новгородцы признали своим монархом

Владислава, отдавшись практически под власть Польши. И союзники стали оккупантами, сначала осадив новгородские крепости, а затем взяв 16 июля 1611 года Новгород.

О жизни новгородцев под шведской короной, о дальнейших событиях Смуты, убийстве Лжедмитрия II, создании двух народных ополчений, выдвижении кандидатур на избрание нового царя, освобождении Москвы и избрании Михаила Романова, возвращении новгородских земель и трудном пути к Столбовскому миру — обо всём этом вы сможете прочитать в книге Смирнова.

Хотелось бы заострить ваше внимание на том, что правительство Романовых, делавшее первые шаги к замирению, не поставило новгородцам в вину их сотрудничество со шведами. Тем более, когда новгородцы поняли, что никакого «православного шведского короля» на русском престоле не будет, а Швеция просто-напросто хочет поглотить новгородские земли, многие начали активно способствовать возвращению в Московское государство. Были и восстания в городах, и тайные сношения новгородских «управленцев», церковной и городской верхушки с Москвой и её представителями, и новгородские посольства, приезжавшие вроде бы с предложениями от имени шведского короля, на самом деле обращались с просьбой помочь им «отложиться» от шведской короны. После возвращения Новгорода Москва объявила полную амнистию всем служившим при шведах и воевавшим против москвичей в 1614—1616 годах и зачёт всех служб и пожалований. *«Объявле-*

ние социального мира в Новгороде было своевременным и мудрым поступком московских правителей», — писал в своём труде Адриан Селин.

К социальному миру и к возникновению консенсуса между властью и народом привела не только консолидация разных слоёв русского общества и военная победа, но и взаимные уступки разных враждующих групп, конечной целью которых стало окончание гражданской войны, борьба с оккупантами и возвращение к мирной жизни с восстановлением институтов управления страной. Возможно, успех Второго ополчения произошёл и потому, что в Ярославле, временной столице князя Дмитрия Пожарского, был созван Земский Собор, или «Совет Всея Земли». Этим правительством чеканились собственные деньги, его властью не только продолжался сбор ополчения, но и создавались по городам России институты будущей мирной жизни, традиционные органы управления Московского государства.

Книга Виктора Смирнова «Лихое время. Новгородская земля в годы Смуты» — небольшая по объёму, но очень плотно насыщена сведениями о тяжелейшем восьмилетнем кризисе Российской государственности и всего русского мира, о первых шагах, позволивших вновь приступить к собиранию русских земель в единое государство.

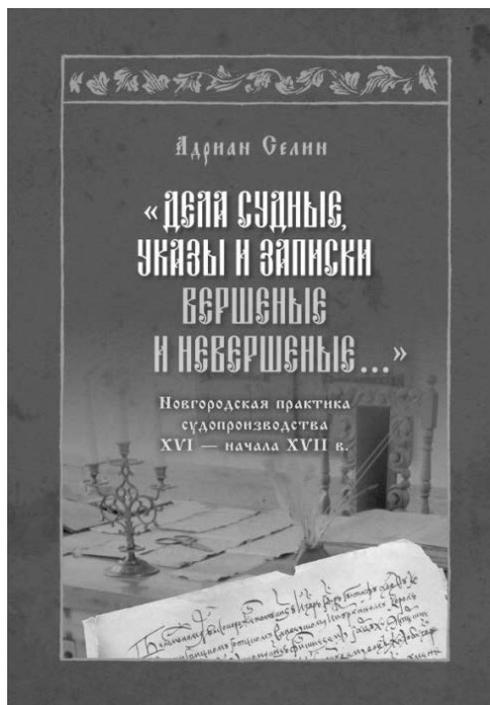
Через сто лет наступила эпоха возврата потерянных новгородских земель, и послесловие своей книги автор посвящает именно этим славным страницам нашей истории петровского времени.

Ангелина Калашникова

НЕСТОЛИЧНОЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ, ИЛИ НОВГОРОДСКАЯ ПРАКТИКА СУДОПРОИЗВОДСТВА

Выход в свет книги Адриана Селина «Дела судные, указы и записки вершеные и невершеные...»: новгородская практика судопроизводства XVI — начала XVII в.» — это большая радость для всех исследователей судопроизводства. В историографии при исследовании судебной системы традиционно очень большой упор делается на изучении законодательства, тогда как судебные документы часто используются лишь как иллюстрация применения тех или иных норм. К счастью, в новейшей историографии наметился поворот к исследованию правоприменительной практики, примером чего являются статьи К.В. Петрова, Н.Б. Безус, Е.М. Поповой, А.А. Калашниковой¹. Анализ правоприменения также стал одной из ключевых и актуальных задач книги Адриана Селина. Более того, автор справедливо указывает на важность изучения нестолычного правоприменения, каковым являлись новгородские судебные дела XVI — начала XVII века.

Книга состоит из трёх глав. В первой главе представлен источниковедческий обзор переписной книги дел новгородского Судного приказа² и книг записи Судной пошлыны новгородского Судного двора³. Переписная книга представляет

собой перечень заголовков судных дел 1584—1605 годов, хранившихся в архиве Судного приказа Великого Новгорода. Записи в переписной книге были разделены на годовые статьи, каждая из которых содержит перечень судебных дел, вершившихся в новгородском Судном приказе, список дел ежегодно присылаемых в Новгород из Заонежья, а также

перечисление холопских книг, которые вели в Новгороде Великом и в пятинах в соответствующий год. В большинстве случаев при описании судного дела в переписной книге присутствует указание на скрепу того или иного новгородского дьяка. Книги сбора судной пошлины 1611/1612—1614/1615 годов представляли собой реестры, в которых фиксировались дата слушания дела, имена истца и ответчика, предмет тяжбы и сумма взысканной пошлины, а также отмечалось, было ли дело завершено. И переписная книга дел новгородского Судного приказа, и книги записи Судной пошлины новгородского Судного двора опубликованы А.А. Селиным в приложениях.

Во второй главе проанализированы 1737 дел, упомянутых в переписной книге 1584—1605 годов в виде заголовков судных дел, записок — судебные решения, принимавшиеся по согласию сторон, отпусков по челобитным — судебные решения, принимавшиеся на основе поступивших в суд челобитных. Автор определяет такие группы судных дел, упоминаемых в переписной книге, как дела по кабалам, дела о холопстве, «бое и бесчестье», землевладении и землепользовании («земляной запашке»), об убийствах. Также Селин исследует социальный состав участников судебного процесса. Особого внимания заслуживают наблюдения А.А. Селина над применением смертной казни. Так, в Великом Новгороде с 1584 по 1616 годы по 753 уголовным делам, рассмотренным местными новгородскими судебными органами, только единожды применялась смертная казнь в качестве исключительного вида наказания.

Чрезвычайный интерес представляет третья глава монографии, в которой исследована судебная система Велико-го Новгорода и Новгородской земли. На рубеже XVI—XVII веков высшим судебным органом, существовавшим в Великом Новгороде, был новгородский Судный приказ (Судная изба). Этот орган осуществлял судебную расправу от имени новгородского воеводы и дьяка, а в его компетенцию входили дела по холопам, земельные споры, тяжбы по владельческим правам на крестьян, дела об убийстве крестьян, грабеже, татьбе, «насильстве», бое, бесчестье и «изроне». В Судном приказе разбирались также дела, присланные из городского суда — новгородской Судной избы, и из Заонежья. Другим судебным органом был новгородский Судный двор или изба — суд города Новгорода, который вершился выборными новгородскими судными старостами. В компетенцию этого суда входили различные «земские дела» между новгородскими посадскими людьми. Существовали также суды в новгородских пятинах — сельских округах. Они осуществлялись выборными из помещиков губными старостами. В компетенцию этих судов входили, по всей вероятности, земельные споры; впрочем, ряд дел, связанных со спорной земельной запашкой, часто передавался в Новгород. Суды в новгородских пригородах — Корела, Ладога, Ивангород, Ям, Орешек, осуществлялись действующей административной властью этих городов: воеводами, осадными головами, реже — наместниками. Их компетенция была близка компетенции судов города Новгорода и пятин. Суды в Заонежье,

по-видимому, вершились выборными земскими судьями. В их компетенцию входили «земские дела» — долговые, земельные и тому подобные. Раз в год нерешённые дела присылались в новгородский Судный приказ. Вне описанной выше судебной системы в Новгороде Великом конца XVI — начала XVII века существовал суд новгородского Дворцового приказа, подчинённый приказу Большого Дворца. Ему были подсудны дворцовые сёла и рядки, а также новгородские монастыри.

При анализе сложной иерархической структуры судов Великого Новгорода и Новгородской земли конца XVI — начала XVII века Адриан Селин использует понятие «инстанция», которое предполагает возможность пересмотра решений нижестоящего суда вышестоящим. Пересматривал ли новгородский Судный приказ решения, принятые в пригородах или губными старостами? Пересматривали ли московские приказы решения новгородского Судного приказа? Вероятно, присылаемые из городского суда (новгородской Судной избы) и из Заонежья в Судный приказ дела не были «вершеными», то есть решения по ним не были приняты. В таком случае, понятие «инстанция» здесь вряд ли применимо. В переписной книге некоторые из присылаемых в новгородский Судный приказ дел назывались «присланными к докладу». В Московской судебной системе XV—XVI веков для процедуры, когда тяжба после предварительного разбирательства пересылалась для решения судье более высокого статуса, использовалось понятие «доклад»⁴. На то, что инстанция

была одна, но разделялась на две части — следственную и обвинительную, ещё в XIX веке обратил внимание правовед Ф.М. Дмитриев⁵. Использование термина «инстанция» применительно к процедуре доклада по недоразумению утвердилось в историографии под влиянием работ Л.В. Черепнина⁶, хотя последний, описывая разновидности судебных документов, не имел в виду суд высшей инстанции, пересматривающий решение первой инстанции, а лишь хотел подчеркнуть иерархию этих судов, подразумевая под первым местный суд, а под вторым — центральный.

Отдельного внимания заслуживают наблюдения автора над изменениями иерархии судебных органов в конце XVI — начале XVII века. До начала Смуты внизу новгородской судебной иерархии находились Судная изба в Новгороде, суды губных старост в пятинах, новгородских пригородов и Заонежских погостов. Все эти судебные органы были так или иначе связаны с выборным началом. После 1611 года большая часть дел, ранее разбиравшихся в новгородском Судном приказе, рассматривалась в новгородской Судной избе, а воеводский суд теперь разбирал преимущественно дела о поместьях и дела о «государственной измене».

Книга Адриана Селина заполняет историографическую лауну и является актуальной работой по истории правоприменения и судопроизводства в Новгороде в конце XVI — начале XVII века. Кроме того, большую часть книги занимает публикация уникального комплекса источников, что представляет отдельный интерес для исследователей.

¹ Петров К.В. Значение «закона» в средневековом русском праве XVI—XVII вв. // *Sahiers du monde russe*. 2005. № 1—2. С. 167–174; Он же. Соотношение обычного права и закона в русской судебной практике XVI—XVII вв. // *Государство и право*. 2007. № 7. С. 80–83; Безус Н.Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // *Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион: материалы научно-практического семинара 25—27 марта 2004 г. Великий Новгород*, 2006. С. 93–98; Попова Е.М. Шведское присутствие в Новгороде: судебная система и судопроизводство времен Якоба Делагарди // *Научные ведомости БелГУ*. 2015. № 1 (198). С. 68–75; Она же. К вопросу о характере новгородской административной практики периода наместничества Якоба Делагарди (по материалам архива СПбИИ РАН) // *Известия Саратовского университета*. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 12–18; Она же. Кражи в Новгороде в начале XVII в. по материалам Новгородского Оккупационного архива // *Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура*. Ижевск, 2021. С. 196–201; Калашникова А.А. Русские судебные документы XV — первой половины XVI в. как источник по истории правоприменения // *На пути к государствам нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV — XVII веке*. Калуга, 2020. С. 316–343.

² Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 12.

³ SRA, Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 1: 4; 1: 5; 1: 64. С. 1–129; 1: 122.

⁴ Калашникова А.А. Институт доклада в судебном процессе княжеств Северо-Восточной Руси и Московском государстве в XV — первой половине XVI в. // *Комплексный подход в изучении Древней Руси: сб. материалов X Международной научной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»*. 2019. С. 93–95.

⁵ Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 152–154, 288–291.

⁶ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV в. Ч. 2. М., 1951. С. 230; Он же. Акты конца XIV—XV в., их разновидности и значение в качестве исторического источника // *АСЭИ*. Т. 1. М., 1952. С. 649.

Сергей Козлов

ПОРТРЕТ ПОЭТА В ИНТЕРЬЕРЕ КАЗАРМЫ

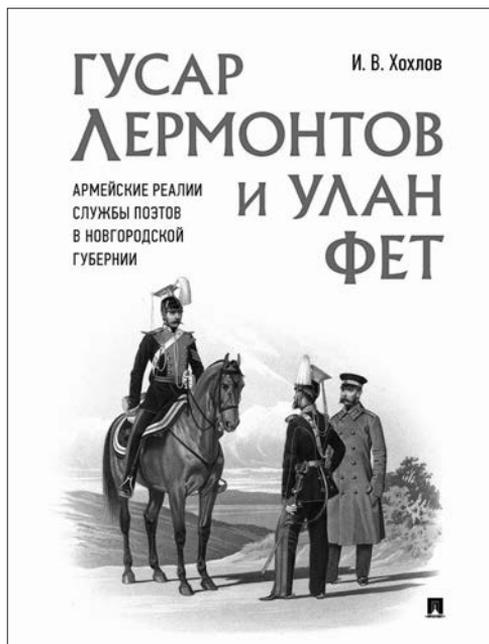
Рядовой любитель классической русской поэзии, возможно, споткнётся о название новой книги Ильи Хохлова. Но то, что Михаил Лермонтов и Афанасий Фет были офицерами — факт. Вот и возникает строгий гвардейский дуэт: «Гусар Лермонтов и улан Фет. Армейские реалии службы поэтов в Новгородской губернии».

Небольшой по объёму исторический очерк — лишь несколько страниц многолетнего исследования Ильи Хохлова армейской истории Новгорода от позднего Средневековья до Новейшего времени. При всей строгости и педантичности этой темы, часто связанной с повседневностью, казарменными регламентами, в ней обнаруживаются такие эпизо-

ды, которые способны растрогать очень широкую аудиторию. Аракчеевские казармы Новгородской губернии особенно окутаны каким-то несправедливо мрачным болотистым туманом. И такой «литературный» ракурс делает рассказ о них несколько божественным, более нарядным, чем это может показаться на первый взгляд. Происходит это, несомненно, потому что со временем имена Лермонтова и Фета стали хрестоматийными, в чём-то даже культовыми.

Книга имеет стройную, ритмичную композицию, каковой, видимо, и была служба гвардейцев в Новгородской губернии. Две главы последовательно излагают все факты, которые автор считает необходимым представить, — история казарменных строений, квартировавших в них полков, быт офицеров и рядовых, описание обмундирования и полковых регалий. В центре, разумеется, акцент на фактах биографии заглавных персонажей. В случае с Лермонтовым — это воспоминания его полкового товарища А.И. Арнольди. Фет оставил собственные воспоминания, с пространными выдержками из которых читатель книги имеет удовольствие ознакомиться.

Все эти факты давно известны исследователям и опубликованы. Да и сами герои на момент службы под Новгородом не имели репутации увенчанных славой поэтов. В условиях казарменных реалий их поэтические дарования уступили место другим человеческим качествам, помогавшим завоевать авторитет и дружбу среди однополчан. Да, казарменные портреты Лермонтова и Фета вышли вполне лицеприятными и не выбивающимися из тех представлений, которыми распо-

лагают многие любители литературы. И у книги есть ещё ряд неоспоримых достоинств, которые ставят её в ряд других изданий, осуществлённых Новгородским музеем-заповедником.

Как историк Илья Хохлов строг и лаконичен. Точными документальными описаниями он выстраивает картины прошлого, находящегося на периферии бурных событий в жизни Российской империи второй трети — середины XIX столетия. И, тем не менее, у читателя возникает осязаемый образ с неподдельными эмоциями. И дело не только в фактурных цитатах из мемуаров, выдающихся в их сочинителях образованных людей, упражняющихся в литературном слоге. Сам автор время от времени мягкой, лиричной фразой поддерживает уход от академизма. Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк вступает в Селищенские

казармы, а Илья Хохлов сопровождает исторический момент ремаркой: «Новые хозяева по достоинству оценили уготованное им судьбой место стоянки...».

Да и редкую главку автор не поддержит энергичным, со вкусом подобранным фрагментом поэтической строки, мемуаров или документа. Невозможно не отметить ироничное изящество, когда, излагая историю лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, где служил Фет, Хохлов цитирует... Лермонтова! Поэты не совпали по времени, находились в разных казармах, но как не вспомнить бессмертное, затверженное со школы «Уланы с пестрыми значками...», которое тут уместно поддерживает общую литературную восторженность, призванную скрасить тяготы и унылые моменты армейского быта. Впрочем, строки, венчающие «гусарскую» и «уланскую» главы, принадлежат поэтам соответственно их месту службы. Удадь и осознание принадлежности к особому слою русского воинства гимнопевческой радостью строк высекается в граните истории.

В книге прослежена история Селищенских и Муравьевских казарм. Первые, находящиеся в относительно оживлённой ныне части Новгородской области, представляют собой заброшенный и печально разрушающийся памятник архитектуры. От вторых остались только подробные планы и зарисовки, а также одиноко торчащая на заросшем плацу руина некогда внушительного здания гауптвахты. И вот, благодаря труду историка, читатели с лёгкостью могут вообразить себе, какими заботами и праздниками была окружена жизнь

гвардейцев, переживавших мирное время в глуши, каковой считалась Новгородская губерния.

Однако для современного читателя тяготы армейской службы могут показаться очень увлекательными и местами даже курьёзными. Автор отбирает выразительные штрихи, позволяющие оценить находчивость, жизнерадостность военных, способных и помимо кутежей, ставших притчей во языцех, скрасить свой досуг между учениями. Здесь находится место карточным играм, балам, театральным представлениям, православным праздникам. Особенно трогательно живописуется день полка, подчинённый скромному, но торжественному ритуалу, важному для рядовых служаков.

Объём книге придаёт и значительный иллюстративный материал. Он может служить своеобразным каталогом одноимённой выставки, прошедшей в Новгородском музее-заповеднике. Илья Хохлов собрал самые характерные предметы искусства, подлинное обмундирование и документы, подкрепляющие описания ярким и представительным визуальным рядом. Кроме планов казарм, изображений штандартов и подробно залитографированного, в том числе и в цвете, гусарского и уланского обмундирования, «галерея» включает современные фотографии. А много ли читателей знает, что Лермонтов был неплохим живописцем, как его аттестует уже упоминавшийся Арнольди? От пребывания поэта в Селищах, подобного яркому метеору (а это уже полковой летописец Ю.Л. Елец), сохранились две небольшие картины, написанные по кавказским воспоминаниям. Сегодня они хранятся в Пушкин-

ском Доме. Своими сокровищами также поделились Государственный Эрмитаж, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Самарский историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, Музей архитектуры им. А.В. Щусева.

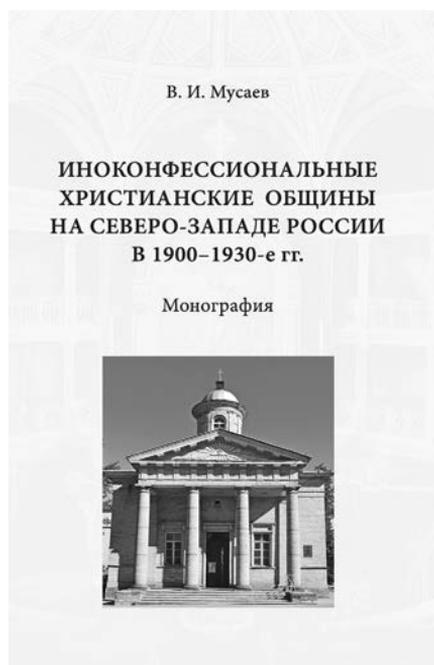
Надо помнить, что эти эпизоды — часть больших и неоднозначных процессов, связанных с кипучей дея-

тельностью графа А.А. Аракчеева, семилетием Николая I и другими масштабными событиями. На ленте времени они выглядят относительно умиротворенными, вынимаемыми из забвения исторической памяти Новгородскую губернию. И только так складывается полноценный образ, подлинное значение которого возможно оценить исключительно благодаря таким книгам.

Алексей Востров

К ВОПРОСУ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ XX ВЕКА

Весной текущего года увидела свет новая монография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН, профессора Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Вадима Ибрагимовича Мусаева. Автор получил известность как специалист по политической и этноконфессиональной истории Северо-Запада России и стран Северной Европы и Балтийского региона. К религиозной тематике он обращается не впервые. Его перу принадлежат монографии по истории православия в Финляндии и в Прибалтике, а также учебное пособие по истории религии и Церкви в Северной Европе.

Данная монография также посвящена церковно-религиозной тематике. На этот раз в сфере внимания автора оказались иноконфессиональные (или, как раньше было принято их называть, инославные) общины на Северо-Западе России, под которым понимаются Санкт-Петербургская, Новгородская и Псковская губернии (с 1927 года, в соответствии с новым территориально-административным делением, все эти территории вошли в состав новообразованной Ленинградской области). Речь в книге идёт о римско-католических, евангелическо-лютеранских и так называемых свободно-церковных протестантских (баптистских, евангелических, адвентистских и др.) общинах.

Выбор именно Северо-Запада в качестве региона, на котором сконцентрировано изучение указанных общин, не выглядит случайным. Именно здесь численность и удельный вес «инославных» верующих был особенно высоким, если сравнивать ситуацию с другими регионами с преимущественно великорусским населением. Санкт-Петербург, имперская столица, самый европейский город России, всегда отличался полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. Историческая Ингерманландия — центральная часть будущей Петербургской губернии в XVII веке, находясь под властью Швеции, была в значительной степени лютеранизирована за счёт переселенцев из Финляндии и Западной Карелии. Уже в имперские времена, в XVIII веке Петербургская губерния стала одним из регионов, где селились немецкие колонисты. В следующем же столетии на российский Северо-Запад стали массово переселяться крестьяне

из Остзейских или Прибалтийских губерний — эстонцы и латыши. Наконец, со второй половины того же века. Петербург, благодаря европейским связям представителей светского общества, стал одним из основных центров свободного протестантского движения в России.

В силу вышеперечисленного изучение истории инославных общин именно на Северо-Западе представляет особый интерес. К истории католиков, лютеран и свободных общин в России авторы обращались и ранее, однако такое исследование в региональном формате, в котором были объединены все инославные верующие, предпринято впервые. Существенное внимание уделено ряду малоисследованных вопросов, в частности таким, как особенности государственной политики по отношению к разным религиозным объединениям на различных исторических этапах, межконфессиональные контакты, а также межэтнические отношения внутри отдельных конфессий, биографические сведения о церковных деятелях и религиозных активистах.

В рассматриваемое время история России в целом, как хорошо известно, была насыщена бурными и драматическими событиями. То же можно сказать о конфессиональной истории страны. Государственная религиозная политика в эти годы неоднократно претерпевала изменения, в том числе в позднимперский период. Все эти перипетии нашли отражение в монографии. Подробно рассматриваются последствия хорошо известного указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года, как и других законодательных актов, на-

правленных на расширение религиозных свобод. Автор при этом показывает, что по отношению к католикам и сектантам, тем не менее, власти, в силу определённых причин, продолжали относиться с немалым предубеждением. Мировая война вызвала новую волну ограничений деятельности инославных общин. При этом лютеранская Церковь, до того находившаяся в относительно привилегированном положении, теперь оказалась под особо сильным прессом из-за её стойкой ассоциации с немецким влиянием. Февральская революция 1917 года и приход к власти Временного правительства дали толчок к установлению истинной религиозной свободы, однако этот процесс был прерван событиями октября того же года. В советское время в сфере церковно-государственных отношений дело обстоит не столь однозначно, что опять же нашло отражение на страницах монографии. В конечном итоге к концу 1930-х годов дело дошло до почти полного разгрома всех инославных общин на Северо-Западе, как, впрочем, и в масштабах всей страны.

Интересно и описание нюансов взаимоотношений внутри различных религиозных течений. Например, внутри католических приходов возникали противоречия на национальной почве, в первую очередь между поляками и литовцами — двумя наиболее крупными группами среди прихожан католических церквей. Литовцы выражали недовольство доминированием польских священников среди клира и в руководя-

щих структурах Церкви и преобладанием польского языка в дополнительном богослужении, проповедях и церковных школах. В свободно-церковном движении лидеры наиболее крупных общин — баптистов и евангельских христиан — ревниво относились к росту проповеднической активности других групп, в частности пятидесятников. Последних они называли «трясунами» и призывали *«братьев и сестер их остерегаться как приносящих другое учение»*. В то же время деятельность всех свободных протестантских течений вызвала беспокойство не только у православных архиереев, но и у лютеран, поскольку отток в свободные общины имел место, в том числе, и из лютеранских приходов.

Работа построена на солидной источниковой базе: автором использованы документальные материалы, многие из которых приводятся впервые, из восьми государственных архивов, ряд опубликованных документальных сборников, воспоминания, периодическая печать. Важно также отметить использование автором максимально возможного количества научных работ — монографий и статей — изданных как в России, так и за рубежом: в Финляндии, Германии, Польше и в других странах.

Новая монография Вадима Ибрагимовича Мусаева представляет собой несомненный интерес и для специалистов-историков, и для широкого круга читателей, интересующихся конфессиональной и общей историей России XX века.

ВАСИЛЬЕВ Ярослав Анатольевич, кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент кафедры истории России и археологии НовГУ

ВАСИЛЬЕВА Ирина Михайловна, искусствовед, Заслуженный работник культуры РФ, заведующая отделом комплектования, изучения и популяризации музейных коллекций Новгородского музея-заповедника

ВОСТРОВ Алексей Владимирович, исследователь, преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДАНКОВ Михаил Юрьевич, историк, Заслуженный работник культуры Республики Карелия, научный руководитель исследовательского проекта «Осударева дорога», действительный член Русского Географического общества, член Ассоциации работников «Музеи России», член Союза дизайнеров России

ИГНАТЬЕВ Андрей Александрович, историк, старший научный сотрудник Боровичского филиала Новгородского музея-заповедника

КАЛАШНИКОВА Ангелина Анатольевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН

КИРИЛЛОВ Александр Николаевич, краевед, поэт

КОЗЛОВ Сергей Александрович, кандидат филологических наук, арт-директор Театра драмы им. Ф.М. Достоевского

КОРЕШКОВА Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, исследователь

МОРЫЛЁВА Наталья Ивановна, главный библиотекарь отдела обслуживания пользователей и хранения фондов НовГУ

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

РАБИНОВИЧ Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

САВИНОВА Ирина Дмитриевна, журналист, писатель, исследователь

САЛОНИКОВ Николай Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений НовГУ, директор Музея истории НовГУ, старший научный сотрудник отдела использования документов ГАНО

СЕКРЕТАРЬ Людмила Андреевна, историк, Заслуженный работник культуры РФ

СМИРНОВ Виктор Григорьевич, кандидат исторических наук, писатель, сценарист, телеведущий, Почётный гражданин Великого Новгорода

ТЕРЕШКИНА Дарья Борисовна, доктор филологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры филологии НовГУ

ШМЕЛЁВА Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики НовГУ

ЯНИН Валентин Лаврентьевич (1929—2020), академик РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Новгородской археологической экспедиции, Почётный гражданин Великого Новгорода

ЯРЫШ Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, Заслуженный работник культуры РФ, Народный мастер России, руководитель народного самодеятельного коллектива «Студия декоративно-прикладного искусства «Новгородская береста», член Союза художников России

Научно-популярное издание

Дизайн *Алексей Востров*
Корректор *Елена Ефимова*
Техническое редактирование и вёрстка *Элина Белоножка*

Фотографии предоставлены авторами статей,
взяты из открытых источников

В оформлении использованы прориси новгородских печатей из книги
Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати
Древней Руси X—XII вв. Т. 3. М., 1998

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а /я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6, помещение 3, комната 1/1.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 31.10.2022.
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14. Тираж 500 экз.
Заказ №

ISBN 978-5-4484-3986-5

9 785448 439865

